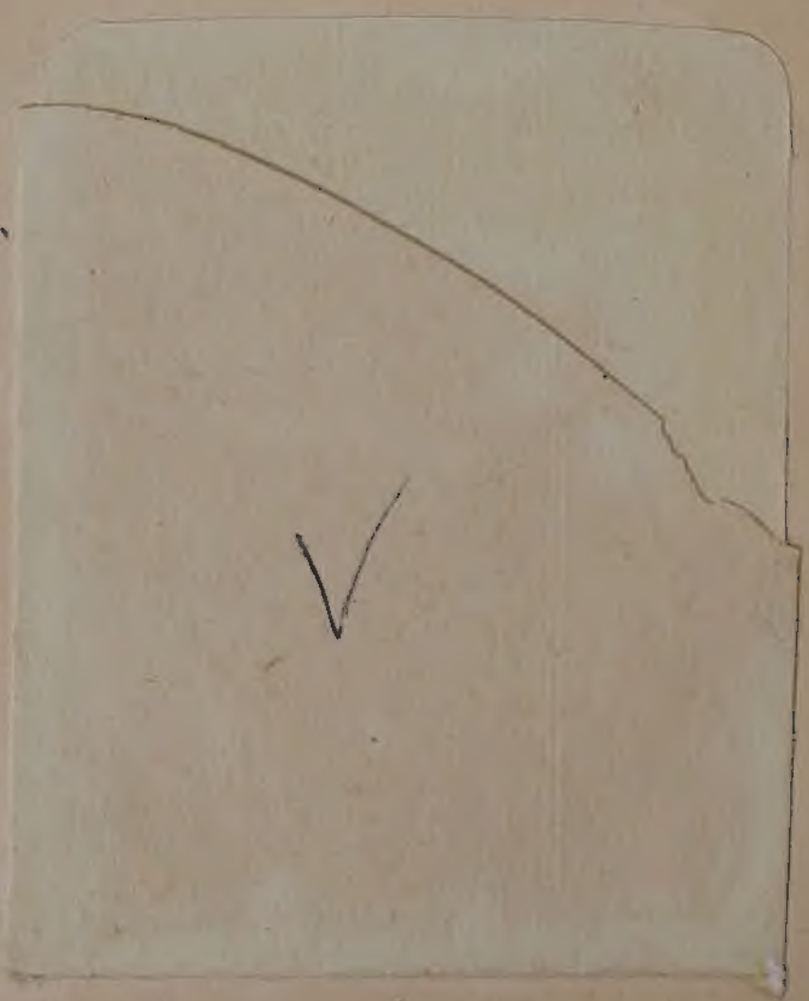
9(47)
О-82



9(47)
6
Кр.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Отд. III ст. № 186

1812-ый годъ.

ОМСКАГО ЕПАРХІАЛЬН. ЖЕНСК. УЧИЛИЩА БИБЛІОТЕКА № 1736
9(47)
О-82.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

А. А. ѲЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

И РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

101064.
ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛІОТЕКА ИМ. А. С. ПУШКИНА № 3/25

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПОРТРЕТАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ
„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“
ЗА 1910 ГОДЪ.

МОСКВА.
Типо-Литографія „ПЕЧАТНИКЪ", Хапиловская улица, домъ № 54.
1910.

Франція и Французы.

ВЪ КОНЦѢ XVIII-го столѣтія въ Западной Европѣ народная жизнь была непокойная, бурная. Большія перемѣны происходили въ общественной жизни разныхъ государствъ и въ особенности во Франціи. Тамъ народъ свергнулъ съ престола своего короля и постановилъ вести правленіе страной своими собственными силами, то-есть при помощи выборныхъ представителей изъ своей среды.

Это смутное время выдвинуло впередъ среди военныхъ дѣятелей много талантливыхъ и искусныхъ полководцевъ, которые прекрасно устроили французскую армію, закалили ее въ бояхъ и рядомъ удачныхъ войнъ доставили Франціи величіе, силу и крупное значеніе въ исторіи европейскихъ государствъ.

Тогда отдѣльныя самостоятельныя государства Запада соединились вмѣстѣ противъ Французовъ и рѣшили дать имъ отчаянный отпоръ, чтобы положить предѣлъ ихъ могуществу. Но Французы счастливо оставались побѣдителями въ этихъ войнахъ и продолжали удачными дѣйствіями отнимать у союзныхъ государствъ одну область за другой.

Самымъ искуснымъ полководцемъ, одержавшимъ много блестящихъ побѣдъ, былъ въ то время генералъ Николо Бонапартъ. Народъ боготворилъ его и прославлялъ, какъ генія, и избралъ его, въ концѣ концовъ, однимъ изъ главныхъ своихъ правителей. А правителей во Франціи было въ то время трое, и назывались они консулами.

Бонапартъ былъ крайне умный, энергичный человѣкъ, съ желѣзной силой воли. Геніальныя способности генерала Бонапарта дѣлали его необычайно дальновиднымъ и тѣмъ ставили

Императоръ Наполеонъ I.

его выше окружавшей его толпы, поражавшейся его геніемъ. Въ скоромъ времени Николо Бонапартъ сумѣлъ сдѣлать такъ, что онъ остался во главѣ правленія одинъ, съ неограниченной

Расположеніе французской арміи при Прейсишъ-Эйлау.

властью, а затѣмъ провозгласилъ себя императоромъ, подъ именемъ Наполеона I.

Твердое, обдуманное правленіе Наполеона быстро привело въ строгій порядокъ внутреннее государственное устройство. Но это одно не могло удовлетворить такую широкую, неспокойную натуру, какой былъ Наполеонъ. Онъ не хотѣлъ знать отдыха и цѣлымъ новымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ увеличилъ французскія владѣнія отнятыми землями у сосѣднихъ государствъ. Ему необходимо было для укрѣпленія своего положенія держать на своей сторонѣ армію, которую онъ и старался привязать къ себѣ, доставляя ей возможность отличаться на военномъ поприщѣ и вести походную жизнь, которая если и тягостна порою, зато, въ случаѣ побѣды, съ излишкомъ удовлетворяетъ жадность грубыхъ и чувственныхъ людей. Вѣдь во время завоеваній побѣдители начинаютъ хозяйничать въ чужомъ домѣ, и все, что въ мирное время, подъ охраной общественныхъ законовъ, считается запретнымъ плодомъ, то отдается имъ въ полное распоряженіе, въ силу правъ побѣдителей...

Мы упомянули уже, что европейскія государства соедини-

лись въ одинъ союзъ, чтобы защитить свою свободу и неприкосновенность отъ притязаній Наполеона, могущество котораго не хотѣло знать предѣловъ своему расширенію. Но бѣда въ томъ, что въ началѣ дѣла эти союзы были далеко не прочные, и каждое государство дѣйствовало противъ непріятелей самостоятельно, за свой страхъ.

Противъ испытаннаго въ бояхъ войска Наполеона и его геніальныхъ военныхъ способностей, конечно, многія государ-

Встрѣча императора Александра съ Наполеономъ въ Тильзитѣ.

ства выстоять не могли, и Наполеонъ каждый разъ выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ, обогащенный военной добычей и озаряемый новой, еще болѣе страшной славой.

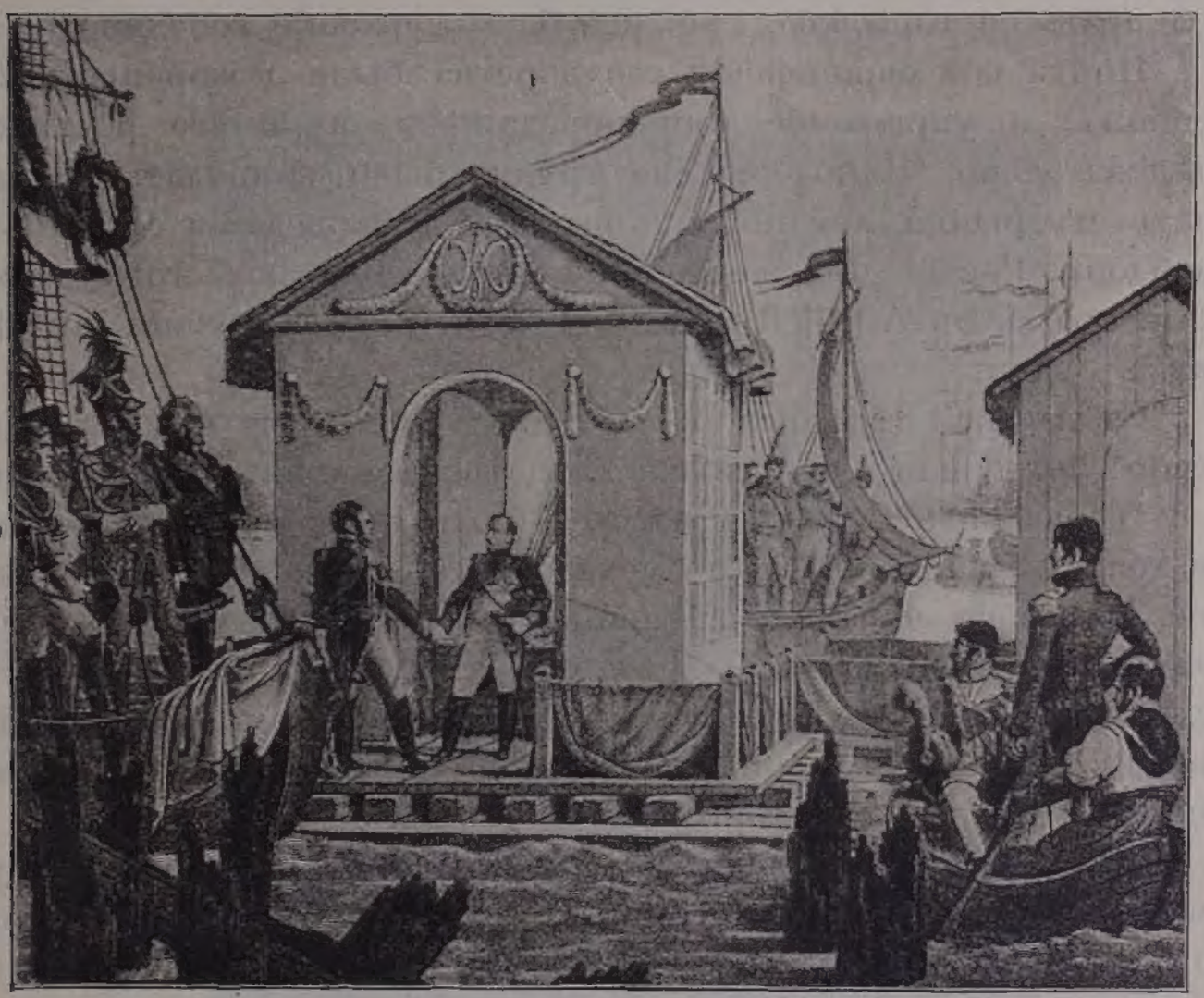
Такъ, противъ Наполеона въ 1805 году возстала Австрія; русскіе помогали имъ; но императоръ Александръ I напрасно уговаривалъ и Пруссію вступить въ ихъ союзъ; Пруссія отказалась, и Австрія была покорена Наполеономъ въ битвѣ при Аустерлицѣ (Моравія), послѣ чего Французы стали дерзко хозяйничать въ Австріи.

Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ, сломивъ Австрію, бросился на Пруссію. Теперь Австрія не хотѣла да и не могла помочь по-

слѣдней,—и въ нѣсколько недѣль Пруссія была завоевана Французами.

Русскіе, подоспѣвшіе на помощь, должны были одни выдержать натискъ Наполеона.

Въ битвахъ при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау Русскіе нанесли страшный уронъ Наполеону, такъ что онъ послѣ третьей битвы при Фридландѣ поспѣшилъ заключить миръ съ Александромъ I, выражая ему свое уваженіе и дружбу и обѣщая



Разставанье Александра съ Наполеономъ послѣ переговоровъ въ Тильзитѣ.

помогать ему во всѣхъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Этотъ миръ былъ заключенъ въ Тильзитѣ, въ 1807 году.

Но этотъ миръ заключенъ былъ Наполеономъ не потому, чтобы Наполеонъ старался о водвореніи тишины и спокойствія Европы, и не потому, чтобы онъ удовлетворился результатами своихъ дѣйствій. Ему надо было выждать время, вызнать силу противниковъ и собрать свои войска въ одно цѣлое.

Идея завоеванія всего міра и подчиненія его своей власти

не давала ему покоя. До сихъ поръ въ борьбѣ съ небольшими государствами грандіозный планъ Наполеона имѣлъ уже фактическое осуществленіе. Но зато Англія и Россія были настолько сильны, что съ ними трудно было справиться такъ, какъ справлялся Наполеонъ съ другими мелкими государствами. Кромѣ того, силу Россіи онъ уже испробовалъ и, какъ мы видѣли, поспѣшилъ заключить съ нею миръ.

Англія была сильна флотомъ и торговлей. Не вступая съ ней въ открытую борьбу, Наполеонъ замыслилъ прежде всего подорвать ея торговлю, т.-е. все благосостояніе государства...

Почти всѣ европейскія государства были покорены Наполеономъ, и управленіе ими передано въ руки его родныхъ; слѣдовательно, Наполеону не трудно было запретить пропускать на рынки англійскіе товары и произведенія фабрикъ и заводовъ. Россія, при заключеніи мира, обязалась тоже нарушить союзъ съ Англіей и не впускать въ свои гавани англійскихъ судовъ.

Съ Англіей дѣло было какъ-будто улажено; но Россія, какъ вскорѣ выяснилось, не хотѣла поддаться насиліямъ французовъ.

Выражая дружбу къ Россіи, Наполеонъ старался вскружить ей голову грандіознымъ полусказочнымъ планомъ — завоеванія всего земного шара и раздѣленія его на двѣ части, изъ которыхъ одна находилась бы подъ властью Франціи, а другая — подъ державой Россіи. А въ это время онъ сталъ уже вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія Россіи, требовалъ введенія въ ней новыхъ торговыхъ и иныхъ законовъ.

Эти дерзкія притязанія Наполеона побудили Александра выразить ему отказъ и, въ свою очередь, потребовать облегченія участи покоренной Наполеономъ Австріи, гдѣ Французы распоряжались крайне безцеремонно...

Ни за что не могъ перенести Наполеонъ сознанія, что на свѣтѣ можетъ существовать по сосѣдству съ нимъ государство, которое не только не желаетъ выслушивать его распоряженій, но даже само предъявляетъ къ нему свои требованія. И онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, сломить силу и могущество Россіи...

I. Походъ Наполеона I.

НЕЛАДНО повелъ Наполеонъ дѣло съ самаго начала. Ни разрыва сношеній съ Россіей, ни начала военныхъ дѣйствій съ ней онъ не объявлялъ, а, собравъ изъ двадцати подвластныхъ ему народовъ огромную армію въ 600 тысячъ, тайно двинулъ ее къ русскимъ границамъ.

Императоръ Александръ I Благословенный.

О ту пору вѣсти издалека приходили не скоро; былъ Наполеонъ уже на границѣ, когда вѣсть о томъ дошла до нашего двора.

Государь Александръ I Благословенный отправилъ посла потребовать отчета отъ Наполеона, что могъ означать его

дерзкій поступокъ?.. Никакого отвѣта Наполеонъ послу не далъ, а неуклонно двигалъ свою армію все впередъ да впередъ...

Во что бы то ни стало, хотѣлъ государь Александръ остановить это движеніе Наполеона, чтобы предотвратить неизбѣжное кровопролитіе и народныя бѣдствія. Но Наполеонъ гордо отвергнулъ всякую возможность мирныхъ переговоровъ. Въ началѣ іюля 1812 года наполеонская армія перешла черезъ рѣку Нѣманъ, подъ Вильной, которая въ то время какъ разъ была русской границей, и направилась по витебской дорогѣ въ глубь Россіи.

Выслушавъ предложеніе отступить отъ Вильны, Наполеонъ гордо сказалъ:

— Не я подалъ поводъ къ разрыву; не я первый началъ вооружаться; не я, а вашъ государь прежде пріѣхалъ къ арміи. Знаю, война съ Россіей—не бездѣлица, но у меня сдѣланы большія приготовленія, втрое больше войскъ и денегъ!.. Каждая новая война для меня—новое торжество. Я все предусмотрѣлъ и знаю, что вы не можете мнѣ сопротивляться... Я внесу войну во внутреннія области Россіи; употреблю на нихъ три похода: проникну въ ваши степи!.. Не за тѣмъ перешелъ я Нѣманъ, чтобы возвращаться!..

Въ то время Россія находилась въ исключительно трудномъ положеніи: какъ разъ шла у нея война съ Турціей; въ народѣ толковали съ тревогой, что послѣднія времена приходятъ, потому что съ одной стороны турки грозятъ, съ другой—непобѣдимый Наполеонъ самъ ведетъ свою испытанную въ бояхъ армію.

Къ счастью, какъ разъ въ это время, когда Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи, въ Турціи, командовавшій русской арміей, князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ одержалъ блестящую побѣду надъ турками и заключилъ съ ними миръ.

Пріободрился народъ, прослышавъ о томъ; видитъ, что не оставилъ его Богъ въ бѣдѣ неисходной!.. Повеселѣлъ и государь и сейчасъ же рѣшилъ ѣхать въ первопрестольную Москву, чтобы видѣть настроеніе народа и начать приготовленія къ неизбѣжному столкновенію съ наполеоновской арміей.

Государь приказалъ приготовить манифестъ о призывѣ всѣхъ русскихъ подданныхъ къ защитѣ родины. Онъ хотѣлъ ополченію Европы противопоставить вооруженіе всей Россіи...

II. Въ Москвѣ.

Восторженно и нетерпѣливо ожидала старая Москва пріѣзда государя. Ѣхалъ онъ изъ Смоленска, и потому въ объявленный день толпы народа высыпали за Дорогомиловскую заставу навстрѣчу ему. Да напрасно прождали государя весь этотъ день,—въѣхалъ онъ въ Москву ночью, неожиданно для всѣхъ, и уже на утро стало слышно, что всѣ должностныя лица собираются въ Кремль на пріемъ къ государю...

Эта первая встрѣча государя съ народомъ въ годину бѣдствій носила сильный, трогательный характеръ, и общее настроеніе было необычайно приподнятое. Когда государь вышелъ къ народу, вся огромная толпа, собравшаяся передъ дворцомъ, какъ одинъ человѣкъ, закричала ему:

— Отецъ нашъ!.. Веди насъ на супостатовъ!.. Умремъ, а истребимъ злодѣя!..

Взволнованъ и тронутъ былъ государь этой сценой. Многіе видѣли, что на немъ просто лица не было, и только глаза его вдохновенно и твердо сверкнули, когда раздался крикъ волновавшейся передъ нимъ толпы народа...

15-го іюля московскій генералъ-губернаторъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ, созвалъ въ Слободской дворецъ, что въ Лефортовѣ, дворянъ и купцовъ, къ которымъ государь хотѣлъ обратиться съ просьбой о помощи ему въ тяжелую годину.

Еще съ іюля государь издалъ манифестъ, въ которомъ говорилось: „Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Соединитесь всѣ, съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ,—никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ!..“ И тогда же въ Смоленскѣ, въ отвѣтъ на этотъ призывъ, мѣстное дворянство выставило 20.000 ратниковъ на свой счетъ.

Когда, по приглашенію Растопчина, собрались дворянство и купечество въ Слободскомъ дворцѣ, и государь обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой просилъ ихъ придти къ нему на помощь,—дворяне и купцы немедленно же откликнулись на его призывъ.

— Государь,—сказали они,—все возьми: и имущество, и жизнь нашу!

Александръ I не могъ удержаться отъ слезъ, слыша это.

Въ короткое время было добровольно собрано ополченіе свыше 300.000 человѣкъ и денегъ до 100 милліоновъ рублей...

III. Русская армія.

По сравненію съ наполеоновской арміей — русская армія была значительно меньше,—всего около 200.000 человѣкъ. Къ тому же, она была раздроблена на четыре части, которыя находились въ разныхъ мѣстахъ.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ.

Двѣ главныя арміи русскихъ, подъ командой князя Багратіона и Барклая-де-Толли, были расположены по витебской дорогѣ, по которой направлялся Наполеонъ; первая армія—по правой сторонѣ, вторая—по лѣвой, въ Гродненской губерніи.

Чтобы остановить движеніе французовъ, эти двѣ арміи должны были соединиться другъ съ другомъ.

Михаилъ Богдановичъ Барклай де-Толи.

Наполеонъ ожидалъ этого и заранѣе выслалъ противъ каждой нашей арміи нѣсколько отрядовъ, съ тѣмъ, чтобы они мѣшали этому соединенію. На каждомъ шагу французы нападали на русскія части неожиданно, то съ тыла, то съ боковъ, то заходили впередъ и заманивали за собою русскихъ въ сторону.

Нѣтъ хуже для арміи во время похода такихъ мелкихъ нападеній, которыя заставляютъ все вре-

мя быть на-сторожѣ, не давая ни отдыха, ни срока, мѣшаютъ правильности движенія и внушаютъ нерѣдко полное отчаяніе.

Съ неимовѣрными усиліями передвигалась армія Багратіона по сорока верстъ въ сутки. Но, наконецъ, Багратіонъ понялъ, что французы ни за что не допустятъ его выйти на витебскую дорогу, и круто повернулъ къ Смоленску, увѣдомивъ Барклая-де-Толли о томъ, что Смоленскъ лучше всего можетъ служить имъ пунктомъ соединенія двухъ армій.

IV. Защита и гибель Смоленска.

Обѣ арміи сошлись въ Смоленскѣ почти въ одно время. Но здѣсь обнаружилась непредугаданная неловкость. Въ соединенной арміи сразу оказались два командующихъ, а это могло

Французы подъ стѣнами Смоленска, 6 августа 1812 года.

повести къ печальному концу: непремѣнно хоть изъ мелочей, а придется сталкиваться имъ въ своихъ распоряженіяхъ другъ съ другомъ; и понятно, что такія столкновенія могли бы повести къ крупнымъ непріятностямъ на смущеніе и соблазнъ всей арміи.

Еще великое счастье, что и Багратіонъ, и Барклай-де-Толли были честнѣйшіе и рыцарски благородные люди, глубоко всей душой преданные долгу службы. Они и не думали оспаривать другъ у друга главной власти, а, наоборотъ, одинъ другому уступалъ первенствующее значеніе.

Барклай-де-Толли раньше служилъ подъ начальствомъ Багратіона, но Багратіонъ самъ первый предложилъ Барклаю-де-Толли главное командованіе обѣими соединенными арміями.

— Надо, чтобы за всѣхъ одна голова отвѣчала,—сказалъ онъ.—Прими команду и надъ моей арміей... А мнѣ это въ обиду не будетъ...

Барклай-де-Толли былъ глубоко тронутъ и польщенъ этимъ.

Никѣмъ не стѣсняемый въ распоряженіяхъ, Барклай-де-Толли быстро привелъ въ порядокъ армію, численностью доходившей до 120.000 человѣкъ, съ которой онъ рѣшилъ не только продолжать правильное отступленіе отъ Смоленска, но и начать наступательное движеніе на главный центръ наполеоновской арміи, на Рудню, лежавшую на витебской дорогѣ.

Но князь Багратіонъ былъ противъ этого. Онъ опасался, что французы могутъ прорвать ихъ цѣпь и устремиться всею силой на Смоленскъ по свободной дорогѣ.

Первыя стычки съ французами окончились успѣхомъ для русскихъ, и это сильно подняло общее настроеніе арміи и встревожило Наполеона.

V. Во французскомъ лагерѣ.

Наполеонъ въ это время находился въ Витебскѣ. Большинство его маршаловъ предлагало ему укрѣпиться здѣсь на зимнія квартиры до весны и уже только весной продолжать дальнѣйшій походъ въ глубь Россіи.

Но Наполеонъ былъ противнаго мнѣнія.

Въ іюлѣ смѣшно помышлять о зимнихъ квартирахъ, - рѣшительно сказалъ онъ,—при наступленіи морозовъ Днѣпръ и Двина не представятъ никакой намъ защиты и скроются подо льдомъ и снѣгомъ. Моя армія привыкла къ наступатель-

пымъ движеніямъ, и ей несвойственно быть въ оборонительномъ положеніи, посреди лишеній и мукъ, маневрируя на одномъ и томъ же мѣстѣ!.. Императоръ Александръ слишкомъ могущественъ: онъ не согласится на миръ, не испытавши счастья въ бою: надобно разбить его армію. Для чего останавливаться здѣсь на восемь мѣсяцевъ, когда въ двадцать дней мы можемъ достигнуть своей цѣли?.. Не для овладѣнія ничтожнымъ Витебскомъ пришелъ я въ Россію!.. Разгромимъ русскихъ, и черезъ мѣсяцъ будемъ въ Москвѣ. Весь планъ моего похода—въ сраженіи, вся моя политика—въ успѣхѣ!..

Были и другія причины, побуждавшія Наполеона начать быстрое наступленіе. Заключеніе мира съ Турціей позволяло русскимъ стянуть войска изъ Турціи противъ него. Кромѣ того, Наполеона волновали воззванія императора Александра къ народу стать на защиту своей родины.

Армія въ походѣ.

Между тѣмъ огромная армія Наполеона была уже нѣсколько разстроена трудными переходами, недостаткомъ провіанта и поспѣшностью перенесенія своихъ стоянокъ съ мѣста на мѣсто.

Мѣстное населеніе бѣжало, заслышавъ о французахъ, а, убѣгая, жители поджигали свои дома, угоняли съ собой скотъ и уничтожали хлѣбные запасы. Мало того, кое-гдѣ организовались вольные отряды волонтеровъ изъ крестьянъ и даже простыхъ бабъ. Вооруженные, чѣмъ попало, они устраивали засады, выслѣживая французовъ, отправлявшихся на рекогносцировки, и расправлялись съ ними по-свойски, не допуская никакой пощады...

Извѣстія о томъ, что русскіе сдѣлали нѣсколько удачныхъ нападеній на его войска подъ Рудней, встревожили Наполеона крайне, и потому онъ ускорилъ выступленіе своей арміи изъ Витебска.

VI. Смоленскъ въ опасности.

Главнокомандующій Барклай де-Толли оставилъ въ Смоленскѣ только одинъ полкъ, стянувъ главныя силы въ Рудню. Это было опасной тактикой, и, благодаря ей, могли сбыться на дѣлѣ опасенія князя Багратіона.

Русская армія была далеко отъ Смоленска и приближалась навстрѣчу французской арміи, когда внезапно Наполеонъ круто свернулъ въ сторону, въ обходъ русскимъ, и по свободному пути успѣшнымъ маршемъ двинулся прямо на Смоленскъ...

Бѣгство жителей изъ Смоленска.

Только отвага и рѣшимость русскихъ, находившихся подъ командой генерала Раевскаго, смогли сдержать напоръ передовыхъ частей наполеоновской арміи и поддержать Смоленскъ.

180,000 французскаго войска подвалило подъ стѣны Смоленска, гдѣ заперся генералъ Раевскій съ незначительнымъ числомъ защитниковъ города.

Открытая французами канонада по Смоленску производила гибельное разрушеніе его стѣнъ, и недолго бы могъ выдержать Раевскій энергичныя дѣйствія французовъ. Да, къ счастью,

во-время узналъ Барклай-де-Толли о томъ, что Наполеонъ свернулъ съ своей дороги и обходомъ набросился на Смоленскъ, и, не мѣшкая, повернулъ русскія силы на Смоленскъ...

Прискакалъ гонецъ въ Смоленскъ, принесъ радостную вѣсточку осажденнымъ отъ князя Багратіона, который писалъ Раевскому: „Идемъ на выручку. Держитесь твердо! Богъ вамъ помощникъ!..“

Весь гарнизонъ сразу ободрился, и жители Смоленска себя отъ радости не помнили. А русскія войска вошли въ Смоленскъ съ музыкой, съ пѣснями, словно на какое-нибудь торжество.

VIII. Гибель Смоленска.

Не пришлось русскимъ солдатамъ и отдохнуть порядкомъ послѣ тяжелаго перехода. На другой же день, съ утра, открыли французы убійственную канонаду по городу. Цѣлой тучей сыпались ядра и бомбы французской артиллеріи на Смоленскъ, отъ которыхъ въ самомъ городѣ начался губительный пожаръ... Обыватели бросились выбираться изъ домовъ: началась суматоха, паника; всюду слышались отчаянные крики, стоны, мольбы о помощи,—да кому было помогать?.. Всѣ и голову-то въ суматохѣ и общемъ ужасѣ потеряли!..

Уже къ вечеру въ центрѣ Смоленска бушевало цѣлое море огня и дыма,—адъ кромѣшный!.. Это было какъ разъ наканунѣ праздника Преображенія Господня, и во всѣхъ церквахъ совершались богослуженія...

Церкви были переполнены встревоженными обывателями, прямо-таки потерявшими головы... И рѣдко небу доводилось слышать столько живой скорби человѣческой, видѣть столько слезъ, вырванныхъ изъ глубины сердца горемъ и полнымъ отчаяніемъ.

А гарнизонъ все стоитъ твердо, словно окаменѣлъ. Въ пороховомъ дыму, въ клубахъ дыма и смрада русскіе солдаты оберегаютъ каждую пядь земли, каждый камень стѣны, каждое падающее тлѣющее бревно родного зданія, выдерживаютъ натиски французской силы...

Видятъ французы, что жестоко дается имъ Смоленскъ, что коса на камень нашла, и отступили къ ночи отъ города...

И два дня, и двѣ ночи послѣ того продолжалась упорная борьба не на животъ, а на смерть... Да когда увидалъ главнокомандующій, что осталось отъ Смоленска одно пожарище, когда понялъ, что попапрасну льется русская кровь,—рѣшилъ онъ остановить борьбу и отступить отъ Смоленска за Днѣпръ, на которомъ Смоленскъ построенъ...

Въ ту же ночь войска получили приказъ немедленно отступить на московскую дорогу.

Переправляясь черезъ Днѣпръ, русскіе сожгли мостъ, чтобы задержать непріятеля за переправой. Отступленіе отъ Смоленска было тяжелое, исполненное большихъ затрудненій и усилій. Да и настроеніе войска было какое-то подавленное, тяжелое,—нелегко послѣ столькихъ упорныхъ усилій отступать и бросать непріятелю все, что обагрено родной кровью и освящено смертью своихъ братьевъ...

Но и вступленіе непріятеля въ завоеванный городъ было не радостное; не о чемъ было ему торжествовать: только дымящіяся развалины, окруженныя разбитыми стѣнами, достались побѣдителямъ; развалины и призракъ смерти, грозившій имъ отовсюду.

Настроеніе французской арміи было тоже мрачное, тяжелое и неудовлетворенное.

IX. Ужасъ отступленія. Ропотъ.

Лѣто въ томъ году было сухое, знойное. На небѣ ни облачка: ясно и ласково свѣтитъ лѣтнее солнышко, а не разогнать ему черной тучи на сердцѣ русскаго человѣка. Тошно ему и на свѣтъ Божій смотрѣть!..

Отступали отъ Смоленска сиѣшно, и это тѣмъ болѣе удручающе дѣйствовало на всѣхъ. Шли люди такіе сумрачные, убитые, молчаливые и сосредоточенные. Было разрѣшено идти вольно, разговаривать. Да у всей арміи словно уста закованы,—словомъ никто не обмолвится. Только на бивуакѣ, на отдыхѣ, какъ разсядутся вокругъ братскаго котла, такъ и пойдутъ больше шопотомъ о дѣлѣ толковать, судить-рядить, и все главнокомандующаго во всемъ винятъ...

Не взлюбили съ той поры солдаты Барклая-де-Толли; даже враждебно стали относиться къ нему...

— Извѣстно дѣло,— говорили между собой,—нѣмецъ!.. Какого отъ него русскому проку ждать. Нешто болитъ у него о матушкѣ-Россіи сердце его нѣмецкое?!. Вотъ погоди, дай срокъ,— продастъ онъ всѣхъ насъ басурману... А мы же Бонапарта къ Москвѣ ведемъ, дорожку ему расчищаемъ, путь указуемъ... Эх-ма!..

Удивительно тяжело и нежелательно складывается судьба нѣкоторыхъ людей, безусловно честныхъ благородныхъ и искреннихъ... Ни съ того, ни съ сего, благодаря мелочнымъ случайностямъ, все какъ-то складывается противъ нихъ, всѣ какъ-то странно вооружаются противъ нихъ, гонятъ и преслѣдуютъ ихъ въ оплату за ихъ самое искреннее и горячее желаніе сдѣлать только одно добро для своихъ гонителей и преслѣдователей...

Яркій примѣръ этому — главнокомандующій Барклай-де-Толли!..

Нѣмецъ по происхожденію, онъ настолько обрусѣлъ, живя въ Россіи, что считалъ ее своей родной, въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ любилъ все русское, ему была дорога и близка сердцу участь Россіи и русскихъ людей, съ которыми онъ тѣсно и неразрывно сжился своимъ честнымъ и благороднымъ сердцемъ...

И тѣмъ не менѣе, вся его искренность, все его глубокое желаніе вѣрой и правдой отблагодарить страну, давшую ему пріютъ, принимались за нѣчто ложное, за какую-то измѣну и предательство!..

Мы мало знаемъ людей. Мы нерѣдко по какому-то странному капризу непремѣнно хотимъ видѣть въ комъ-нибудь только одно дурное, заслуживающее порицанія. И всѣ поступки такихъ людей мы не хотимъ дѣлить по ихъ достоинству, а по безсмысленности, предразсудкамъ считаемъ сплошнымъ зломъ и подкапываніемъ подъ наше благосостояніе...

Тяжелыя минуты переживалъ Барклай-де-Толли, принявшій на себя отвѣтственную передъ цѣлой страной обязанность главнокомандующаго. Вѣчно одинокій, онъ видѣлъ всюду одно недружелюбіе, неохоту въ исполненіи его приказаній; онъ видѣлъ отчужденность отъ него солдатъ, за которыхъ онъ болѣлъ сердцемъ и которыхъ жалѣлъ отъ всей души. И когда

выходилъ онъ къ арміи и привѣтствовалъ ихъ:—„Здорово, ребята!..“—ни одного голоса не откликалось ему.

Какъ мучительно больно должно было сжиматься его честное, вѣчно одинокое, изстрадавшееся сердце!..

Но одно должны знать и помнить всѣ, что Барклай-де-Толли ни на минуту не помышлялъ о какой-либо измѣнѣ русской арміи: что всѣ силы его были направлены къ сохраненію жизни каждаго солдата... Достаточно сказать, что когда съ него было снято достоинство главнокомандующаго, и онъ понялъ, что это было причиной его непопулярности среди солдатъ, онъ совершенно упалъ духомъ, и съ той поры при каждомъ удобномъ случаѣ бросался въ самую кипень боя, ища забвенія и успокоенія отъ жизни въ неизбѣжной гибели!..

X. Паника среди жителей.

Широкой волной шла русская армія по золотымъ Божьимъ нивамъ, раскинувшимъ въ тотъ годъ пышный урожай, и тучные колосья прибивались къ сухой землѣ подъ тысячами ногъ и смѣшивались съ землей... Широкая, торная дорога тянулась позади двигавшейся арміи... Никакая обычная дорога не могла бы дать свободный проходъ отступившей арміи...

Да и лучше было уничтожить весь урожай, чтобы не оставлять преслѣдовавшему непріятелю готовый для него провіантъ...

Когда отступавшая армія проходила мимо деревень, перепуганные обыватели, съ плачемъ и причитаніями, высыпали имъ навстрѣчу...

— Ну, что?.. Какъ?—тревожно спрашивали несчастные люди, съ замиравшимъ отъ тяжелаго предчувствія сердцемъ.

И въ отвѣтъ слышали они страшныя слова:

— А вотъ что, братцы, снимайтесь-ка загодя съ мѣста да уносите свое добро куда ни есть дальше... Сами бѣжимъ, а басурманъ за нами по пятамъ гонится!..

И тогда несчастные въ отчаяніи бросались разорять своими же руками все то, что съ упорнымъ трудомъ скапливалось и сколачивалось изо дня въ день, изъ года въ годъ. Они наскоро

забирали съ собой только самое цѣнное и дорогое для нихъ, угоняли скотъ и на прощанье подсовывали пукъ пылающей соломы подъ застрѣхи своего послѣдняго крова...

Они уходили, бѣжали отъ родного угла прочь, а за ними слѣдомъ грознымъ призракомъ поднимались надъ поселкомъ огненные столбы и клубы дыма, словно простирая руки къ безмолвнымъ небесамъ...

Несчетное число селъ и деревень было „пущено на дымъ". Сгорѣли города Вязьма и Дорогобужъ...

XI. Общее недовольство главнокомандующимъ.

Отчаянная защита Смоленска и упорное сопротивленіе русскихъ даже при поспѣшномъ отступленіи заставили Наполеона задуматься. Есть предположенія, что онъ намѣревался остановиться въ Смоленскѣ на зимнія квартиры. Но, съ одной стороны, онъ боялся оставить въ бездѣйствіи свою разношерстную армію, которая, терпя нужду и лишенія, была на границѣ опаснаго возмущенія. Обѣщаніемъ скораго завоеванія Москвы—этого полусказочнаго, богатѣйшаго города—Наполеонъ сдерживалъ недовольство солдатъ. Съ другой стороны, ему было неловко теперь передъ своими маршалами и передъ всѣмъ міромъ брать назадъ свои слова, чего съ нимъ никогда не было и что могло поколебать его авторитетъ...

Всѣ эти соображенія утвердили Наполеона въ необходимости немедленно, какъ можно скорѣе, продолжать наступательное движеніе въ глубь Россіи.

Между тѣмъ, въ русской арміи, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, все больше и больше росли непріязнь и недовѣріе къ главнокомандующему. Имъ недовольны были и при дворѣ. Его открыто осуждали и тѣ, кто былъ вдали отъ всего происходившаго, въ отдаленныхъ мѣстахъ, куда заходили только сбивчивыя, противорѣчивыя извѣстія о совершающихся событіяхъ.

Молча велъ Барклай-де-Толли русскую армію и, пройдя около двухсотъ верстъ, остановился, наконецъ, около города Гжатска, въ селѣ Царево-Займище. Больше этого онъ самъ не могъ выдерживать напряженнаго и невыясненнаго положенія дѣла и

рѣшилъ выжидать здѣсь французовъ, чтобы помѣряться съ ними силами.

И главнокомандующій немедленно распорядился начать строить укрѣпленія и выбирать позиціи; но люди съ первыхъ же словъ принялись за это дѣло вяло и нерѣшительно, плохо вѣря въ то, что это будетъ имѣть какіе-нибудь благіе результаты... Недовольство общее на Барклая-де-Толли увеличивалось и тѣмъ, что любимый солдатами князь Багратіонъ, съ момента выступленія русскихъ изъ Смоленска къ Рудпѣ, сталъ въ недружелюбныя отношенія съ нимъ, оспаривая невѣрную, по его мнѣнію, тактику Барклая-де-Толли. По мѣрѣ того какъ русскіе отступали, эта непріязнь все больше усиливалась...

Впрочемъ, очень скоро это обостренное отношеніе пало само собой.

17-го августа армія подошла къ Цареву-Займищу, а черезъ нѣсколько часовъ пришло извѣстіе, что Барклай-де-Толли отрѣшенъ отъ званія главнокомандующаго и на мѣсто его назначается князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ...

Барклаій-де-Толли мужественно перенесъ этотъ неожиданный ударъ и на рескриптъ государя отвѣчалъ ему:

„Всякій вѣрноподданный и истинный слуга государя и отечества долженъ ощущать истинную радость при извѣстіи о назначеніи новаго главнокомандующаго, который уполномоченъ всѣ дѣйствія вести къ одной цѣли. Примите, всемилостивѣйшій государь, выраженіе радости, которою я исполненъ!.. Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ вашего величества. Что касается до меня, то я ничего иного не желаю, какъ пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою служить отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ!.."

Современники осуждали Барклая-де-Толли за его неудачное веденіе кампаніи, а между тѣмъ, изъ письма Барклая-де-Толли государю, написаннаго наканунѣ пріѣзда Кутузова, явствуетъ, что политика его была совершенно такая же, какой впослѣдствіи держался и Кутузовъ, считая выжиданіе и сохраненіе цѣльности арміи единственно вѣрнымъ залогомъ спасенія всей Россіи...

XII. Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.

Общее недовѣріе и недружелюбіе къ Барклаю-де-Толли, его раздоръ съ княземъ Багратіономъ, спѣшное отступленіе русской арміи и какая-то разрозненность во всемъ строѣ арміи—показывали многимъ, что въ такой серьезный моментъ нѣтъ твердой руководящей воли, нѣтъ рѣшительной руки, которая бы объединила всѣхъ защитниковъ Россіи въ одно цѣлое.

Кромѣ отступавшей арміи, были еще отдѣльные полки и корпусы, какъ резервъ, а въ семнадцати губерніяхъ составлялись ополченія.—слѣдовательно, общее положеніе дѣла въ организаціи наличныхъ силъ еще больше осложнялось, и медлить больше было нельзя...

Есть люди, которые дѣлаютъ многое, безъ которыхъ въ иную пору трудно обойтись, но которыхъ, по миновапіи бѣды, тотчасъ же и позабываютъ, а они сами впередъ не вылѣзаютъ, а живутъ себѣ скромно и ждутъ, когда въ нихъ надобность неотложная явится, когда ихъ на дѣло кликнутъ...

Такая участь была участью Кутузова... Въ царствованіе Екатерины Великой и Павла Кутузовъ достигъ высокихъ почестей и славы, благодаря искусному руководительству арміей, какъ ученикъ Суворова, а также благодаря дипломатическимъ способностямъ, которыя онъ обнаружилъ въ бытность свою посломъ... Но во все продолженіе времени Кутузовъ стоялъ какъ-будто въ тѣни, непримѣтный для многихъ, и скромно, упорно исполнялъ многотрудныя обязанности, возлагаемыя на него...

Имя Кутузова впервые становится въ высшей степени популярнымъ и національнымъ въ связи съ его дѣйствіями въ эпоху отечественной войны. А между тѣмъ въ это время Кутузову было уже около семидесяти лѣтъ. Жизнь его была уже прожита, или, вѣрнѣе сказать, вся цѣликомъ предана на служеніе государству...

Въ то время Кутузовъ командовалъ Петербургскимъ ополченіемъ, чѣмъ занимался съ юношескимъ увлеченіемъ, отъ души, входя во всякія мелочи, не зная ни отдыха, ни срока въ своихъ сложныхъ и отвѣтственныхъ занятіяхъ.

8 августа совершенно неожиданно для Кутузова государь, вызвавъ его къ себѣ, объявилъ ему, что назначаетъ его главнокомандующимъ надъ всѣми арміями и ополченіями.

— Я не оробѣлъ,—разсказывалъ потомъ Кутузовъ,—и съ помощью Божіею надѣюсь устоять: но, слушая государя, я былъ растроганъ новымъ назначеніемъ моимъ!..

11 августа Кутузовъ уѣзжалъ уже въ дѣйствующую армію;

Свѣтлѣйшій князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.

утромъ въ этотъ день отправился въ Казанскій соборъ, гдѣ слушалъ молебенъ, стоя на колѣняхъ.

Выходя, Кутузовъ сказалъ окружавшимъ его только:

— Молитесь обо мнѣ. Меня посылаютъ на великое дѣло!..

XIII. Прибытіе Кутузова въ армію.

По дорогѣ къ арміи Кутузовъ встрѣтилъ прежде всего гонца, съ извѣстіемъ о паденіи Смоленска.

— Ключъ къ Москвѣ взятъ!.. — горько произнесъ онъ, тяжело вздыхая и понурясь...

Дальше дорогой встрѣтилъ онъ генерала Беннигсена, который ѣхалъ изъ арміи, послѣ крупной ссоры съ Барклай-де-Толли. Кутузовъ убѣдилъ его возвратиться съ нимъ къ арміи.

На своемъ пути Кутузовъ ясно видѣлъ страшныя послѣдствія готовящейся войны. Деревни, села, усадьбы стояли брошенныя на произволъ судьбы; по всѣмъ дорогамъ тащились нескончаемыя вереницы телѣгъ, экипажей, верховыхъ лошадей, нагруженныхъ всевозможнымъ домашнимъ скарбомъ...

Одно имя Кутузова уже производило магическое дѣйствіе на всѣхъ и каждаго.

„Ѣдетъ Кутузовъ бить французовъ!.." — съ облегченнымъ сердцемъ находили многіе возможность шутить въ виду низко и зловѣще нависшей грозовой тучи и отдаленныхъ раскатовъ боевого грома...

Не одинъ разъ, видя воочію страданія и панику несчастныхъ бѣглецовъ, Кутузовъ останавливалъ карету и выходилъ изъ нея, чтобы утѣшить и ободрить ихъ, и для каждаго находилось у него твердое, спокойное, ласковое слово, которое вызывало слезы радости и счастья даже у наиболѣе отчаявшихся людей...

Около одного села произошла трогательная, потрясающая душу сцена, вызвавшая слезы на глазахъ престарѣлаго главнокомандующаго.

Огромная толпа сельчанъ, всѣхъ возрастовъ—старики, старухи, молодухи и дѣти -сплошнымъ кольцомъ окружила карету и опустилась на колѣни...

Кутузовъ вышелъ къ нимъ, и въ ту же минуту ребятишки, понукаемые старшими, бросились къ ногамъ главнокомандующаго, обнимая и цѣлуя ихъ, а матери протягивали къ нему грудныхъ дѣтей, съ плачемъ и стонами...

— Спаси насъ, батюшка, родной!..—раздавались сотни надломленныхъ горемъ голосовъ,—побей супостата!..

Кутузовъ былъ потрясенъ до глубины души при видѣ этого живого, неподдѣльнаго народнаго горя, и едва овладѣлъ собою, чтобы не разрыдаться.

— Все во власти Господней, дѣти!..—съ чувствомъ произнесъ онъ.—Молитесь за меня Богу,—да пошлетъ онъ мнѣ силу на избавленіе васъ отъ ужаса и горя!..

Когда Кутузовъ подъѣзжалъ, 17 августа, къ Гжатску, энтузіазмъ толпы крестьянъ дошелъ до предѣла. За пять верстъ до города распрягли усталыхъ лошадей,—люди схватились за постромки, за дышло, за спицы колесъ, оспаривая другъ у друга честь прикоснуться къ каретѣ главнокомандующаго, и на себѣ домчали его до самаго города...

Бородинское поле.

Русская армія въ то время находилась на роздыхѣ въ Царево-Займищѣ, и Кутузовъ отправился туда прямо изъ Гжатска, чтобы привѣтствовать солдатъ... Когда онъ поздоровался съ ними, громовое „ура!“ раздалось ему въ отвѣтъ...

— Можно ли отступать съ такими молодцами?..—сказалъ Кутузовъ, опытнымъ взоромъ окидывая солдатъ...

Верхомъ на конѣ объѣхалъ Кутузовъ всю армію по частямъ, всюду здороваясь попросту, какъ самый лучшій другъ солдатъ, а не какъ главнокомандующій.

И это обращеніе положительно дѣлало чудеса.

Приливъ какого-то необъяснимаго восторга испытывалъ невольно каждый солдатъ при видѣ этой грузной фигуры, не-

уклюже сидѣвшей на лошади, при видѣ добродушнаго, ласковаго лица и ободряющей улыбки...

Да и то сказать, много солдатъ и офицеровъ уже не разъ побывали подъ убійственнымъ огнемъ вмѣстѣ съ княземъ Кутузовымъ, и потому въ правѣ были теперь называть его „своимъ"!..

И въ каждомъ сердцѣ мгновенно вырастала общая увѣренность, что теперь-то, съ прибытіемъ въ армію Кутузова, все пойдетъ по-хорошему, что теперь бояться нечего, и скоро минетъ все то, что угнетало и тревожило сердце русскаго.

Простая случайность, быть можетъ, явилась какъ доброе предзнаменованіе. Когда князь Кутузовъ проѣзжалъ по рядамъ войска, огромный орелъ, Богъ вѣсть откуда, опустился изъ-подъ

Деревня Бородино.

облаковъ и нѣсколько минутъ парилъ какъ разъ надъ головой главнокомандующаго.

Кутузовъ снялъ фуражку, взглянулъ на орла и вдругъ зычно крикнулъ:

— Ура!..

— Ура!..—подхватили тысячи голосовъ,—и пошелъ этотъ возгласъ раскатами грома перекатываться по безчисленнымъ рядамъ живого моря русской арміи.

— Ура!..—кричали со всѣхъ сторонъ солдаты,—на нашей улицѣ праздникъ настали: пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ!.. Ура!..

Кутузовъ сталъ во главѣ всей арміи и всѣхъ ополченій, какъ единоличный, безконтрольный и неограниченный повели-

тель. Ему даже отъ государя не было дано никакихъ полномочій, никакого плана дѣйствія... Вся судьба Россіи, милліоннаго населенія, ихъ дѣти, ихъ имущество,—рѣшительно все отдавалось единственно на усмотрѣніе 67-лѣтняго старика!..

Осмотрѣвъ армію, Кутузовъ отвелъ ее изъ Царева-Займища въ Гжатскъ. Онъ не измѣнилъ общаго строя и оставилъ на своихъ мѣстахъ и Барклая-де-Толли, и Багратіона, и Милорадовича.

XIV. Бородинское поле.

Отъ Царева-Займища князь Кутузовъ далъ приказъ къ отступленію не потому, чтобы хотѣлъ избѣжать столкновенія съ французской арміей, но мѣстоположеніе около Царева-Займища было крайне неудобно для военныхъ дѣйствій, и надо было искать другого, болѣе удобнаго мѣста.

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

Наконецъ, посланные на развѣдки офицеры, сообщили о томъ, что невдалекѣ отъ Можайска есть село Бородино, окрестности котораго очень удобны для расположенія арміи и для военныхъ дѣйствій.

Смоленская дорога пересѣкаетъ Бородинское поле на-двое; оно изрѣзано Москвой-рѣкой, ея притокомъ, Колочей, и глу-

бокимъ оврагомъ, по которому течетъ Семеновскій ручей. Вся мѣстность имѣетъ общую покатость къ Москвѣ-рѣкѣ и Колочѣ и приподнята около деревни Шевардино нѣсколькими высокими холмами.

Немедленно же было приступлено къ приготовленіямъ поля битвы: начали строить редуты для батарейныхъ орудій, рыть траншеи и дѣлать насыпи... Не дождались посѣвшія золотыя нивы серпа и косы,—дождались они штыка да лопаты сапоровъ.

Обозы были отправлены дальше, за Можайскъ, и при полкахъ оставили только патронные ящики и лазаретныя фуры.

Наполеонъ I въ крестьянской избѣ.

Работа кипѣла упорная, съ утра до вечера и всю ночь, посмѣшно. Готовились къ битвѣ съ лихорадочной поспѣшностью, забывъ о самихъ себѣ, о перенесенныхъ невзгодахъ и думая только о томъ, что скоро наступитъ либо полное освобожденіе отъ невыносимаго гнета басурманскаго нашествія, либо конецъ всему...

Деревни, села, всякія постройки были разнесены по бревнышку, такъ какъ на мѣстѣ нѣкоторыхъ предполагалось устроить укрѣпленія, а другія могли мѣшать свободному передвиженію войскъ.

Правое крыло Бородинскаго поля, между рѣчкой Москвой и Колочей, ограничено рощей; лѣвое крыло оканчивается

у деревни Утицы. Передъ фронтомъ этой позиціи, которая тянется на семь верстъ, вилоть до Бородина, проходитъ глубокій оврагъ, по которому извивается Колоча, а дальше течетъ ручей Семеновскій. Вся позиція имѣетъ общій наклонъ съ лѣваго крыла на правое, къ Москвѣ-рѣкѣ. Въ 1.000 саженяхъ, впереди лѣваго крыла, находится деревня Шевардино, около которой поднимаются нѣсколько высокихъ холмовъ. Со стороны Шевардина и надо было ждать Наполеона. Конечно, отдать на первыхъ же порахъ Шевардино и холмы было невозможно: съ высоты холмовъ можно было удобно обозрѣвать все поле битвы и легко ударить на войска, которыя бы двигались по большой дорогѣ къ Бородину. Въ виду этого на холмѣ, у Шевардина, былъ построенъ крѣпкій редутъ на двѣнадцать батарейныхъ орудій. Противъ праваго крыла, передъ рощей, у Москвы-рѣки построили три укрѣпленія; еще поставили батарею на смоленской дорогѣ, передъ рѣкой Колочей, чтобы не допустить непріятеля къ переправѣ черезъ рѣку.

Въ центрѣ было воздвигнуто огромное укрѣпленіе на восемнадцать орудій (батарея Раевскаго). Съ этого укрѣпленія должно было обстрѣливать весь скатъ по Семеновскому ручью и лѣвое крыло, около Бородина. Еще три укрѣпленія возвели между Семеновскимъ и Бородинымъ. Они должны были обстрѣливать этотъ слабѣйшій пунктъ позиціи, гдѣ по оврагу должны были быть расположены стрѣлки. Главную квартиру перенесли въ деревню Татаринову.

Вся армія была разбита на три части, кромѣ запаса и ополченій, которые были расположены вдали отъ главной позиціи. Одна часть заняла лѣвое крыло, отданное подъ команду князю Багратіону, вторая часть заняла средину, а третья -правое крыло. Командованіе надъ серединой и правымъ крыломъ было поручено одному Барклаю-де-Толли.

Съ 22 до 26 августа шли работы по укрѣпленію арміи. Надо правду сказать, такихъ упорныхъ трудовъ, такой энергіи и непреклонной воли въ одолѣніи всевозможныхъ трудностей немного можно насчитать во всей исторіи.

Наполеонъ I во главѣ арміи.

XV. Въ арміяхъ. Шевардинскій редутъ.

Русскіе отступали шагъ за шагомъ, а Наполеонъ, между тѣмъ, продолжалъ наступательное движеніе, хотя положеніе его арміи было тяжелое.

Какъ вы видѣли, русскіе, заслышавъ о приближеніи французовъ, сжигали свои дома, уничтожали запасы хлѣба, угоняли скотъ,—и французы по пути слѣдованія встрѣчали только пожарища и вытоптанныя нивы. Приходилось отрядать значительную часть солдатъ на фуражировки во всѣ концы: а во время этихъ фуражировокъ, какъ вы помните, нерѣдко французы попадали въ руки ожесточившихся крестьянъ и гибли цѣлыми отрядами.

Ожесточенные, въ свою очередь, французы истребляли на своемъ пути даже то, что еще оставалось отъ русскихъ.—и потому путь за французами представлялъ изъ себя, буквально сказать, мертвую степь...

Вступивъ въ Гжатскъ, Наполеонъ привелъ нѣсколько въ порядокъ свою армію, но все-таки она оставляла желать много лучшаго въ смыслѣ порядка и стройности. Она шла въ обыч-

номъ военномъ порядкѣ. Авангардъ шелъ столбовой дорогой, подъ начальствомъ Мюрата, за нимъ слѣдовали отдѣльные корпуса; направо и налѣво отъ дороги шли два крыла, одно—подъ начальствомъ вице-короля, другое—Понятовскаго.

Нашъ арріергардъ, подъ командой Коновницына, стоялъ у Гриднева, за 15 верстъ до Бородина. 23 августа Мюратъ атаковалъ его, но Коновницынъ долгое время сдерживалъ его, пока на помощь не подоспѣлъ вице-король. Коновницынъ въ ночь отошелъ къ Колочскому монастырю, гдѣ снова на утро его атаковалъ Мюратъ. На помощь Коновницыну подошелъ 1 кавалерійскій корпусъ Уварова; три эскадрона французской кавалеріи были опрокинуты и изрублены.

И снова на помощь Мюрату подоспѣлъ вице-король, обходя нашъ правый флангъ. Коновницынъ принужденъ былъ отступить ближе къ Бородину.

Теперь французамъ открывалась русская армія, расположенная въ боевомъ порядкѣ. Ее защищалъ Шевардинскій редутъ, и прежде всего Наполеонъ распорядился овладѣть имъ.

Приближалась роковая развязка, и каждый хорошо понималъ всю серьезность настоящаго положенія...

Около двухъ часовъ дня французы начали переходить Колочу и оттуда стягивались къ редуту.

На Шевардинскомъ редутѣ, подъ командой князя Горчакова, находилось двѣнадцать орудій, которыя должны были защищать редутъ, Колочу, направо—Шевардино и налѣво—лѣсъ, около старой Смоленской дороги.

Началась перестрѣлка. Стрѣлки и фланкеры, расположенные въ оврагѣ, выдержали около часа и, наконецъ, отступили. Французы, подъ личной командой самого Наполеона, двинулись колоннами на редутъ, осыпаемые ядрами и гранатами. Князь Горчаковъ вызвалъ на помощь гренадеровъ: но за то время, пока они приближались, весь редутъ былъ засыпанъ непріятельскими снарядами, и французы бурными волнами ворвались въ укрѣпленіе...

По въ ту же минуту гренадерскіе полки, съ священниками въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, ударили на непріятеля и выбросили его изъ укрѣпленія. Закипѣлъ рукопашный бой, въ которомъ попеременно то осиливали французы, то русскіе опрокидывали непріятеля. Кровопролитный бой продолжался

до вечера, когда и самый редутъ, и Шевардино, и лѣсъ остались за русскими...

Стемнѣло, и французы сдѣлали новую попытку штурмовать редутъ, да опять были отбиты и отодвинуты отъ укрѣпленія. Когда около полуночи было замѣчено новое приближеніе непріятельскихъ колоннъ, и русскіе готовились къ новому отпору, Кутузовъ отдалъ приказъ оставить редутъ и отступить...

Охранять редутъ было безполезно, потому что онъ исполнилъ уже свое назначеніе,—задержалъ непріятеля на нѣкоторое время, въ теченіе котораго работы на главной позиціи были окончены, орудія размѣщены по батареямъ и отдѣльныя части разставлены по указанныхъ мѣстамъ. Время было выиграно, и

У Шевардина.

именно этого и надо было Кутузову, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ французовъ.

25-ое августа прошло спокойно; обѣ арміи готовились къ предстоящей тяжелой битвѣ. Кутузовъ все время находился на Бородинскомъ полѣ и наблюдалъ за движеніемъ непріятельскихъ войскъ... Слѣдя за расположеніемъ ихъ, онъ дѣлалъ перемѣщеніе войсковыхъ частей и на нашей позиціи.

Наполеонъ сразу не понялъ военной хитрости Кутузова и на утро съ любопытствомъ выѣхалъ осмотрѣть наши позиціи, особенно—Шевардинскій редутъ. Онъ освѣдомился при этомъ:

— А сколько русскихъ взято въ плѣнъ?..

— Они не сдаются въ плѣнъ, ваше величество,—отвѣчалъ

ему одинъ изъ сопровождавшихъ его генераловъ,—они умираютъ охотнѣе...

— Хорошо,—рѣзко и досадливо сказалъ Наполеонъ,—мы убьемъ ихъ!..

Наполеонъ ясно видѣлъ, что готовившаяся битва должна быть рѣшительной, и нисколько не сомнѣвался въ ея счастливомъ исходѣ. Армія Наполеона въ это время численностью доходила до 170.000 человѣкъ; теперь, вблизи Москвы, у главной цѣли столькихъ трудовъ и переходовъ, его армія, одушевляемая самимъ Наполеономъ, общимъ кумиромъ, дѣйствительно, могла вселять такую увѣренность. Къ тому же, было извѣстно, что у Кутузова подъ ружьемъ находилось до 113.000 человѣкъ, считая ополченцевъ и рекрутовъ, да и генію Кутузова мало кто довѣрялъ, а самъ Наполеонъ смотрѣлъ на него свысока.

Князь Кутузовъ.

Около полудня 25 августа князь Кутузовъ поѣхалъ по войскамъ, чтобы самому лично поздравить армію съ назначеннымъ на завтра сраженіемъ. Онъ останавливался передъ каждымъ полкомъ и всѣмъ находилъ сказать что-нибудь хорошее, ласковое, ободряющее... А когда онъ начиналъ говорить о Россіи, о Москвѣ, о значеніи завтрашняго дня, его голосъ дрожалъ отъ переполнявшаго его чувства, и на глазахъ его сверкали слезы.

Передъ однимъ полкомъ онъ сказалъ:

— Вамъ придется защищать землю родную, послужить вѣрой и правдой до послѣдней капли крови. Каждый полкъ будетъ употребленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ часовыхъ, черезъ каждые два часа. Надѣюсь на васъ... Богъ вамъ поможетъ.

— Ура!..—гремѣли воодушевленные полки.—Рады стараться!..
А иные добавляли съ какимъ-то отчаяннымъ вдохновеніемъ:
— Оглянемся на Москву,—такъ на чорта полѣземъ!..

XVI. Бородино.

Тяжелая ночь была съ 25 на 26 августа, наканунѣ Бородинскаго боя. Мало кто спалъ въ эту ночь въ русской арміи: каждый сердцемъ чувствовалъ, что наступаетъ рѣшительная минута,—готовится нѣчто великое, страшное, невѣдомое, то, чѣмъ руководитъ одинъ Богъ!..

Русской арміи на утро предстояло совершить великій подвигъ. И это сознавалъ въ душѣ каждый рядовой солдатъ... Для каждаго было понятно и ясно то, что все горе и всѣ муки-мученскія происходятъ отъ зловѣщаго, страшнаго Бонапарта: что этотъ Бонапартъ, невзирая ни на что, осмѣливается шагъ за шагомъ врываться въ чуждыя ему владѣнія и хозяйничать по-своему!.. Обидно и горько было видѣть, какъ Бонапартъ въ чужой монастырь со своимъ уставомъ лѣзетъ...

Русскій народъ стыдится сознаться въ своей любви къ родинѣ, пока онъ знаетъ, что все обстоитъ благополучно, и Русь настолько могущественна, что ей не можетъ угрожать никакая опасность...

Въ этомъ сказывается рѣдкая, прекрасная черта характера русскаго человѣка—отсутствіе самохвальства и удивительная скромность, доходящая до самоуничиженія!..

Но когда отъ нашествія на Россію Наполеона передъ русскимъ народомъ явилась возможность покоренія французами всей Русской Земли,—тогда неожиданно сама собой въ сердцѣ каждаго русскаго солдата пробудилась горячая любовь къ родинѣ, страстное желаніе умереть за нее, чтобы хоть смертью своей доставить счастье своей родинѣ... Понятіе о Россіи—сосредоточивалось на Москвѣ и на ея святынѣ... Отстоять, защитить Москву или умереть подъ Москвой—было единственнымъ, страстнымъ желаніемъ каждаго ратника!..

А казалось такъ вотъ почему. Россія росла и крѣпла по-

степенно изъ года въ годъ вокругъ Москвы и Московскаго княжества. Съ древнѣйшихъ временъ Московское княжество считалось самымъ сильнымъ и могущественнымъ: и сила, и могущество его росли не по днямъ, а по часамъ. И постепенно народъ привыкъ смотрѣть на Москву—какъ на то, что составляетъ ядро, главный корень Россіи...

До Бородинскаго боя вся Россія была убѣждена поэтому, что никогда русскіе не уступятъ французамъ Москвы. Всѣмъ

Московскій кремль временъ Отечественной войны.

казалось такъ, что съ потерею Москвы—будетъ потеряна и Россія...

Но въ то время люди не соображали вотъ чего. Если сперва Москва собирала вокругъ себя людей и сосѣднія княжества себѣ на подмогу и какъ бы защищала ихъ собой отъ всякой напасти,—то этимъ самымъ она, Москва, сплотила тысячи людей воедино, спаяла ихъ въ одно цѣлое... И теперь, послѣ цѣлаго ряда столѣтій,—Москва уже передала имъ, живымъ людямъ, свою власть и свое значеніе, какъ ядро русскаго государства...

Теперь, при вторженіи Наполеона въ Россію, не Москва

была сильна,—а были сильны и непоколебимы сыны ея, тѣ, которые объединились въ ней, подъ ея благословеніемъ!..

Наканунѣ Бородинскаго боя лагерь французовъ былъ оживленъ, шуменъ и веселъ. Наполеонъ, хорошо понимавшій натуру человѣка, сумѣлъ настроить преданныхъ ему людей такъ, чтобы они ни о чемъ больше не думали, какъ о томъ, что ежели они хорошо исполнятъ свой урокъ—побѣдятъ русскихъ,—то за это въ награду они получатъ готовыя квартиры, сытное житье и награбленное у русскихъ богатство... Это подтверждаетъ самый приказъ Наполеона войскамъ, въ которомъ было сказано: „Настало желанное вами сраженіе!.. Побѣда зависитъ отъ васъ!.. Она намъ нужна и доставитъ изобиліе, спокойныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество!..“.

Въ лагерѣ русскихъ царило совсѣмъ иное настроеніе... Одна мысль, одна идея—„пострадать и умереть за правое дѣло—за защиту родной земли, которую Самъ Господь Богъ благословилъ!..“—одушевляла сердце каждаго ратника...

Въ ночь подъ Бородинскій бой русскіе солдаты сами себя приготовляли къ смерти во имя Бога, по завѣту Христа: душу свою отдать за ближняго своего!.. Одѣвали чистое бѣлье, молились; отъ водки, предложенной начальствомъ, отказывались рѣшительно:—„Не такое, молъ, нынче время, чтобы этимъ заниматься!..“

Эта самоотверженность, горячее желаніе „пострадать“ во имя чистѣйшей идеи и были главнымъ залогомъ спасенія Россіи...

XVII. Бородинскій бой.

На разсвѣтѣ 26 августа—съ батареи у Семеновскаго замѣтили, будто непріятель подкрадывается тайкомъ,—и тогда первый выстрѣлъ русскаго орудія огласилъ окрестность...

Князь Кутузовъ, давно уже не спавшій, немедленно же отправился осматривать позиціи... Онъ выѣхалъ одинъ, но постепенно къ нему стали присоединяться его адъютанты и офицеры штаба.

Въ то же время вышелъ изъ своей палатки и Наполеонъ, чтобы осмотрѣть позиціи и вызнать настроеніе своей арміи...

Съ первыми лучами восходящаго солнца вся окрестность дрогнула отъ начавшейся адской канонады.

Чтобы обмануть русскихъ, Наполеонъ прежде всего устремилъ свои силы на центръ, на Бородино. Главною мыслью его было—этой атакой скрыть свое намѣреніе обрушиться на лѣвое крыло, бывшее подъ командой князя Багратіона. Французы были отбиты отъ центра и отодвинуты за рѣку Колочу, мостъ черезъ которую былъ тутъ же истребленъ русскими. Тогда всѣ силы французовъ обратились на лѣвое крыло...

Настроеніе непріятельской арміи было твердое и рѣшительное. Несмотря на убійственный огонь, открытый русскими

Бородинское поле битвы.

орудіями, французы, какъ неудержимыя волны морского прилива, устремились на наши укрѣпленія... Страшный, губительный огонь вырывалъ ряды за рядами французскихъ солдатъ,—но на смѣну имъ наплывали все новыя и новыя живыя волны, которымъ, казалось, конца и краю не было...

Любо-дорого было посмотрѣть на эту удивительную военную выдержку, на эту рѣшимость французовъ,—и самъ Багратіонъ, замѣтивъ это, не удержался, чтобы не похвалить ихъ... Однако, несмотря на всю твердость и непоколебимость фран-

цузскихъ солдатъ, Багратіонъ успѣвалъ отражать всѣ ихъ атаки и не давалъ имъ и единой минуты передышки.

Между тѣмъ, Наполеонъ распорядился поставить противъ этого пункта до 400 орудій, подъ защитой которыхъ густыя колонны пѣхоты и конницы французовъ возобновили атаку на лѣвое крыло... Князь Багратіонъ обратилъ противъ французовъ свыше 300 орудій,—да не могъ сдержать отчаяннаго приступа, и потому отдалъ приказъ выступить въ рукопашный бой штыками. Всѣ колонны лѣваго крыла двинулись сомкнутыми рядами, и завязался кровопролитнѣйшій бой, въ которомъ все смѣшалось до того, что нельзя было различить ни своего, ни недруга...

Дружно дрались наши солдаты, но и французы не уступали ни въ чемъ. Наши стояли твердо и увѣренно, и французамъ не одолѣть бы этой важной позиціи. Да не далъ Богъ удачи русскимъ!.. Ударило осколкомъ гранаты въ колѣно князя Багратіона, такъ что онъ отъ нестерпимой боли едва удержался на лошади. Зналъ онъ, что плохо будетъ, если пронесется вѣсть о томъ, что раненъ онъ,—и потому всѣ силы употребилъ онъ на то, лишь бы не подать виду, какая мучительная боль томила его.

Но не выдержалъ онъ,—закружилась у него голова, едва успѣли поддержать его окружающіе адъютанты и унести на перевязочный пунктъ...

Нашими солдатами овладѣло замѣшательство, неувѣренность какая-то; французы воспользовались этимъ моментомъ, ударили дружнѣй,—и смѣшались, спутались наши ряды, стали отступать подъ командой Коновницына передъ недругомъ и перебраться на другую сторону Семеновскаго оврага. Французы и захватили въ свои руки позицію на Красной Горкѣ.

Тогда Кутузовъ немедленно же приказалъ взять команду надъ укрѣпленіями и людьми Багратіона генералу Дохтурову, человѣку тоже искусному въ ратномъ дѣлѣ и любимцу солдатъ.

XVIII. Хитрость Наполеона.

Увидѣлъ Наполеонъ, что позиція русскихъ занята французами и обрадовался, предполагая въ отступленіи нашего лѣваго крыла залогъ скорой и вѣрной побѣды.

Съ этой цѣлью онъ немедленно же распорядился, чтобы кавалерія снова атаковала наше лѣвое крыло, обошла его и отрѣзала отъ остальныхъ частей, нашей арміи, которыя стояли на старой Смоленской дорогѣ.

Русскіе осыпали ядрами и гранатами французскую конницу, понимая маневръ Наполеона, но французы подвигались стройно и неуклонно къ намѣченной цѣли. Говорятъ, Наполеонъ, наблюдавшій за ними, не могъ скрыть своей радости, захлопалъ въ ладоши и воскликнулъ:

— Они идутъ! Они все-таки идутъ туда!..

Подобно русской арміи, французская была тоже раздѣлена

Поле битвы подъ Бородинымъ.

на три части: на правое и лѣвое крылья и центръ. Правое крыло французовъ, значитъ, и двинулось на наше лѣвое. Но Кутузовъ въ то же время распорядился нашему правому крылу напасть на лѣвое крыло французовъ. Такъ и вышло, что обѣ арміи въ одно и то же время въ одной части вели дѣйствіе наступательное, а въ другой—оборонительное...

Этого никакъ не ожидалъ Наполеонъ. Увидѣлъ онъ, что лѣвое крыло его тѣснятъ русскіе, и отозвалъ отъ нападающихъ свою гвардію на помощь обороняющимся. А въ это время генералъ Дохтуровъ ударилъ на нападавшихъ. Не подкрѣпляемые болѣе гвардіей, французы дрогнули и смѣшались. Однако, опра-

вились, ударили во второй разъ, и снова встрѣтили дружный отпоръ. Такъ же неудачна была и третья атака.

Все это было проведено русскими настолько удачно, благодаря удивительному порядку и стойкости ихъ на лѣвомъ крылѣ и твердой, увѣренной распорядительности генерала Дохтурова.

Пропзойди въ рядахъ русскихъ хоть малѣйшее замѣшательство,—громады непріятельской конницы, обрушившись на наши войска, буквально истоптали бы ихъ. По артиллерія правильными залпами во все время не давала возможности кавалеріи приблизиться хоть немного...

XIX. Геній Кутузова.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ князь Багратіонъ былъ раненъ осколкомъ гранаты, Кутузовъ нѣсколько разъ получалъ извѣстія, что французы атакуютъ особенно яростно и упорно наше лѣвое крыло. Онъ былъ около батареи на Горкахъ и рѣшилъ самъ осмотрѣть поле сраженія, чтобы предугадать намѣренія Наполеона.

Кутузовъ поднялся на холмикъ, осыпаемый осколками гранатъ, летавшими по всѣмъ направленіямъ. Мѣсто было опасное,—здѣсь отъ случайности зависѣла жизнь того человѣка, въ рукахъ котораго находилась въ эту минуту судьба всей Россіи.

Его стали уговаривать удалиться съ холма, — Кутузовъ, не отвѣчая, молча продолжалъ обозрѣвать окрестности и поле битвы. Наконецъ, адъютанты главнокомандующаго силой взяли лошадь Кутузова подъ уздцы и свели ее съ возвышенности... Кутузовъ не противился этому. Лицо его стало сразу спокойнымъ и увѣреннымъ: онъ уже понялъ все, что замышлялъ Наполеонъ, и теперь ему оставалось только дѣйствовать.

Съ этого момента надо считать Бородинское сраженіе, со стороны Наполеона, проиграннымъ.

Кутузовъ тотчасъ же отдалъ распоряженія, о которыхъ мы говорили выше, и результатомъ этого искуснаго маневра было неожиданное разрушеніе вѣрно задуманнаго Наполеономъ пла-

на атаки нашего лѣваго крыла, съ цѣлью отрѣзать его отъ остальныхъ частей арміи.

XX. Барклай-де-Толли.

Серединой русской арміи и ея правымъ крыломъ командовалъ Барклай-де-Толли. Съ тѣхъ поръ, какъ Барклаю-де-Толли стало извѣстно недружелюбное отношеніе къ нему солдатъ и подозрѣніе его въ измѣнѣ, а особенно послѣ снятія съ него званія главнокомандующаго, этотъ рѣдкій по душевнымъ своимъ качествамъ человѣкъ, что называется, затосковалъ, и съ той поры у него было единственное желаніе-своей безумной отвагой и смертью, на дѣлѣ доказать всѣмъ, кто былъ противъ него и не довѣрялъ ему, какъ именно относился онъ самъ къ Россіи и къ своему долгу.

Бородинское сраженіе дало ему полную возможность показать себя. И всѣ увидѣли ясно, какъ, дѣйствительно, страдала душа этого человѣка, который съ хладнокровнымъ отчаяніемъ бросался въ самую кишень боя, не обращая вниманія на сыпавшіяся градомъ вокругъ него ядра и гранаты. Подъ нимъ было убито пять лошадей, но самъ онъ былъ не тронутъ по какой-то, дѣйствительно, странной случайности. Во все время дѣйствія Барклай-де-Толли ѣздилъ по рядамъ солдатъ и говорилъ:

— Стойте твердо, ребята!..

И въ отвѣтъ на это дружнымъ взрывомъ слышалось ему въ отвѣтъ:

— Ура!..

Теперь уже всѣмъ понятно было, что за человѣкъ былъ Барклай-де-Толли, и сердце каждаго было завоевано имъ своей преданностью судьбѣ Россіи и пренебреженіемъ къ смерти.

XXI. Послѣднія попытки Наполеона.

Послѣ неудачи на лѣвомъ крылѣ нашей арміи, Наполеонъ вернулся отъ рѣки Войны къ Шевардину, гдѣ онъ стоялъ съ утра,—и вернулся крайне раздраженный и мрачный.

Онъ приказалъ только поддерживать артиллерійскій огонь противъ лѣваго крыла, а главныя силы направить на центръ, чтобы овладѣть курганной батареей, бывшей подъ командой генерала Раевскаго, славнаго защитника Смоленска.

Жаркое дѣло завязалось тутъ. Засыпали батарею непріятельскіе снаряды. — падаютъ люди рядами, падаютъ лошади;

Бородинское поле послѣ сраженія.

орудія валятся въ ровъ отъ ударовъ ядеръ. Сущій адъ кромѣшный; отъ порохового дыма—смрадно въ воздухѣ, свѣту Божьяго не видно!.. Но твердо стоитъ Раевскій, защищая курганъ. Двинулись французы на приступъ, такъ и рвутся въ рукопашный бой не на животъ, а на смерть...

Наши солдаты бросились на нихъ, и враги слились въ одинъ живой, страшный клубокъ, откуда смерть вырывала несчастныхъ цѣлыми сотнями... Первый натискъ французовъ былъ отбитъ, но за первой частью двинулась вторая, еще болѣе ожесточенная. Да и новыя части русскіе приняли на штыки и

сбросили въ оврагъ, къ подножью кургана... Съ сердцемъ двинулъ Наполеонъ на этотъ пунктъ новыя силы—пѣхоту и конницу... И осилили-таки французы. Пѣхота заняла батарею, конница бросилась преслѣдовать нашихъ.

Отъ удержанія за нами этого пункта собственно зависѣлъ исходъ Бородинскаго боя. Покореніе этого пункта было послѣднимъ усиліемъ непріятельскихъ силъ, и это ясно понимали и наши, и сами французы. Изнемогая, послѣдніе послали въ Шевардино гонцовъ просить Наполеона о помощи, но Наполеонъ отвѣтилъ отказомъ, потому что губить всей арміи въ этомъ первомъ сраженіи онъ не могъ.

- За нами 3.000 верстъ, отдѣляющія насъ отъ Франціи. Я не могу отдать послѣднихъ солдатъ!..—мрачно и холодно отвѣтилъ онъ на эту просьбу.

Между тѣмъ французская конница налетѣла на нашу отступившую пѣхоту,—и тогда Барклай-де-Толли понялъ, что наступилъ моментъ рѣшительнаго боя...

Онъ собралъ послѣднія, бывшія въ его распоряженіи, силы, значительно пострадавшія отъ артиллерійскаго огня и безпрерывныхъ атакъ, и самъ повелъ ихъ навстрѣчу французской конницѣ. Барклай-де-Толли велъ войско лично. Онъ ѣхалъ впереди всѣхъ, въ полной генеральской формѣ, въ шляпѣ съ черпымъ перомъ,—рѣшительный, твердый и непоколебимый...

Конные, пѣшіе, артиллеристы—всѣ перемѣшались; бились прикладами, кололись штыками и тесаками: раненыхъ, упавшихъ на землю, давили погами свои же, накатываясь на груды тѣлъ, какъ бѣшеные валы бурнаго моря. Непріятельскіе кавалеристы до того отхмелѣли отъ этой сумятицы, что врѣзались въ середину нашей конницы, и ихъ неожиданно находили въ рядахъ нашихъ кавалеристовъ.

И эта рѣшимость какъ-то сама собой передалась нашимъ...

Войска сошлись и ударили другъ на друга. Бой завязался отчаянный,—послѣдній, рѣшительный бой... Одна атака смѣняла другую; французы видѣли, что все равно терять имъ нечего, кромѣ жизни, и дрались отчаянно. А наши понимали, что сломи они теперь непріятеля,—и побѣда должна остаться за нами.

Къ 5 часамъ дня, нѣсколько разъ опрокинутые, непріятельскіе ряды стали отступать, и *поле битвы осталось за русскими.*

Мюрадовичъ поставилъ орудія противъ Курганной батареи на случай новаго возобновленія атакъ. Но непріятельскія войска не двигались. До наступленія сумерокъ надъ Бородинскимъ полемъ только гремѣла канонада, которая стихла съ наступленіемъ ночи.

Пятнадцать часовъ къ ряду продолжался этотъ страшный бой, въ общемъ не давшій рѣшительной побѣды ни французамъ, ни намъ.

XXII. Итоги Бородинскаго боя.

Бородинскій бой былъ неравенъ: французы превосходили насъ и численностью арміи, и тѣмъ, что главная часть ихъ арміи, старая Наполеоновская гвардія, была испытана двадцатилѣтними, почти безпрерывными, боями. Численность французовъ, какъ было сказано, доходила до 170.000 человѣкъ, тогда какъ у русскихъ было всего на все—113.000 человѣкъ, включая сюда и неопытныхъ рекрутовъ и ополченцевъ. Несмотря, однако, на это, въ теченіе пятнадцати часовъ кровопролитнаго боя обѣ арміи разошлись по своимъ лагерямъ, при чемъ въ послѣдній разъ отступили французы.

Въ Бородинскомъ бою пало нашихъ свыше 60.000 человѣкъ, лучшихъ воиновъ; но Кутузовъ все-таки сначала думалъ, во что бы то ни стало, на другой день возобновить сраженіе, чтобы опрокинуть армію Наполеона окончательно.

Вечеромъ, когда стихли атаки французовъ, главнокомандующій послалъ одного изъ офицеровъ по рядамъ войскъ:—„Поѣзжай,—сказалъ онъ,—отъ лѣваго фланга до праваго, поздравь всѣхъ съ отраженіемъ непріятеля и предвари, что завтра атакуемъ!..“.

За все время хладнокровіе и удивительная сообразительность въ самые опасные моменты не покидали Кутузова. Спокойно выслушивалъ онъ донесенія со всѣхъ сторонъ и обдуманно, не спѣша, отдавалъ распоряженія, которыя имѣли благопріятный исходъ.

Послѣ Бородинскаго боя Государь пожаловалъ князя Кутузова фельдмаршаломъ, высшимъ чиномъ и наградой въ 100.000 рублей.

XXIII. Послѣ битвы.

Въ сумерки послѣ битвы, Наполеонъ отдалъ приказъ стягивать разсѣянныя части арміи, а князь Кутузовъ велѣлъ Барклаю-де-Толли остаться на полѣ сраженія и дѣлать приготовленія къ утренней атакѣ. До одиннадцати часовъ Кутузовъ не отмѣнялъ этого приказа, пока не узналъ о значительной убыли людей во 2-ой арміи изъ донесенія генерала Дохтурова. Тогда онъ далъ немедленное распоряженіе отступать за Можайскъ, гдѣ можно было соединиться съ подкрѣпленіями, формировавшимися за Москвой.

— „Надобно идти по Московской дорогѣ,—сказалъ Кутузовъ,—если непріятель и займетъ Москву, то онъ въ ней расплывется, какъ губка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу!..“.

Ночь была ненастная: кропилъ мелкій, холодный дождь, раздуваемый рѣзкимъ студенымъ вѣтромъ. На кровавой нивѣ тускло мерцали бивачные огни, вокругъ которыхъ толпились солдаты, въ изорванныхъ мундирахъ съ закопченными пороховымъ дымомъ и съ запекшейся кровью лицами...

Несмотря на полное изнеможеніе, приказъ къ отступленію былъ принятъ мрачно и уныло, съ упавшимъ духомъ...

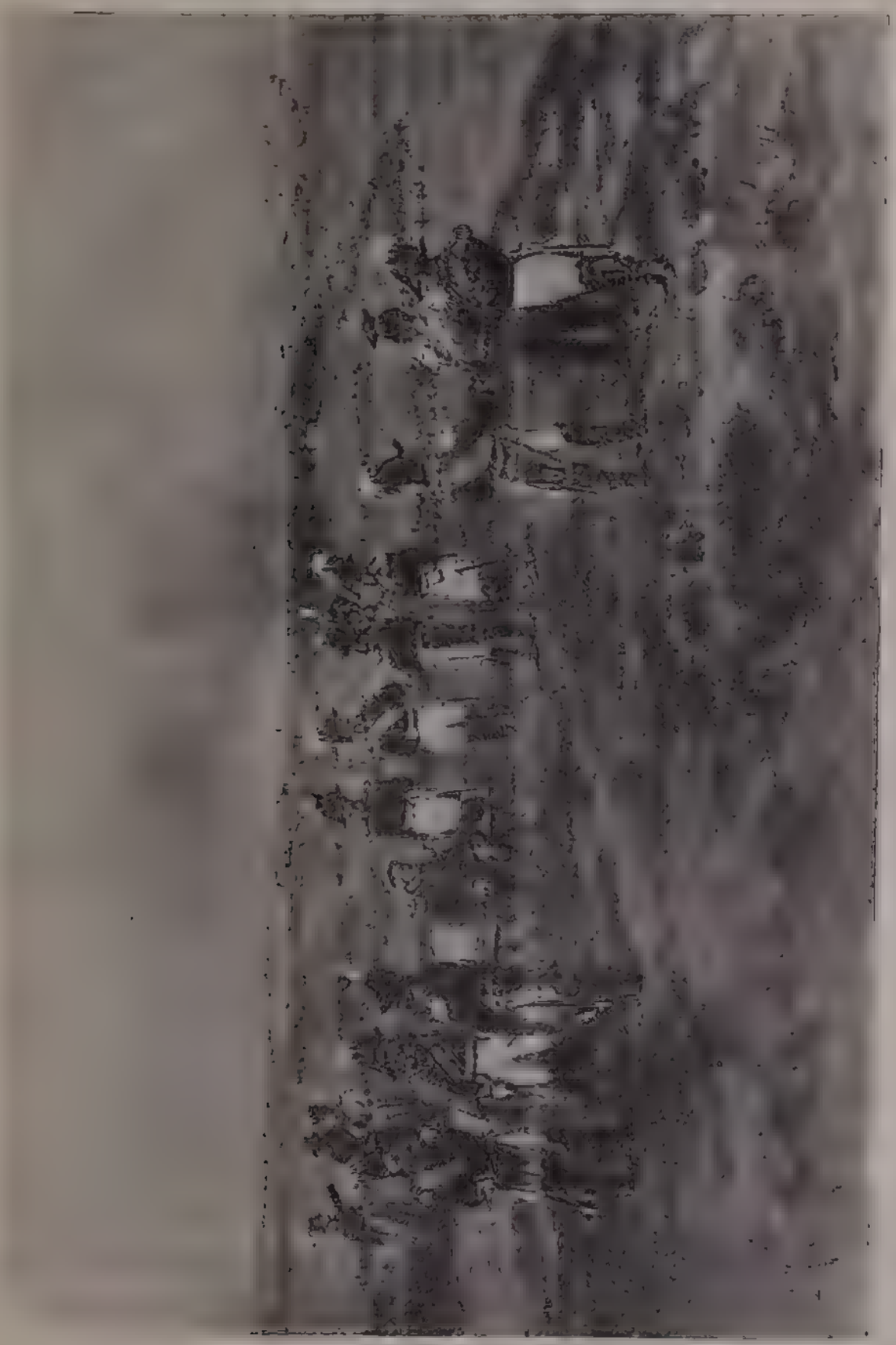
Вскорѣ послѣ полуночи съ 26 на 27 августа тронулась артиллерія, а слѣдомъ за нею, часа черезъ три поднялись съ мѣста пѣхота и конница.

Французы не трогались съ мѣста до утра, издали наблюдая за отступающими русскими частями.

Послѣ 8 часовъ утра тронулись въ путь по слѣдамъ русской арміи и они столбовой дорогой къ Можайску. Наполеонъ разсчитывалъ къ вечеру перенести свою главную квартиру въ Можайскъ, куда русская армія прибыла къ полудню.

Около четырехъ часовъ дня французы, подъ командой Мюрата, короля Неаполитанскаго, подошли къ Можайску и повели атаку противъ русской арміи, но нерѣшительно. Мюратъ послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ все-таки, въ концѣ-концовъ, не могъ сбить нашего аріергарда и потому отступилъ, такъ и не занявъ Можайска.

Кутузовъ нѣсколько разъ посылалъ посмотрѣть, въ какомъ видѣ находится войско у французовъ. Ему доносили каждый разъ, что войско, очевидно, еще не было приведено въ поря-



Подъ Москвой.

докъ, потому что въ одной и той же части арміи встрѣчались и драгуны, и кирасиры, и егеря. А это значило, что за недо-

статкомъ времени отдѣльныя части арміи не были приведены въ боевой порядокъ.

— Ага!.. Каково мы ихъ потрясли вчера!..—съ усмѣшкой замѣтилъ Кутузовъ, выслушавъ такія донесенія.

28 числа русскіе выступили изъ Можайска, и къ вечеру французы заняли его. Русскій аріергардъ отбилъ атаку французовъ, и съ этихъ поръ французы вплоть до самой Москвы не отваживались приближаться къ нашей арміи ближе какъ на 30 верстъ...

XXIV. Подъ Москвой.

1-го сентября русская армія выступила съ послѣдней своей остановки въ Мамоновѣ, къ Москвѣ.

Кутузовъ съ генералами опередилъ армію и поѣхалъ къ Москвѣ, передъ которой было рѣшено дать рѣшительное сраженіе: мѣсто дѣйствія было избрано генераломъ Беннигсенъ.

Кутузовъ, осмотрѣвъ мѣстность, остался недоволенъ ею и поднялся на Поклонную Гору, гдѣ его ожидалъ московскій губернаторъ графъ Растопчинъ.

Осмотромъ мѣстности остались недовольны и Барклай-де-Толли, и Ермоловъ, и Толь. Въ самомъ дѣлѣ, рытвины были на рытвинѣ, по серединѣ протекала извилистая рѣчка; кромѣ того, позиція была слишкомъ обширна для передвиженія усталой арміи. Даже въ случаѣ отступленія были большія неудобства,— надо было проходить черезъ Москву, — черезъ городъ, изобиловавшій узкими и кривыми улицами и переулками.

Самъ Кутузовъ молча выслушивалъ различныя мнѣнія; онъ вообще держался того правила, что главнокомандующій до послѣдняго момента долженъ держать про себя окончательное рѣшеніе. Онъ даже сказалъ одному изъ близкихъ ему людей: „Въ этомъ дѣлѣ мнѣ надо полагаться только на самого себя, каковъ бы я ни былъ,—уменъ, или простъ!..“

XXV. Совѣтъ въ Филяхъ.

Около полудня Кутузовъ, не высказавъ никому своего окончательнаго мнѣнія, всталъ и задумчиво уѣхалъ въ Фили, на свою квартиру. Вскорѣ послѣ того вѣстовые фельдмаршала явились къ Барклаю-де-Толли, Беннигсену, Дохтурову, Уварову, графу Остерману, Раевскому, Коновницыну, Ермолову, Кайсарову и Толю и отъ имени фельдмаршала пригласили ихъ въ Фили, на военный совѣтъ...

Милорадовичъ не имѣлъ возможности оставить аріергарда, который сдерживалъ натискъ непріятеля на наши войска, и на совѣтъ не явился.

На этомъ совѣтѣ надо было рѣшить роковой вопросъ, давать ли сраженіе подъ Москвой, или отступать дальше, отдавъ безъ бою Москву во власть непріятеля?

Когда совѣтъ былъ въ сборѣ, Кутузовъ началъ съ того, что, изобразивъ всѣ неудобства позиціи, избранной для сраженія, сказалъ:

– Прошу васъ высказать, господа, свое мнѣніе. Одно скажу: пока будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю,—до тѣхъ поръ есть надежда счастливо завершить войну. Но по уничтоженіи арміи и Москва, и Россія потеряны!.. Ожидать ли нападенія на неудобной позиціи, или отступать?..

Князь Кутузовъ смотрѣлъ впередъ дальше своихъ современниковъ. Большинство послѣднихъ были убѣждены, что пока Москва цѣла и находится въ рукахъ русскихъ,—цѣла и Россія. А князь Кутузовъ былъ того мнѣнія, что защитникомъ страны можетъ служить не самый городъ, не имя его,—но живые люди, то-есть армія.

Какъ уже мы говорили раньше, Москва въ древнія времена имѣла, дѣйствительно, большое историческое значеніе, потому что вокругъ нея объединялись сосѣднія мелкія княжества. По старой памяти, еще многіе въ то время смотрѣли на Москву—какъ на всю Россію. Но на самомъ дѣлѣ давнымъ-давно уже всѣ отдѣльныя русскія княжества слились во-едино, въ одинъ русскій народъ, и Москва только по старой памяти

оставалась главой объединенной Руси. Главная же дѣятельная и живая сила Руси заключалась не въ старой Москвѣ, а въ живыхъ русскихъ людяхъ... Вотъ это-то и понялъ Кутузовъ, говоря рѣшительно и твердо, что съ погибелью Москвы Россія еще далеко не погибла; но съ потерей арміи немину́емо должна погибнуть не только Москва, но и вся Россія...

Мнѣнія присутствовавшихъ на совѣтѣ раздѣлились. Одни—Бенингсенъ, Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ—

Военный совѣтъ въ Филяхъ.

стояли за то, что необходимо дать сраженіе непріятелю подъ Москвой и безъ боя Москвы не отдавать; другіе—Барклай-де-Толли, графъ Остерманъ и Толь—присоединились къ мнѣнію Кутузова.

Совѣщаніе уже приходило къ концу, когда явился Раевскій изъ арміи, о состояніи которой у него были собраны точныя свѣдѣнія. Раевскому вкратцѣ передали то, о чемъ уже высказались участники военнаго совѣта, и спросили его мнѣнія.

Раевскій сказалъ, что если сейчасъ ударить на Наполеона, то русскіе потеряютъ армію и добьются единственно только

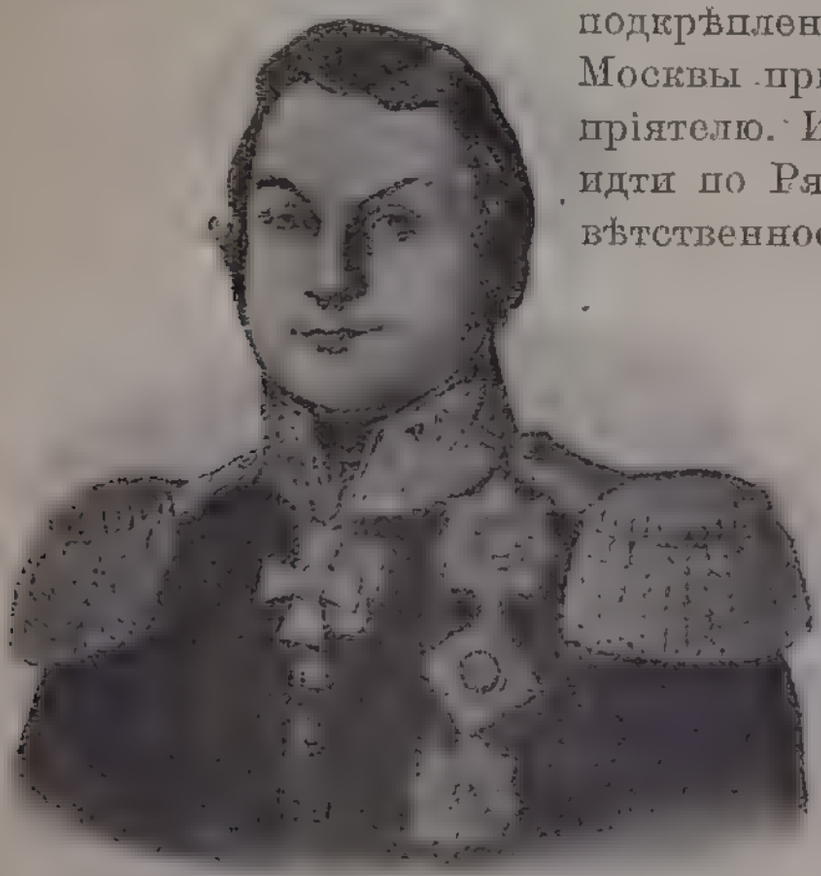
того, что Наполеонъ займетъ Москву нѣсколькими часами позже, но что займетъ онъ ее,—это безусловно. Армія же будетъ потеряна.

— Слѣдовательно, — закончилъ онъ свою рѣчь, —болѣе всего должно беречь войска. Мое мнѣніе—оставить Москву безъ сраженія!..

Послѣ долгихъ споровъ и предположеній,—князь Кутузовъ закрылъ засѣданіе заключительными словами:

— Съ потерею Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы намѣренъ я идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества!..

Генералъ отъ инфантеріи графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ.



Генералъ отъ инфантеріи Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ.

Онъ тяжко перевелъ дыханіе, поднялся со скамьи и рѣшительно произнесъ:

— Приказываю отступать...

Была уже ночь, когда окончилось совѣщаніе, и генералы стали одинъ за другимъ выходить изъ избы, занимаемой Кутузовымъ.

Быстро стала распространяться вѣсть о рѣшеніи фельдмаршала съ уха на ухо. Впечатлѣніе на всѣхъ она оказала удручающее. Очевидцы говорили, что въ то время совѣстно было смотрѣть другъ другу въ глаза, и многимъ казалось, что теперь все уже было потеряно.... Большинство было настроено противъ главнокомандующаго, и это именно и предчувствовалъ послѣдній, съ тяжелымъ сердцемъ рѣшаясь на такое дѣло...

Генералъ-маіоръ графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ.

Въ сильномъ волненіи, мрачный, сосредоточенный, ходилъ Кутузовъ изъ угла въ уголъ по избѣ, послѣ окончанія военнаго совѣта. Невыразимая тяжесть давила его сердце; онъ чувствовалъ свое полное одиночество, и одно, что мучило его больше всего, это страхъ за то, что ему не дадутъ довести до конца дѣла такъ, какъ предполагалъ онъ.

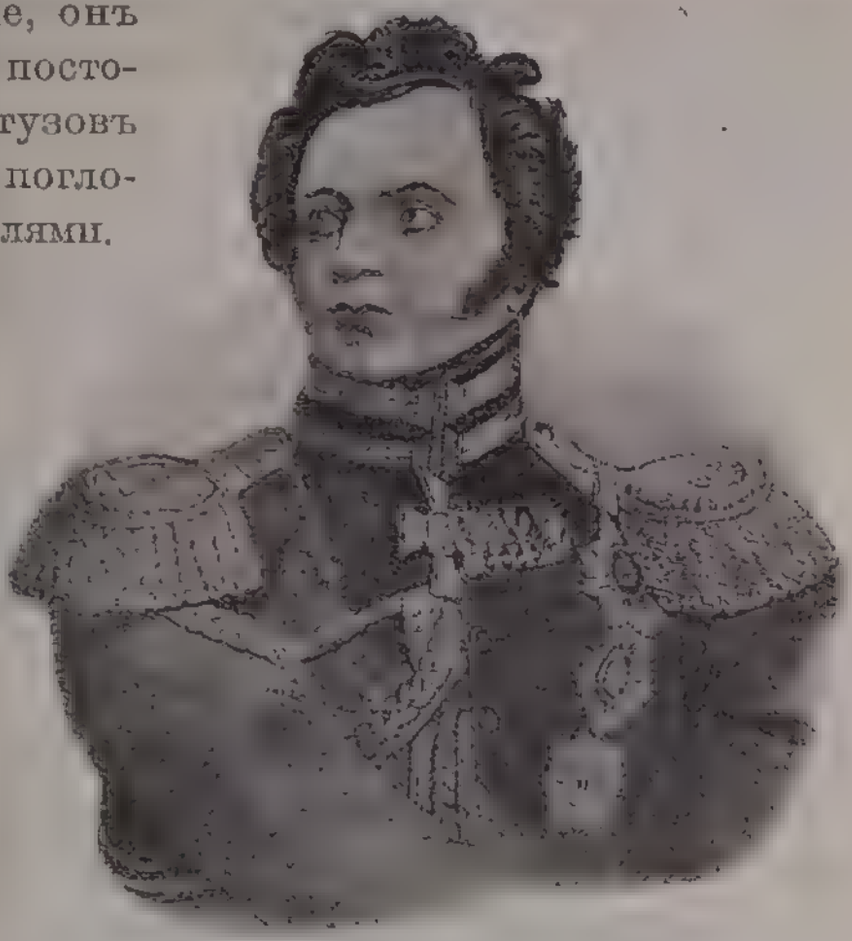
Въ эту минуту къ нему вошелъ близкій ему человѣкъ, полковникъ Шнейдеръ, лѣтъ двадцать находившійся при немъ безотлучно; замѣтивъ

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

его удрученное состояніе, онъ сталъ говорить ему о постороннихъ вещахъ, но Кутузовъ не слушалъ его, весь поглощенный тяжелыми мыслями.

— Ну, хорошо,— сказалъ, наконецъ, Шнейдеръ, желая вывести Кутузова изъ глубокой задумчивости, — отступленіе — такъ отступленіе. Но гдѣ же мы остановимся и расположимъ нашу армію?..

Кутузовъ вздрогнулъ, словно пробудившись отъ тяжкаго сна...

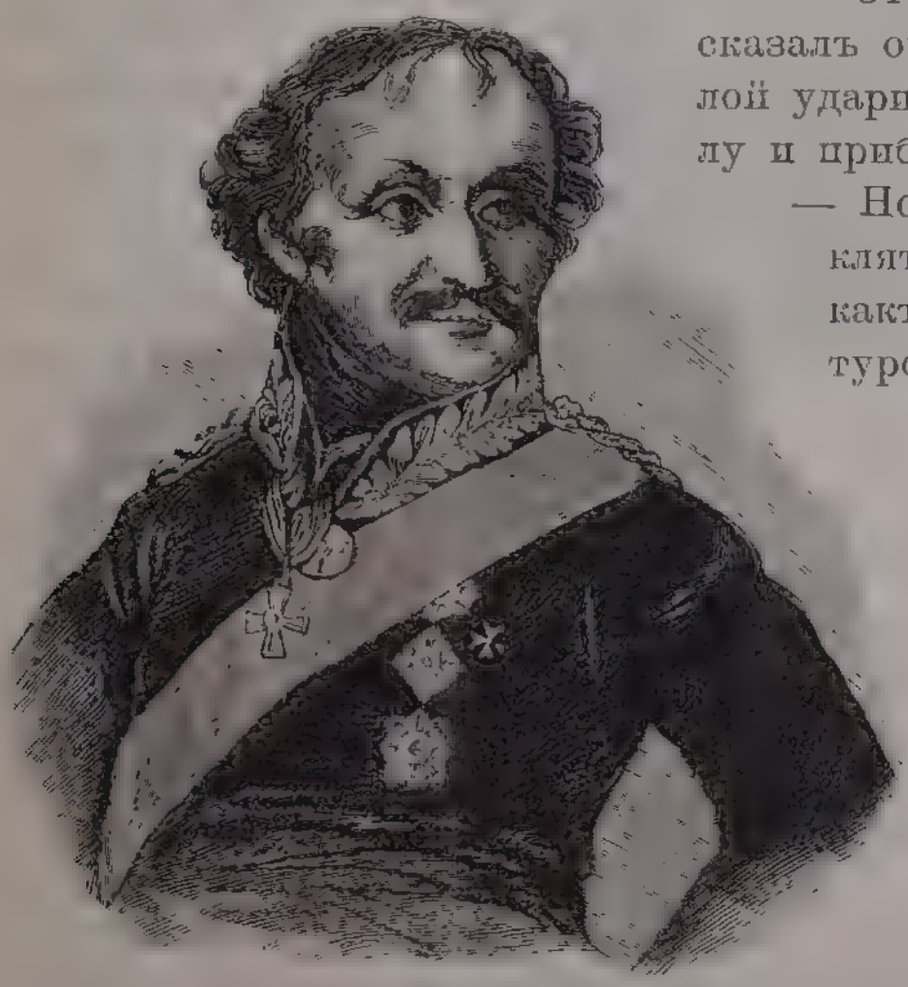


Генералъ отъ кавалеріи Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ.

— Это мое дѣло!..—рѣзко сказалъ онъ и вдругъ съ силой ударилъ кулакомъ по столу и прибавилъ съ жаромъ:

— Но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они лошадиное мясо ѣсть будутъ!..

Уже далеко за полночь, любимый офицеръ Кутузова, — Кайсаровъ, осторожно пріотворивъ дверь въ избу, увидѣлъ, что старикъ - фельдмаршалъ сидѣлъ на скамьѣ за сто-



Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

ломъ и, облокотившись на столъ, плакалъ, всхлипывая и вздыхая по-старчески, и плечи его вздрагивали отъ сдерживаемыхъ рыданій...

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

I. Настроеніе въ Москвѣ.

Какъ это всегда бываетъ, русская армія жила своей особой жизнью и своими интересами, а все общество—интересами лично своими, интересуясь только поверхностно ходомъ войны. Армія сражается, театръ войны далеко,—значитъ, можно быть совершенно спокойнымъ и надо ждать счастливаго исхода войны.

За полтора мѣсяца, даже за мѣсяцъ до вступленія Наполеона I въ Москву,—никто не могъ допустить и мысли объ этомъ. Гдѣ-то тамъ, далеко, будетъ происходить война, которая, конечно, кончится благопріятно для русскихъ,—а Москва, само собой, должна быть и будетъ неприкосновенной.

Такіе взгляды усиленно внушались высшему обществу и народу прежде всего хозяиномъ Москвы, генералъ-губернаторомъ графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Растопчинымъ. Онъ выпускалъ въ свѣтъ особые листки, афишки, въ которыхъ шутливымъ тономъ стремился разрушить величіе имени и страхъ передъ нашествіемъ Наполеона, а съ другой стороны, этимъ самоувѣреннымъ и насмѣшливымъ топомъ хотѣлъ показать, насколько опасность, на самомъ дѣлѣ, далека и не ужасна.

Послѣ посѣщенія Москвы императоромъ Александромъ I, всѣ были дѣятельно возбуждены и настроены твердо и восторженно. Готовились ополченія; черезъ Москву проходили войска изъ отдаленныхъ губерній; опасность была гдѣ-то далеко...

Но когда пронеслась вѣсть о потерѣ Смоленска и объ отступленіи главной арміи къ Москвѣ, — общее настроеніе стало тревожнымъ. За Москву не боялись нисколько, что она достанется въ руки французамъ, — однако, все-таки кое-кто изъ

богатыхъ московскихъ жителей рѣшили уѣхать изъ Москвы на время въ свои помѣстья, гдѣ бы можно было переждать, покамѣстъ все успокоится.

День ото дня въ Москвѣ жизнь становилась тревожнѣе и озабоченнѣе. Прибывали все новыя и новыя войска, артиллерія, воинскіе обозы, которые направлялись къ арміи. Наоборотъ, изъ арміи начали прибывать цѣлые обозы раненыхъ солдатъ и офицеровъ, которыхъ размѣщали по госпиталямъ и по частнымъ квартирамъ.

„Потеря Смоленска,—выразился императоръ Александръ I,—оказала на всю имперію огромное нравственное вліяніе“...

Графъ Петръ Васильевичъ Растопчинъ.

Послѣ взятія Смоленска, дѣйствительно, всѣ впервые почувствовали, что опасность грозитъ не на шутку, что она недалеко. Теперь уже въ Москвѣ стали слѣдить за извѣстіями о томъ, что происходитъ на театрѣ войны, съ бо́льшимъ вниманіемъ и съ живѣйшимъ интересомъ. Какъ-будто отзвукъ военнаго грома впервые заставилъ вздрогнуть и перекреститься русскаго человѣка...

Гибель Вязьмы не произвела сильнаго впечатлѣнія, въ родѣ того, что было послѣ Смоленска,—но только еще больше усилила общее смятеніе и заставила насторожиться еще болѣе... Въ обществѣ чувствовалось, что недалеко время, когда паника охватитъ всѣхъ. Въ этомъ убѣдило всѣхъ то, что изъ Москвы стали вывозить казенное имущество, присутственныя мѣста и архивы, а также—учебныя заведенія.

Въ народѣ, среди мастеровыхъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ началось волненіе, возникло недовольство тѣмъ, что очевидно готовилось что-то серьезное, страшное, а всѣхъ остав-

ляли въ полномъ невѣдѣніи. Ежедневно цѣлые обозы съ домашнимъ скарбомъ выѣзжающихъ изъ Москвы ясно доказывали, что совершается что-то неладное. При встрѣчѣ такихъ обозовъ не стѣснялись вслухъ укорять и стыдить насмѣшками:

— „Что поднялись? Видно, не хороша стала Москва въ бѣдѣ? Чай, грѣшно Москву-то бросать!..“

Многимъ казалось, что неуспѣшность военныхъ дѣйствій происходитъ оттого, что ихъ тамъ нѣтъ. Группы простыхъ людей, собираясь на улицахъ и площадяхъ, вслухъ высказывали:

— Эхъ, дали бы намъ волю да оружьишко какое ни на есть,—вотъ бы какъ разнесли басурмановъ!..

Это наивное представленіе о военныхъ событіяхъ текущихъ дней нашло себѣ откликъ у администраціи: графъ Растопчинъ приказалъ отпереть арсеналъ для выдачи всѣмъ и каждому разнаго оружія за самую дешевую цѣну, а то и вовсе даромъ. Оружіе было плохое, попорченное отъ времени,—но на это не обращали вниманія и разбирали, что было на-лицо...

Въ половинѣ августа въ Москвѣ составилось добровольное ополченіе изъ лицъ, бросившихъ все личное свое и вступившихъ на защиту общественныхъ интересовъ...

Это была горсть воды, которой смѣшно было бы пытаться залить океанъ огня, и само по себѣ это ополченіе не выполнило своего назначенія. Но оно положило начало поголовному ополченію Россіи, которое, въ концѣ концовъ, и спасло ее, помогши ей стряхнуть съ себя тяжкій гнетъ французскаго ига...

II. Надежды.

Разсказъ очевидца С. Н. Глинка.

„Въ достопамятный и бурный 1812 г. жилъ я въ переулкѣ Тишинѣ, близъ Дорогомиловскаго моста. 11-го іюля, на ранней зарѣ утренней, разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: „Мы пропали!“ и подала мнѣ печатный листъ. То было воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ 6 іюля изъ Полоцка. Прочитавъ воззваніе, я сказалъ: „Благодарите Бога, сударыня!

На Красной площади.

Гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ примутъ и мѣры къ отвращенію ея. Будьте спокойны и молитесь Богу".

Наскоро одѣвшись, полетѣлъ я въ Сокольники на дачу къ графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, поступившему вмѣсто графа Гудовича на чреду московскаго генералъ-губернатора. Не слыша еще громкой вѣсти о грозной опасности, пеполинская Москва объята была сномъ и безмолвіемъ. Тишина владычествуетъ на поверхности океана до воскипѣнія волнъ: то же нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Спѣшилъ я съ одной мыслью—отдать себя отечеству за отечество. Къ графу пріѣхалъ я въ пять часовъ утра.

Все уже въ домѣ было въ движеніи. Передъ кабинетомъ графа засталъ я тогдашняго губернскаго предводителя и секретаря графа. Говорю секретарю, что мнѣ нужно видѣться съ графомъ.—„Нельзя",—отвѣчаетъ онъ,—„графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ преосвященнымъ Августиномъ и съ Петромъ Степановичемъ Валуевымъ".—„Позвольте же мнѣ, по крайней мѣрѣ, оставить записку". Привѣтливо секретарь подалъ мнѣ бумагу, перо, и я написалъ: „Хотя у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья, хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженецъ московскій,—но гдѣ кого застала опасность, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обращаю себя въ ратники московскаго ополченія и на алтарь отечества возлагаю на 300 р. серебра".

„Такимъ образомъ, 1812 года іюля 11-го мнѣ первому удалось записаться въ Москвѣ въ ратники и принесть первую жертву усердія.

„Вскорѣ улицы закипѣли жизнію и движеніемъ. Страхъ и боязнь не витали по стогнамъ градскимъ. Вѣсть о прибытіи государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сговаривались идти и спѣшить на встрѣчу государя.

„Лица гражданъ и жителей сіяли веселіемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Тотъ пиръ былъ пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: „Мы закидаемъ шапками, мы постоимъ за себя!“ Довѣренность безмятежная обладала умами.

„Въ обширныхъ московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнясь крестомъ, добрые граждане говорили: „Пойдемъ въ храмы Господни,— помолимся за царя-государя, а оттуда—за заставу“. Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ: „Куда идешь?“ И общій отвѣтъ: „Навстрѣчу государю за заставу!“

III. Упадокъ духа въ Москвѣ.

Вы помните, что извѣстіе о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ было встрѣчено всей арміей восторженно, хотя высшее общество и самъ государь были противъ него. Въ Москвѣ, въ народной массѣ эта вѣсть встрѣтила то же сочувствіе, такую же радость и увѣренность, что Кутузовъ въ обиду никого не дастъ.

Слѣдили за каждымъ движеніемъ „арміи Кутузова“, для чего у заставъ и на улицахъ Москвы останавливали силой курьеровъ изъ арміи и разспрашивали о томъ, что дѣлается на полѣ битвы.

Въ день Бородинскаго боя жители Москвы мѣста не находили себѣ, направляясь несмѣтными толпами то въ Кремль, въ Успенскій соборъ, то за Дорогомиловскую заставу, гдѣ съ

тревогой и смутной надеждой вглядывались вдаль, ожидая курьера съ поля битвы...

Передъ окончаніемъ Бородинскаго боя Кутузовъ увѣдомилъ Растопчина, о томъ, что завтро онъ намѣренъ возобновить сраженіе, чтобы окончательно добить непріятеля... Это извѣстіе исполнило бѣшеной радостью всѣхъ.

— Побѣда!.. Побѣда!.. — кричали на улицахъ толпы бѣгущаго народа...

Около часовни Иверской Божіей Матери толпа собралась несмѣтная. Служили благодарственные молебны, кричали восторженно „ура", какъ-будто грозовая туча, столько времени скоплявшаяся надъ Русью, разрѣшилась сразу однимъ ударомъ молніи...

Но уже на утро въ Москвѣ стало извѣстно, что, несмотря на удачно одержанный Бородинскій бой, — армія, по приказу Кутузова, продолжаетъ отступать.

Вчерашняя восторженность и радость смѣнились общимъ упадкомъ и унынiемъ...

Мало-по-малу черезъ Дорогомиловскую заставу стали въѣзжать въ Москву цѣлыми обозами телѣги, съ тяжело ранеными подъ Бородиномъ... Когда они проѣзжали по московскимъ улицамъ, направляясь къ Лефортовскому дворцу, гдѣ былъ устроенъ главный перевязочный пунктъ, — жители бросали въ телѣги деньги, хлѣбъ, подавали образки, благословляя несчастныхъ... Зрѣлище было душу раздирающее, потому что плакали и тѣ, кому эти раненые были чуждые люди...

Теперь уже двинулись изъ Москвы даже тѣ, которые до самыхъ послѣднихъ дней были увѣрены въ томъ, что все обстоитъ и окончится совершенно благополучно.

Болѣе, чѣмъ на 60.000 подводахъ было вывезено казеннаго имущества, спѣшно въ двое-трое сутокъ, а это производило на всѣхъ сильное впечатлѣніе, потому что въ этомъ усматривали серьезныя опасенія правительства.

Главными распорядителями Москвы въ то время были сенатъ, архіерей и графъ Растопчинъ. Но они сами казались какими-то растерянными и отдавали сбивчивыя, неясныя распоряженія, потому что никому не были извѣстны планы главнокомандующаго Кутузова. Защищать ли будутъ Москву, или оставитъ ее на произволъ судьбы — этотъ вопросъ былъ еще

нерѣшенъ окончательно, и оттого приказанія графа Растопчина были какія-то неопредѣленныя, ничего не указывающія и не разъясняющія.

Около Сергіево-Троицкаго монастыря, верстахъ въ 60 отъ Москвы, въ мѣстности, называемой Виѳанія, жилъ въ то время знаменитый своимъ умомъ, начитанностью и строго-образцовой жизнью, престарѣлый митрополитъ Платонъ. 75 лѣтъ отъ роду. Митрополитъ Платонъ имѣлъ огромное вліяніе на государя, на его дворъ и на всѣхъ рѣшительно.

Желая ободрить оставшихся въ Москвѣ жителей и ополченцевъ, Платонъ прибылъ въ Москву, намѣреваясь даже выйти съ ополченіемъ на Три Горы, за Дорогомиловскую заставу, гдѣ, какъ предполагали, будетъ дано генеральное сраженіе французамъ.

Но лѣта митрополита, его слабость и вѣсть о томъ, что русскія войска уже выступили изъ Можайска къ Москвѣ,—а непріятель идетъ за ними по пятамъ, и что въ окрестностяхъ Москвы видѣли уже непріятельскіе таборы,—все это, вмѣстѣ взятое, дало понять, что для Москвы скоро все уже будетъ кончено, и не горсти ополченцевъ выступать противъ наполеоновской арміи, передъ которой отступалъ Кутузовъ.

Противъ воли Платона его въ тотъ же вечеръ увезли изъ Москвы въ Виѳанію...

IV. Оставленіе Москвы.

Все-таки, несмотря на начавшуюся панику, рѣшительнаго боя ждали каждую минуту.

1 сентября вся мѣстность около Дорогомиловской заставы была запружена подошедшими войсками. Около Поклонной горы возводились сооруженія. Съ наступленіемъ сумерокъ запылали бивачные огни. Жителямъ Москвы раздавали оружіе безплатно, церкви были полны молящихся. Въ Успенскомъ соборѣ плачъ и стоны заглушали службу.

Вечеромъ на сборномъ мѣстѣ для всѣхъ ратниковъ съ нетерпѣніемъ ожидали только самого графа Растопчина и преосвященнаго Августина, чтобы выступить за Дорогомиловскую засте-

ву, когда внезапно, въ 8-мъ часу вечера, отъ князя Кутузова прискакалъ курьеръ къ графу Растопчину съ такимъ увѣдомленіемъ:

„Непріятель, отдѣлившій колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе вынуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу. Посему покорно прошу васъ прислать мнѣ сколько можно болѣе полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы армію проводить черезъ разныя дороги на Рязанскую"...

Участь Москвы была рѣшена!..

Графъ Растопчинъ отправилъ полицейскихъ офицеровъ навстрѣчу войскимъ частямъ, затѣмъ распорядился, чтобы войскія команды и вѣдомства немедленно выступали изъ Москвы; поздно ночью, около 4 утра, съ заставъ и присутственныхъ мѣстъ были сняты караулы...

Всѣ подводы, какія только оказались подъ руками, были переполнены ранеными; многіе изъ частныхъ лицъ, запоздавшихъ съ выѣздомъ изъ Москвы, приказали разбирать уже уложенные и увязанные возы и подводы свои отдавали въ пользованіе тѣхъ раненыхъ, для которыхъ не хватало мѣста на подводахъ казенныхъ.

Полицейскіе чиновники были отправлены разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ, сжигать на Москва-рѣкѣ барки, которыя еще не успѣли уйти, и приготовиться помогать армейскимъ офицерамъ проводить свои части по узкимъ запутаннымъ улицамъ и черезъ мосты, гдѣ была страшная давка, такъ что часами запрудившая мосты толпа не могла двинуться ни на шагъ впередъ.

На улицахъ давка была не меньше. Улицы запружали подводы и экипажи. На площадяхъ, какъ, напримѣръ, около Сухаревой башни, была какая-то живая каша изъ людей, военныхъ частей, экипажей, лошадей; стоялъ говоръ, слышались крики, плачъ, стоны, ржанье лошадей. И все это сливалось въ одинъ жуткій, страшный гулъ, прислушиваясь къ которому, хотѣлось закрыть глаза и съ отчаніемъ отдаться стихійному движенію объятой паникой толпы...

Графъ Растопчинъ, разочарованный и раздраженный неожиданнымъ, какъ ему казалось, распоряженіемъ фельдмаршала Кутузова, съ сердцемъ отдавалъ свои послѣднія распоряженія. Насколько они имѣли мало основанія, видно хотя бы изъ

того, что больныхъ изъ сумасшедшаго дома прямо выпустили на волю, предоставивъ ихъ самимъ себѣ...

Онъ съ досадой извѣстилъ и преосвященнаго Августина, что предположеннаго выступленія Московскаго ополченія съ крестнымъ ходомъ не будетъ. И въ ту же ночь Августинъ, взявъ изъ Успенскаго Собора икону Владимірской Божіей Матери и Иверскую,—поспѣшно выѣхалъ изъ Москвы по Владимірской дорогѣ...

Вокругъ Москвы пылали предмѣстья, деревни, села, бивуаки, и зловѣщее зарево освѣщало окрестности и толпы пугливо бѣжавшаго народа...

При видѣ поѣзда Августина, съ иконами, общее настроеніе и раздраженіе дошло до своего предѣла... Со всѣхъ сторонъ раздавались укоризны, упреки, направленные на преосвященнаго:

— Паству покидаетъ, яко бы наемникъ неправедный!.. Не мила Москва стала въ скорбяхъ... Не мила и паства... Ровно собакамъ пропадать приходится!..

— Ужъ ежели Москва не устояла,—гдѣ жъ Россіи супротивъ Бонапарта устоять!..—говорили другіе...

V. Москва опустѣла!

Въ то время какъ толпы народа и экипажей широкой волной выливались на Рязанскую и Владимірскую дороги изъ Москвы,—съ противоположной стороны, черезъ Дорогомиловскую заставу—въ Москву вливалась волна русской арміи, отступавшей передъ непріятелемъ.

2-го сентября, рано утромъ, до восхода солнца вступили въ Москву черезъ Дорогомиловскую заставу артиллерія и обозы; слѣдомъ за ними, на самомъ разсвѣтѣ вступили конница и пѣхота.

Фельдмаршалъ Кутузовъ, верхомъ, въѣхалъ въ Москву, спокойный, величавый, съ твердымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ лица, стараясь казаться спокойнымъ,—на самомъ дѣлѣ, какъ передаютъ современники, страдавшій и измученный всѣмъ пережитымъ...

Толпа народа встрѣтила Кутузова около самой заставы, обнажила головы и опустилась на колѣни передъ нимъ.

Кутузовъ задержалъ лошадь, оглянулъ ихъ и проникновеннымъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія, сказалъ:

— Головой ручаюсь, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ!..

Онъ сказалъ это увѣреннымъ голосомъ, потому что зналъ, что онъ дѣлаетъ, предоставляя Москву въ нетронутомъ видѣ непріятелю.

Отъ заставы главнокомандующій проѣхалъ со своей свитой и передовыми частями арміи по бульварамъ до Яузскаго моста. Москва была уже пуста. Только кое-гдѣ на площадяхъ и на углахъ улицъ толпились рабочіе, фабричные, люди безъ опредѣленныхъ занятій, оборванцы; прямо посреди улицъ кое-гдѣ былъ сваленъ домашній скарбъ, около котораго сидѣли цѣлыя семьи, не имѣвшія возможности выѣхать изъ Москвы, потому что не было ни лошадей, ни подводъ. За простую крестьянскую лошадь, съ телѣгой, просили 500 рублей, и то еще надо было съ трудомъ разыскивать ихъ... Нѣкоторые лавки и магазины были заперты; около другихъ, отпертыхъ настежь, сидѣльцы еще укладывали въ ящики товаръ, связывали въ тюки... Обывательскіе дома стояли съ заколоченными окнами; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ какіе-то оборванцы хозяйничали по-своему... Церкви были отперты, и хотя службы не происходило,—на паперти толпились перепуганные люди...

Когда Кутузовъ подъѣхалъ къ Яузскому мосту, послѣдній былъ буквально запруженъ народомъ и подводами. Толпа, скучившаяся на мосту, была настолько велика, что, казалось, не двигалась съ мѣста: шумъ и говоръ заглушалъ человѣческій голосъ; полицейскіе чины охрипшими голосами торопили народъ, но никто не слушалъ ихъ.

— Скажите, чтобы очистили скорѣе мостъ!—сказалъ Кутузовъ одному изъ своей свиты.

Въ это время къ нему приблизился прибывшій сюда графъ Растопчинъ. Онъ съ недоброжелательствомъ поглядывалъ на наружно спокойнаго и апатичнаго Кутузова и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ сказалъ ему:

— Ваша свѣтлость, явился сюда, потому что Москвы уже нѣтъ... Есть только армія... Готовъ подчиниться распоряженіямъ вашей свѣтлости!.. Однако, было бы многое иначе, если бы не

изволили сказать мнѣ, что не сдадите Москвы безъ сраженія... Не было бы всего этого!..

Кутузовъ холодно посмотрѣлъ на него и тихо, словно про себя, сказалъ:

— Я и то не отдамъ Москвы, не давъ сраженія... А распоряженіе мое вамъ—поспѣшите очистить мостъ для свободнаго выхода арміи!..

Онъ сказалъ это такимъ голосомъ, который не допускалъ въ данную минуту ни возраженія, ни критики,—и графъ Растопчинъ поневолѣ подчинился ему и быстро направился къ мосту, отдавая налѣво и направо приказанія, дѣйствуя въ то же время и нагайкой, бывшей у него въ рукахъ...

Войска уже толпились около Яузскаго моста, и съ каждой минутой съ тылу прибывали все новыя и новыя части. Каждая минута была дорога въ этомъ поспѣшномъ выступленіи изъ города...

Дойдя до Коломенской заставы вмѣстѣ съ огромной толпой московскихъ обывателей и цѣлымъ обозомъ подводъ и экипажей, Растопчинъ остановился и съ горечью сказалъ:

— Занавѣсъ опустился!.. Моя роль сыграна!..

Отъ Яузскаго моста фельдмаршалъ Кутузовъ отправился дальше вмѣстѣ съ войсками, все такой же задумчивый, погруженный въ какую-то молчаливую тоску, какъ-будто не обращая вниманія на то, что совершалось вокругъ него...

Около Коломенской заставы Кутузовъ остановился, слѣзъ съ лошади и сѣлъ на дрожки, подперевъ голову рукой и задумчиво глядя на покинутую имъ Москву.

Войска останавливались около заставы на роздыхъ, поджидая къ себѣ остальныя постепенно подходившія части... По обѣимъ сторонамъ дороги группами сидѣли и стояли обыватели, бѣжавшіе изъ Москвы, около грудами сваленнаго своего домашняго скарба... Выраженіе полной безнадежности, растерянности и отчаянія было написано на всѣхъ лицахъ. Слышались рыданія, плачъ и озлобленные голоса:

— Да куда же идемъ-то?.. Что дальше-то съ нами будетъ?.. Куда онъ насъ завелъ?..

Кутузовъ продолжалъ сидѣть молча и неподвижно, внимательно вглядываясь въ даль. Онъ какъ-будто не слышалъ и не видѣлъ того, что совершалось вокругъ него. На самомъ дѣлѣ, онъ все видѣлъ, все слышалъ, все чувствовалъ и страдалъ изъ-

за этого сознанія, и въ то же время онъ сознавалъ ясно и опредѣленно, что теперь такъ оно и должно было быть, и иного выхода изъ тяжелаго положенія не было и не могло быть...

VI. Въ арріергардѣ.

Какъ вы помните, арріергардомъ распоряжался генералъ Милорадовичъ. Онъ долженъ былъ, отступая къ Москвѣ, всѣми силами сдерживать натискъ на Москву непріятельскихъ войскъ, чтобы выиграть возможно больше времени. Это было необходимо для того, чтобы жители Москвы могли свободно выѣхать изъ Москвы и чтобы затѣмъ войска прослѣдовали черезъ Москву въ полномъ порядкѣ...

Но французскія войска съ утра 2-го сентября стали наступать быстро и рѣшительно, и когда Милорадовичъ отступилъ къ Поклонной горѣ, ему донесли, что непріятельскія команды уже пошли въ обходъ его арріергарда, намѣреваясь обойти его и отрѣзать отъ Москвы, а затѣмъ тотчасъ же ворваться въ Москву, чтобы напасть на отступавшія войска съ тылу...

Тогда Милорадовичъ немедленно отправилъ парламентера на французскіе аванпосты, къ командиру ихъ, Мюрату, сказать, что если французы хотятъ занять Москву невредимою, то они должны наступать не такъ быстро, чтобы дать возможность нашимъ войскамъ очистить Москву. Если же французы будутъ наступать попрежнему,—велѣлъ передать Мюрату Милорадовичъ, то онъ, Милорадовичъ, долженъ будетъ открыть сраженіе подъ Москвой и даже въ стѣнахъ ея, пока будетъ живъ хоть одинъ человѣкъ, и тогда врагамъ достанется Москва разрушенной и опустошенной.

— Желая сохранить Москву,—велѣлъ передать Милорадовичу Мюратъ, — соглашаюсь на это предложеніе и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, съ тѣмъ, чтобы Москва занята была нами сегодня же!..

Въ отвѣтъ на это Милорадовичъ прислалъ предложеніе перемирія до 7 часовъ утра слѣдующаго дня, чтобы отсталые и вопискіе обозы могли безпрепятственно выйти изъ Москвы.

Мюратъ согласился и на это...

Наполеонъ I передъ своими солдатами.

VII. Во французской арміи.

Отступленіе русскихъ, вѣсть о добровольной сдачѣ Москвы не могла не воодушевить всей французской арміи, которая была настроена бодро, радостно и излишне самоувѣренно...

Наполеонъ I чувствовалъ себя въ это утро тоже необычайно бодро и самоувѣренно. Онъ воочію видѣлъ передъ собою то, что было предметомъ его мечтаній уже долгое время. Москва была передъ нимъ,—Москва, безропотно отдававшаяся ему; Москва—центръ Россіи, то, что и ему казалось сердцемъ ея...

На разсвѣтѣ Наполеонъ со своего ночлега отправился къ арміи и около 10 часовъ утра остановился верстахъ въ десяти отъ Москвы, гдѣ уже его давно ожидалъ Мюратъ съ донесеніемъ о томъ, какъ обстоитъ вообще все дѣло.

Нѣсколько русскихъ плѣнныхъ были тутъ же допрошены по поводу окрестностей Москвы, о состояніи самой столицы, и хотя эти сообщенія не имѣли никакого значенія и не прибавили ничего новаго, они тѣмъ не менѣе вполнѣ удовлетворили Наполеона. На безрыбьи и ракъ рыба!..

Наполеонъ зналъ достовѣрно только одно, что армія Кутузова отступила безъ боя, и что Москва отдается ему на милость побѣдителя... Остальное онъ дополнялъ своимъ пылкимъ воображеніемъ...

Французская армія продолжала подвигаться къ Москвѣ, и Наполеонъ отправился слѣдомъ за нею. Около 4 часовъ пополудни онъ былъ уже на Поклонной горѣ и, поднявшись на возвышеніе, остановился, созерцая открывшуюся передъ нимъ панораму Москвы.

— Вотъ, наконецъ, этотъ славный городъ!..—воскликнулъ онъ радостно.—Однако, пора уже!..

Онъ тутъ же сталъ разсматривать карту окрестностей Москвы, въ то же время терпѣливо поджидая къ себѣ депутаціи отъ сдаваемаго города.

Но, къ его великому смущенію, никто не являлся, и послѣ долгихъ тщетныхъ ожиданій онъ распорядился, наконецъ, сдѣлать сигнальные выстрѣлы, по которымъ авангарды должны

были двинуться одновременно къ Дорогомиловской, Пречистенской и Тверской заставамъ.

Милорадовичъ, какъ мы видѣли раньше, просилъ о перемиріи до 7 часовъ утра, слѣдующаго дня, чтобы всѣ войска могли свободно очистить Москву. Мюратъ согласился на это и по пятамъ русскихъ полковъ вступилъ въ Москву.

Улицы были пусты; дома и магазины—нѣкоторые запертые, другіе съ распахнутыми настежь дверями,—пустовали тоже. Обывателей нигдѣ не было замѣтно, и Москва имѣла видъ вымершаго города... Французы дивились и спрашивали другъ друга, что бы это могло означать?..

Думали, что въ Кремлѣ устроена тайная засада и такъ какъ Боровицкія, Кутафьевскія и Троицкія ворота въ Кремль были заперты, передъ ними навалены бревна, доски, хворостъ, и изъ-заворотъ раздавались одиночные выстрѣлы,—то французы расположили противъ нихъ пушки и дали залпъ...

Войдя черезъ разбитыя ворота, французы не нашли никого, за исключеніемъ нѣсколькихъ убитыхъ человѣкъ... Но на всякій случай, непріятельскіе разъѣзды отправились во всѣ концы Москвы. Встрѣчныхъ обывателей, дворниковъ останавливали на улицахъ и спрашивали:

— Гдѣ начальство? Гдѣ губернаторъ? Комендантъ?..

Отвѣты получались одни и тѣ же:

— Всѣ выѣхали изъ Москвы, оставивъ ее на волю непріятеля!..

VIII. Настроеніе побѣдителей.

Самъ Наполеонъ, его приближенные и вся свита императора были смущены этой неожиданной вѣстью.

Былъ вечеръ, Наполеонъ велѣлъ подать коня и въѣхалъ черезъ Дорогомиловскую заставу въ Москву, но здѣсь снова остановился ожидать воображаемую имъ депутацію отъ сдаваемаго побѣдителю города. Въ Дорогомиловской слободѣ по всѣмъ переулкамъ были разставлены караулы съ пушками.

Въѣхать въ Кремль Наполеонъ безъ торжественной манифестаціи не захотѣлъ, и потому онъ рѣшилъ переночевать здѣсь

же въ слободѣ. Въ одномъ обывательскомъ домикѣ, въ Ямской слободѣ, ему была наскоро приготовлена постель.

Съ наступленіемъ сумерокъ показалось новое зарево пожаровъ; загорѣлось въ Замоскворѣчьи, сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ и на баркахъ по Москвѣ-рѣкѣ. Но на это никто не обратилъ вниманія.

Той порой наполеоновская гвардія заняла Кремль и тотчасъ же спѣшно принялась приготовлять все къ въѣзду Наполеона. Выгнали изъ Кремля всѣхъ, кто ни попался подъ руки изъ обывателей, и затѣмъ наскоро привели въ порядокъ площади въ Кремлѣ и дворецъ.

Въ то же время французы тайно разыскивали зарытыя и спрятанныя сокровища, которыя якобы правительство не успѣло вывезти изъ Кремля и которыя должны были быть частью зарыты въ землѣ, частью спрятаны по подваламъ и чердакамъ...

Если настроеніе Наполеона и его приближенныхъ было удрученное; если событія этого дня во многомъ расхолодили ихъ пылкое воображеніе касательно торжественной сдачи Москвы администраціей,—то французскіе солдаты и офицеры были безконечно рады, предвкушая отдыхъ отъ долгой походной жизни, хорошія квартиры, готовый провіантъ и брошенныя обывателями цѣнности...

До наступленія ночи въ Москвѣ еще сохранялся наружный порядокъ. Войска входили въ Москву со всѣхъ сторонъ и расползались по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Но уже затѣмъ всюду началась сплошная неурядица. Офицеры по пути бросали свои команды и занимали лучшіе дома, а брошенныя на произволъ судьбы команды бросались въ отпертые дома, разбивали двери у лавокъ и магазиновъ и хватали все, что ни попадало имъ подъ руку.

Надъ французами буквально сбывалось высказанное Кутузовымъ еще задолго до того мнѣніе, что если непріятель займетъ Москву, онъ расплывется въ ней, какъ губка въ водѣ. Такъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ.

По мнѣнію многихъ историковъ, съ того времени, какъ французскіе солдаты разошлись по Москвѣ,—собственно армія Наполеона перестала существовать. Полки разбрелись во всѣ концы; сознаніе дисциплины рушилось: въ виду того, что всѣ солдаты нарушали дисциплину, они чувствовали свою безнаказанность, потому что вѣдь нельзя же наказывать всю армію до единаго!..

Да солдаты и не въ силахъ были сдержать себя, своей алчности при видѣ пустыхъ, отпертыхъ домовъ, гдѣ на каждомъ шагу лежали неприбранныя вещи; при видѣ лавокъ, съ дверей которыхъ стоило только сбить замки, чтобы брать изъ готоваго товара все, что угодно... Во многихъ домахъ солдаты находили заготовленную провизію и вина; они съ жадностью набрасывались на нихъ и ѣли, и пили до отвалу...

Когда стемнѣло,—дѣло приняло совсѣмъ дурной оборотъ. Прибывали все новые и новые полки, и, другими словами число мародеровъ (грабителей) увеличивалось съ каждой минутой. Вновь прибывающіе набрасывались на своихъ болѣе счастливыхъ, раньше явившихся, товарищей и затѣвали съ ними драки, отнимая у нихъ награбленное, силой врываясь въ занятые уже дома и квартиры.

Жители, которые еще кое-гдѣ скрывались по глухимъ закоулкамъ Москвы и боялись выйти на улицу, подвергались нападеніямъ и насилію. Съ нихъ снимали платье, обувь; у нихъ отнимали кое-какіе пожитки и выгоняли изъ ихъ квартиръ прямо на улицу; а тамъ несчастныхъ встрѣчали бранью, криками и угрозами,—и они спѣшили подъ кровомъ ночи пробраться къ какой-нибудь заставѣ, чтобы вырваться, наконецъ, изъ этого ада на волю...

Ночью вспыхнулъ пожаръ въ Москательномъ ряду, потомъ—въ Китай-городѣ, и пошелъ страшный пожаръ разливаться губительнымъ потокомъ все шире и шире. Загорѣлось на Арбатѣ и на Поварской...

Мы приводимъ ниже нѣсколько разсказовъ очевидцевъ этого страшнаго Божьяго гнѣва,—тѣхъ несчастныхъ которые задержались въ Москвѣ до ея занятія французами и не имѣли средствъ выбраться изъ города заблаговременно...

Бѣжать несчастнымъ далеко отъ Москвы не было возможности. Отчасти жалко было бросить свое добро и бѣжать съ пустыми руками; отчасти жутко было отправляться въ путь, куда глаза глядятъ, тѣмъ болѣе, что шайки разныхъ грабителей рыскали по окрестностямъ Москвы, и попасть въ ихъ руки было не лучше плѣна у французовъ...

Выбравшись изъ Москвы на окраины ея, большинство разоренныхъ семей предпочитали ютиться вмѣстѣ, другъ подлѣ дружки: на міру и смерть красна; міромъ и помогать другъ-другу легче!.. Много живыхъ примѣровъ доказываютъ, что въ

ту страшную годину общаго горя незнакомые люди относились другъ къ другу, какъ самые близкіе люди и помогали—кто чѣмъ могъ.

Цѣлыя колоніи этихъ несчастныхъ сошлись въ развалинахъ погорѣвшихъ построекъ, въ сараяхъ, въ погребахъ, просто въ ямахъ или въ землянкахъ, наскоро, кое-какъ вырытыхъ своими руками. А многіе жили прямо подъ открытымъ небомъ, въ садахъ, огородахъ, на лугу и по кладбищамъ. Большая колонія собралась на Орловомъ лугу, около Нескучнаго сада...

IX. Разсказы очевидцевъ.

Разсказъ Дьяконицы.

Дьяконъ церкви Петра и Павла, на Якиманкѣ, долгое время не хотѣлъ вѣрить въ возможность сдачи Москвы французамъ и рѣшилъ не выѣзжать никуда изъ Москвы. Въ первый же день вступленія непріятеля въ Москву,—нѣсколько французовъ нагрянули къ нему въ домъ, стали буйствовать и распоряжаться въ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ, оскорбляя хозяевъ на каждомъ шагу...

Дьяконъ велѣлъ женѣ съ единственнымъ, еще грудным, ребенкомъ собраться въ дорогу какъ можно скорѣе...

— Пойдемъ, куда глаза глядятъ,—сказалъ онъ,—намъ все равно теперь ужъ мѣста здѣсь нѣтъ!..

„Но лишь только мы прошли шаговъ сто“ (разсказывала потомъ дьяконица), „какъ повстрѣчались съ однимъ изъ нашихъ прихожанъ“.—„Куда идете, отецъ дьяконъ?“ Мужъ говоритъ:—„Идемъ на авось, къ Калужской заставѣ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается“. А тотъ говоритъ:„—Тамъ стоятъ французскіе караульные, и васъ изъ Москвы не выпустятъ; а шли бы вы къ Крымскому броду, на Орловъ лугъ; туда много народу сошлось; и я со своими туда думаю пробраться“.

Повернули мы къ Крымскому броду и видимъ издали: на Орловомъ народу, что муравейникъ. Сѣли тутъ и мы. Я стала оглядываться и прислушиваться. Чего-чего тамъ не было? И старый, и малый, и нищій, и богатый; корзинки съ новорожденными

дѣтьми, собаки, щенки, сундуки. Всѣ расположились на лугу, и говоръ-то, говоръ—что пчелиный рой. Около насъ лежала больная. Такъ ее жаль, сердечную! Молоденькая да хорошенькая; и видно, что въ богатствѣ жила, а какую нужду пришлось терпѣть! Всѣ за ней ухаживали, кто чѣмъ могъ пособлялъ. Какъ придетъ ночь, одѣнутъ ее потеплѣе и уложатъ покойнѣе. Да ужъ какой покой на землѣ, подъ открытымъ небомъ! При ней была горничная дѣвушка, и все-то она плакала и разсказывала намъ, что пріѣзжала она съ барномъ и барыней изъ деревни не надолго въ Москву, и остановились они въ пустомъ домѣ у родственниковъ. Баринъ-то въ армію уѣхалъ, а женѣ велѣлъ въ деревню отправиться. Она, бѣдняжка, разнемоглась, оттого и замѣшкалась, а ужъ тутъ, видите, больная ли, здоровая ли, а ѣхать надо, и собрались. Все уже было готово: карета заложенная у подъѣзда стояла; вышли они уже совсѣмъ садиться, а тутъ французы нагрянули и стали все изъ кареты выбирать. Хотѣли кучеръ и лакей заступиться, а французы ихъ разогнали. Люди бѣжали неизвѣстно куда, такъ и пропали безъ вѣсти; а у насъ (говорила горничная) мало пожитки отняли,—и карету увезли. Куда дѣваться? Въ пустомъ домѣ страхъ беретъ; я и привезла ее сюда черезъ силу. Говорятъ, на людяхъ и смерть красна. Живемъ мы здѣсь недѣлю и больше, а больная не поправляется и тоскуетъ. Дѣвушка ея и придумала: „Пойду я, говоритъ, на счастье: узнаю, нѣтъ ли кого изъ ея родственниковъ и знакомыхъ; а я съ ней одна ума не приложу, что дѣлать“. Ушла она, а меня проспла за больной присмотрѣть. Часа черезъ три приходитъ, а съ ней—старичокъ, дядя этой барыньки. Какъ она ему обрадовалась! Обнимала, обнимала, а сама плачетъ! Онъ говоритъ: — „Успокойся, я тебя отсюда возьму, и уѣдемъ мы въ деревню. Теперь трудненько найти здѣсь лошадей, да авось Богъ поможетъ; я попрошу французскихъ начальниковъ, чтобъ они намъ пропускъ дали“. И точно, дня черезъ два пріѣхалъ онъ въ коляскѣ, парой, а за нимъ два французскіе солдата верхомъ. Они всѣхъ насъ благодарили за уходъ, а мы за нее, бѣдняжку, такъ рады! Перенесли ее въ коляску, и они уѣхали“.

„Погода на наше счастье стояла сухая; только ночи, разумѣется, были свѣжи. Прикроемся, бывало, всѣмъ своимъ тряпьемъ, да гдѣ сидѣли, тамъ и приляжемъ. Насчетъ пищи мы жили безъ нужды: всѣ кондитерскія остались отперты, да

частныя кладовыя, да ряды. Они горѣли, да не всѣ, и много въ нихъ добра осталось. Цѣлые цыбики чаю стояли, головы сахара, и всякаго было много съѣстного припаса. У насъ на лугу постоянно самовары кипѣли; либо разложимъ огонь и варимъ какую-нибудь похлебку. Провизію брать изъ рядовъ да изъ кладовыхъ мы не считали грѣхомъ, потому что она и безъ того бы не уцѣлѣла; опять, не умирать же намъ съ голоду! Но вотъ что бѣда, что многіе изъ нашихъ грабили не хуже непріятеля. Уйдутъ, бывало, съ Орлова луга, бродятъ по пустымъ домамъ и принесутъ съ собою цѣлые узлы награбленныхъ вещей. И смотрѣть-то бывало срамно! Случалось и то, что грѣхъ-то на душу возьмутъ, а покорыстоваться все-таки не придется. Иной разъ еще не донесутъ до мѣста награбленнаго добра, а непріятели его отобьютъ. И страшно было, и грустно. А иной разъ, по молодости, разболтаешься съ молодыми людьми и повеселѣешь. Помню я разъ, что смѣху-то было".

Кухарка разсказчицы отправилась въ гостиный дворъ поискать провизіи: съ ней пошелъ молодой двоюродный братъ дьяконицы, прослышавшій, что въ лавкахъ стоятъ цѣлыя бочки съ медомъ. Едва онъ нашелъ ихъ и хотѣлъ наполнить медомъ принесенный кувшинчикъ, какъ подоспѣли непріятельскіе солдаты, отняли у него кувшинчикъ и за сопротивленіе бросили его самого головою въ бочку съ медомъ и со смѣхомъ ушли. Много стоило усилій мальчику выбраться изъ бочки, и еще болѣе кухаркѣ обмыть его на рѣкѣ отъ липкаго меду. Эта любезная шутка грабителей и вызывала веселый смѣхъ у обитателей Орлова луга.

У молодой дьяконицы умиралъ на рукахъ ребенокъ, ея первенецъ, отъ голоду. Съ испугу она потеряла молоко, а ребенокъ съ трудомъ принималъ другую пищу.

„Москва горѣла (продолжаетъ разсказчица); разлился пожаръ во всѣ стороны, что огненное море; вспомнить-то страшно! Ходили, что ни день, съ Орлова луга каждый въ свою сторону, узнать, что тамъ дѣлается, и многіе возвращались съ плачемъ и разсказывали, что отъ ихъ домовъ остались одни обгорѣлые столбы. Ждали и мы своей очереди—и дождались. Сначала, кто изъ прихожанъ ходилъ къ намъ на Якиманку, разсказывалъ, что у насъ пока все благополучно, и что въ домѣ Рахманова, противъ самыхъ воротъ, квартируютъ французы, и ихъ генерала всѣ хвалили: говорили, что никого изъ нашихъ, кто

остался въ сторонѣ, онъ не обижаетъ. Разъ сидимъ мы ранешенько утромъ, толкуемъ о своемъ горѣ,—вдругъ прибѣжали къ намъ мальчишки съ Якиманки (родители-то ихъ къ намъ прихожане были) и кричатъ въ нѣсколько голосовъ: „Ну, отецъ дьяконъ, сгорѣлъ твой домъ, весь до-тла сгорѣлъ; и батюшкинъ, и дьячковскій—все погорѣло!“ Какъ я это услыхала, то себя не вспомнила, да такъ и взвыла. А мужъ взглянулъ на меня и говоритъ:—„О чемъ ты плачешь? Видишь, все гибнетъ, и мы погибнемъ; а ты о своей лачужкѣ плакать вздумала!“ Такой онъ былъ мрачный и сердитый съ того самаго дня, какъ къ намъ французы пришли: словно его варомъ обдало; не смѣешь, бывало, съ нимъ слова вымолвить. Ни на что онъ не жаловался, а желтый такой сталъ, да блѣдный, настоящимъ смотрѣлъ старикомъ.

„Сначала къ намъ непріятелей хаживало немного. Придутъ, бывало, обойдутъ Орловъ лугъ, и что имъ приглянется, стащутъ: платокъ ли съ кого, съѣстное ли что. Всякій радъ имъ отдать, лишь бы только ушли. А потомъ все чаще къ намъ заглядывать повадились, оттого ли, что провизія вездѣ стала истощаться, или они бродили отыскивать себѣ добычи, ужъ не знаю. Иные не очень насъ разобижали, а отъ другихъ просто житья не было. Разъ, помню, идутъ ихъ человѣка четыре и несутъ большіе мѣшки,—должно быть, что-нибудь награбили,—и позвали они какого-то мѣщанина да моего мужа имъ пособить. А Дмитрій Васильевичъ говоритъ:—„Не пойду: я и такъ еле ноги таскаю“,—обратился спокойно и пошелъ въ другую сторону. Они разсердились и бросились къ нему. Одинъ выхватилъ саблю и показываетъ, что убьетъ мужа, если онъ съ ними не пойдетъ. Наши прихожане закричали:—„Иди, отецъ дьяконъ; вѣдь ихъ, окаянныхъ, не переспоришь“. И я закричала:—„Голубчикъ мой, не губи ты себя; не покинь меня, сироту, съ малымъ ребенкомъ“. Онъ не отозвался, взялъ мѣшокъ и пошелъ съ ними“.

Разсказъ мѣщанина Петра Былова.

„Непріятельская армія вошла въ Москву въ понедѣльникъ, и тою же ночью начался пожаръ, и все разгорался. А въ среду поднялась съ утра страшная буря, и закипѣлъ по всему городу настоящій адъ. Около насъ горѣло вездѣ, и мы того и гля-

дѣлп, что нашъ домъ вспыхнетъ. Дѣдъ говоритъ:—„Уйдемте къ Божедомкѣ, тамъ безопаснѣе будетъ". У Божедомки былъ большой, съ высокою оградой садъ, чей—не помню, и мы думали до него добраться. Перекрестились мы и вышли изъ дома съ пустыми руками, и брать-то было нечего. Дѣдъ шелъ впереди со мною, мать вела бабушку, а за ними—наша работница. Отошли мы нѣсколько шаговъ отъ дому, и оглянулись, а работницы нѣтъ. Мы остановились и принялись ее выкликать въ четыре голоса, а кругомъ все трещитъ и рушится, а буря такъ и воетъ. Подождали мы немножко и пошли своею дорогой. Такъ и не узнали, куда дѣвалась наша бѣдная Маланья: бросилась ли она въ другую сторону, или ей удалось спастись, или она погибла,—это одному Богу извѣстно.

Приходимъ въ садъ. Тамъ много народа сидѣло, и стояло много добра; чего-чего тутъ не было: сундуки, узелки, кузовочки и разная посуда. Садъ былъ большой, и всѣ сидѣли кучками, недалеко одни отъ другихъ, человѣкъ по пятнадцати и по двадцати,—кто къ кому пріютился. Спали въ повалку на травѣ и питались, чѣмъ Богъ пошлетъ. Бродили по огородамъ и ѣли овощи, иной разъ удавалось отыскать какую-нибудь провизію въ погребахъ, а рѣдко когда приходилось до-сыта наѣсться.

Какъ утихъ пожаръ, дѣдъ разбудилъ меня разъ раннимъ утромъ и велѣлъ идти съ собой на Москву-рѣку, гдѣ стояли барки съ пшеницей. Мы насыпали пшеницы въ мѣшокъ и пошли къ Данилову монастырю. Тамъ былъ паточный заводъ, и мы слышали, что французы продаютъ патоку и покупателей не обижаютъ. Дѣдъ купилъ цѣлое ведро и заплатилъ сорокъ копеекъ. Французы не принимали ни нашихъ ассигнацій, ни мѣдныхъ денегъ, а брали только серебряныя.

Пшеница, которую мы взяли съ барокъ, совсѣмъ обгорѣла. Мы разварили ее въ водѣ и ѣли съ патокой. Помню, еще тогда всѣ смѣялись и говорили, что мы словно кого поминаемъ кутьей.

Приходили къ намъ иногда французы. Обойдутъ всѣхъ, и что имъ попадется, то отымутъ, и всѣ отдавали свое добро, лишь бы голова на плечахъ осталась. Вѣдь они съ ружьями да саблями, а мы—съ голыми руками. Опять же у насъ все почти женщины да старики, да дѣти,—такъ ужъ приходилось терпѣть. Ну, а ужъ когда они къ намъ въ одиночку заглядывали,

Видъ Кремля изъ-за Москвы-рѣки XVIII вѣкъ.

Разрушенный французами Кремль послѣ оставленія Москвы Наполеономъ.

либо человѣка два придутъ, такъ мы ихъ принимали тоже по-своему. Помню, я разъ вижу,—идетъ молодецъ, бравый такой, пожившы тоже искалъ. Насъ онъ не тронулъ, а прошелъ дальше—и давай забрать чужое добро. Вдругъ бросились на него нѣсколько человѣкъ, и пошла потѣха: наши кричатъ, и онъ кричитъ,—помилованья проситъ. Да ужъ гдѣ помилованья ждать, когда люди сами безъ крова да безъ хлѣба, и еще послѣднее съ нихъ тащатъ. Вижу я, куда-то поволокли бѣднаго француза, а потомъ наши вернулись одни; порѣшили, говорятъ, съ нимъ...

На наше счастье стояла погода сухая, и прожили мы недѣли три въ саду. Этимъ временемъ пожаръ утихъ, но жара стояла невыносимая: выгорѣли цѣлыя улицы, вездѣ дымились развалины, и дымъ стоялъ такой густой, что выѣдалъ глаза. А все же можно было пройти безопасно по городу. И пошелъ дѣдъ узнать о своемъ сынѣ. Сынъ-то его въ людяхъ жилъ у Мясницкихъ воротъ, и знали мы, что его хозяева изъ Москвы собирались выѣхать. Дѣду и захотѣлось провѣдать, что у нихъ дѣлается:—„Можетъ, говоритъ, домъ ихъ уцѣлѣлъ, и вѣрно кто при домѣ остался, такъ хоть вѣсточку какую принесу.“ Вѣрнулся дѣдъ, и лицо на немъ такое веселое.—„Ну, говоритъ, слава Богу, сынъ здѣсь, а хозяева выѣхали: домъ пустъ, и мы туда переберемся. Сынъ бѣдный по насъ съ ума сходилъ. Провѣдывалъ тоже насъ, былъ въ нашей сторонкѣ, видитъ, что домъ-то выгорѣлъ, и думалъ, что мы всѣ погибли. Ужъ какъ онъ мнѣ обрадовался!“

Собрались мы мигомъ и пошли. Дядя насъ принялъ, какъ самыхъ дорогихъ гостей, а мы и ему были рады, и тому рады, что подъ кровомъ. Изъ дома все было увезено, кромѣ мебели. Вечеромъ мы поужинали, улеглись на диванахъ и заснули, только не раздѣвались, все боялись,—какая тревога, чтобы по крайней мѣрѣ быть наготовѣ.

На другой же день приходятъ къ намъ французы на постой,—человѣкъ около тридцати. Мы, было, испугались, а дядя говоритъ:—„Ничего, намъ еще съ ними безопаснѣе будетъ. Около насъ стоятъ французы, и не слыхать, чтобъ они кого обижали. Домъ большой: и имъ будетъ мѣсто, и намъ.“

Отвелъ онъ имъ нѣсколько комнатъ, и они тутъ расположились. Потомъ пришли къ намъ человѣка три, ржаной муки принесли, и показываютъ, чтобъ мы имъ испекли хлѣба. Мать

и бабушка сейчасъ же замѣсили квашню, и на другой день поставили хлѣбы въ печь. У насъ, кажется, отъ одного хлѣбнаго запаха веселѣй на душѣ стало, давно ужъ мы его не слыхали. Одинъ хлѣбъ мы себѣ оставили, а другіе дѣдъ отнесъ нашимъ постояльцамъ. Глядимъ, идетъ назадъ, и хлѣбъ у него въ рукахъ.—„Добрые люди,—говоритъ,—дали намъ за труды."

Мы имъ черезъ день пекли хлѣбы: каждый разъ себѣ одинъ оставляли, да они другой давали, и, кромѣ того, еще была провизія въ хозяйскихъ погребахъ, такъ что мы отъ голода не терпѣли.

А доносились мы до лохмотьевъ, въ особенности обувь вся на насъ истлѣла. Ужъ не помню,—дѣдъ ли, дядя ли достали кожу съ чайныхъ цыбиковъ, выкроили изъ нея башмаки, сшили ихъ кой-какъ бечевками, и мы всѣ въ этихъ башмакахъ щеголяли на босу-ногу.

Я иногда уходилъ изъ дома и бродилъ по сосѣднимъ улицамъ. Разъ встрѣтился мнѣ французъ: онъ ѣхалъ верхомъ и каску держалъ въ рукѣ, а на головѣ у него кокошникъ. Ѣдетъ, подбоченясь, во всѣ стороны озирается, а самъ смѣется. Веселый народъ, нечего сказать, да ужъ подъ конецъ-то имъ не до смѣха пришлось.

Удалось мнѣ увидать, какъ они отъ насъ уходили. Я стоялъ на Ильинкѣ, и вижу,—они посыпали къ Красной Площади. Ужъ тутъ они не въ кокошники нарядились для потѣхи, а навьючили на себя всякаго тряпья. Кто въ женскомъ капотѣ или капорѣ, кто подвязалъ уши полотенцемъ, кто въ поповской ризѣ, а у самого губы посинѣли отъ холода; у иного одна нога босая, а другая въ сапогѣ. Если бъ не мои глупые годы, такъ сердце бы, кажется, сжалось надъ ними. Суматоха кипѣла на площади: тутъ и фуры, и пушки, и пѣшіе, и конные; крикъ, шумъ, что и разсказать не разскажешь. Долго я смотрѣлъ на нихъ, а потомъ побѣжалъ домой и разсказалъ, что видѣлъ. Дѣдъ перекрестился и говоритъ:—„Это они, должно быть, убираются отъ насъ."

А наканунѣ и наши постояльцы отъ насъ ушли. Вдругъ засуетились, собрались и были таковы.

Какъ принесъ я домой добрую вѣсть, что отправились восвояси непрошенные гости, вышли мы на свою улицу. Съ которыми изъ нашихъ встрѣчались, тѣ говорили, что французы, точно, Москву оставили: многіе видѣли, какъ они потянулись къ заставамъ. Ушли они, да не всѣ: въ Кремлѣ стоялъ еще одинъ

изъ ихъ начальниковъ со своимъ отрядомъ. Успокоиться совсѣмъ мы не могли и изъ предосторожности спали по прежнему, не раздѣваясь.

Лишь только они ушли, начали свои грабить,—и тѣ, что въ городѣ оставались, да и сосѣдніе крестьяне явились на поживу. Цѣлыхъ три дня грабили нещадно; въ казенной палатѣ оставалось множество мѣшковъ съ мѣдными деньгами, и многіе тутъ поживились. Съ иныхъ и взыскать нельзя было: вѣдь съ голода умирать приходилось. Ходилъ и дѣдъ въ казенную палату и принесъ на 25 руб. мѣдныхъ денегъ.—„А то, говоритъ, чѣмъ я васъ кормить-то стану?“ А другіе безо всякой совѣсти на все бросались; да ужъ хоть бы брали, что могли, а не истребляли бы даромъ чужого добра. Много его погибло безо всякой пользы. Я видѣлъ, какъ на Мясницкой съ верхняго этажа дома Салтыкова выбрасывали мебель. Она разбивалась о мостовую, и крестьяне увозили столы и стулья безъ ножекъ. Богъ знаетъ, сколько времени продолжался бы грабежъ, если бъ не подоспѣли казаки да полиція.

Дня три прошло послѣ выступленія Наполеона изъ Москвы... Легли мы спать. Вдругъ, должно-быть, ужъ за полночь, раздался взрывъ въ Кремлѣ. Нашъ домъ заколыхался, и вся мебель заходила. Мы себя не вспомнили отъ страха и бросились всѣ изъ дома. Стоимъ мы среди двора и слова не вымолвимъ, еще въ себя не придемъ, какъ загремѣлъ другой взрывъ. Тутъ мы подумали, что пробилъ нашъ смертный часъ, и стали прощаться другъ съ другомъ. Помнится, что было еще три взрыва, и мы до самаго разсвѣта просидѣли на дворѣ.

Сердце надрывалось, глядя на Москву. Иные кварталы такъ выгорѣли, что улицъ нельзя было признать: все было разрушено, и вездѣ валялись лошадиные и человѣческіе трупы. Долго еще послѣ ухода непріятеля полиція ихъ истребляла. Складывали ихъ огромными кучами и жгли на берегу рѣки или въ полѣ, за заставами...“

Разсказъ мѣщанина Петра Кондратьева.

„Отецъ мой былъ казанскій уроженецъ и я любилъ свою сторонку, да пришлось ему переселиться въ Москву, волей-не-

волей. Мы жили съ нимъ во время француза у моего двоюроднаго брата, у купца Шемякина, около Петровскаго монастыря. Я тогда былъ по шестнадцатому году.

Какъ прошли слухи о Бонапартѣ, что онъ на насъ идетъ, всѣ куражились и посмѣивались да обѣщались непріятелей шапками закидать. Картинки тоже разныя выходили,—народу для потѣхи, и послѣ француза ихъ много было. Одну я и теперь помню: нарисованы два молодца, ратникъ Гвоздило, да Иванъ Молотило. Подымаютъ они Француза на вилу и приговариваютъ: „легче ржаного снопа“: Опять же генералъ-губернаторъ всѣхъ ободрялъ, что не сдадутъ, молъ, Москвы,—бояться нечего.

Да не долго покуражились. Какъ стали послѣ Бородинскаго дѣла привозить сюда раненыхъ и начали поговаривать, что непріятель идетъ прямо на Москву, такъ догадались, что шутката плоха, и стали всѣ собираться въ путь. Кабы загодя хватились, такъ совсѣмъ не то бы было; а какъ всѣ-то вдругъ поднялись, приступа ни къ чему нѣтъ: которая лошадь стоитъ сто рублей, давай за нее триста. За дрянную телѣгу до пятидесяти рублей платили. Что добра-то погибло даромъ, да и народу не мало погибло. Было бы знато впередъ, такъ лысаго бѣса, кажется, въ Москвѣ бы не осталось. Нечто кому любо было свое доброе на разграбленіе отдавать и французамъ прислуживать. Сильно тогда всѣ серчали на графа Растопчина.

Въ послѣдніе-то дни, передъ тѣмъ какъ имъ придти,—страсть что на улицахъ закипѣло. Иной разъ куда пойдешь, такъ не продерешься сквозь толпу: тутъ и пѣшіе, и экипажи, и телѣги доверху навьюченныя. А около заставъ—просто свѣта преставленіе! Вывозили тоже все казенное добро; и изъ присутственныхъ мѣстъ все вывозили. Казенное приказано было впередъ пропускать, а прочіе-то иные ждали часовъ по пяти, чтобы дошелъ до нихъ чередъ.

Сперва-то народъ ропталъ, что господа выѣзжаютъ, а его выдаютъ безъ защиты непріятелю. Которыя барыни выбирались,—Богъ съ ними, потому—женское дѣло, бѣдѣ-то не помогутъ, да еще, пожалуй, себя на поруганіе нехристямъ отдадутъ, а мужчинамъ не слѣдъ бѣжать. Такъ-то въ народѣ поговаривали. Начальство даже боялось, какъ бы отъ своихъ какихъ бѣдъ не произошло. Иные дворяне отъ страха наряжались въ женское

платье, а бакенбарды подвязывали, будто зубы болятъ *) да такъ и выѣзжали изъ города. А ужъ тутъ, какъ очень-то опустѣла Москва, сталъ и народъ изъ ней выбираться, потому одинъ и въ полѣ не воинъ. Только тѣ остались, кому некуда было идти.

Пришлось и мнѣ съ отцомъ здѣсь оставаться. А Шемякинъ забралъ, что у него было,—денегъ да вещей цѣнныхъ, и уѣхалъ со своимъ семействомъ. Онъ экипажами торговалъ, и много каретъ и колясокъ оставилъ въ своихъ сараяхъ. Заведеніе у него было большое. Заготовленную провизію въ погребахъ предоставилъ онъ въ нашу пользу.

Какъ проводили мы нашихъ хозяевъ, говоритъ мнѣ отецъ:—„Соберемъ-ка и наше добро, Петруша, да припрячемъ его". И рѣшили мы разобрать крыльцо и подъ него все попрятать. Такъ и сдѣлали, и все наше добро уцѣлѣло.

Перваго сентября наша армія черезъ Москву проходила. Всѣ разспрашивали солдатъ: кто говорилъ, что французъ идетъ, а кто говорилъ, что придутъ къ намъ на помощь англичане да шведы. На другой же день пробѣжало мимо насъ нѣсколько человѣкъ и кричатъ: „Идутъ!"—Пошли и мы посмотрѣть. Отецъ говоритъ:—„Сейчасъ узнаемъ, кто наши злодѣи". Смотримъ: они валятъ въ разныхъ мундирахъ по Страстному бульвару. Народу сбѣжалось человѣкъ двѣсти и смотрятъ на нихъ. Вдругъ нѣсколько солдатъ бросились на нашихъ и давай ихъ обыскивать. Женщины подняли крикъ: съ нихъ стаскивали платки и салопчики, съ мужчинъ—платья и сапоги,—обобрали человѣкъ двадцать. Толпа мигомъ разбѣжалась; ушли и мы.

Я черезъ силу добрелъ домой: со страха ли, съ чего ли

*) Истина этихъ подробностей не подлежитъ сомнѣнію. Анна Петровна Юшкова (впослѣдствіи г-жа Зонтагъ), которой было тогда лѣтъ около тридцати, собиралась оставить Москву съ младшею сестрой и одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, который воспитывался у Юшковыхъ. Одинъ изъ ихъ родственниковъ вызвался ѣхать съ ними и надѣлъ для безопасности женское платье, шляпку и шаль, которою прикрывалъ гладко выбритый подбородокъ. Путешественники сѣли въ дорожную коляску и выѣхали благополучно за заставу. Но тутъ они встрѣтили толпу ратниковъ, которые ихъ остановили.—„Куда ѣдете?"— спросилъ одинъ — „Къ себѣ въ имѣніе",—отвѣчала Анна Петровна. „Такъ ужъ, видно, всѣ Москву покидаютъ",—заговорили въ толпѣ, „видно, не жаль выдать ее врагу на разграбленіе"... „Добрые люди",—отвѣчала Анна Петровна,—„вѣдь вы видите, мы женщины, да ребенокъ съ нами, мы помощи никакой принести не можемъ".—„Да васъ-то мы не держимъ, а этихъ намъ оставьте". Они указали на кучера и на лакея.—„Какъ же вамъ кучера отдать? Кто же на козла сядетъ?"—„А намъ что за дѣло! Хоть сама полѣзай! Мы этихъ молодцовъ не отпустимъ",—и всѣ обступили коляску.—„Пошелъ!"—крикнула Анна Петровна.—Кучеръ ударилъ по лошадямъ—добрая четверня двинулась, толпа разступилась, и коляска помчалась по мостовой.

другого, а словно я весь ослабѣлъ. Лежала у насъ перина на полу,—я на нее повалился и заснулъ. Вдругъ слышу,—хлопнула дверь, и загремѣли саблями и шпорами. Такъ и замерло во мнѣ сердце: открылъ я глаза, лежу—не шелохнусь, и вижу,—входятъ двое и что-то по-своему лепечутъ. Комнату осмотрѣли, а въ комнатѣ, кромѣ стульевъ да пустыхъ столовъ, нѣтъ ничего, да иконы безъ ризъ. Висѣли только въ углу стѣнные часы въ мѣдной оправѣ. Молодцы ихъ сейчасъ сняли со стѣны, вынули свои сабли, обобрали мѣдь и ушли.

Мы заперли ворота и легли спать. Еще съ вечеру занялся пожаръ, да мы сначала-то не испугались: мало ли мы пожаровъ видали! И въ голову почти не приходило, что онъ всю почти Москву охватилъ. А какъ проснулись на разсвѣтѣ, такъ всплеснули руками, видимъ,—огонь ужъ очень разгулялся. Горько намъ стало: и враги пришли на Москву горемычную, и пожаръ ее истребляетъ. Неужели совсѣмъ отъ насъ Господь отступился?

Сидимъ это мы съ отцомъ и горюемъ. Стучатся: дѣлать нечего,—отперли. Пришли къ намъ трое, одинъ весь въ орденахъ, видно, командиръ, и прямо пошли они къ каретному сараю. Это они, вѣрно, видѣли, что на вывѣскѣ экипажи нарисованы. И сарай мы имъ отперли. Они осмотрѣли экипажи и выбрали карету, только дышла не было къ ней еще придѣлано. А командиръ по-русски говорилъ и спрашиваетъ, можно ли ему въ исправность карету привести? Лежало тутъ старое дышло: я его сейчасъ обстрогалъ, гдѣ слѣдовало, и придѣлалъ къ каретѣ. Командиръ и говоритъ отцу:—„Я за ней пришлю, а ты, старикъ, не горюй, что я ее беру,—не я бы взялъ, такъ огонь бы взялъ. Вишь, что вы затѣяли! Своего добра, видно, не жалѣете! А чтобы наши солдаты васъ не безпокоили, я велю прибить записку къ воротамъ!“ А меня онъ потрепалъ по плечу, вынулъ кошелекъ и далъ мнѣ талеръ.—„На, говоритъ, хлопецъ“.

Какъ они ушли, отецъ говоритъ:—„Это, говоритъ, полякъ, потому у нихъ такой обычай: все хлопецъ, да хлопецъ.“

Черезъ часикъ этакъ, не больше, молодцы, что съ нимъ приходили, привели лошадей и увезли карету, а къ воротамъ прибили большую бумагу исписанную.

Остались мы одни съ отцомъ, и страхъ насъ пробралъ: заглянешь на улицу,—все пусто, хоть шаромъ покати, а пожаръ все разгорается да разгорается. На другой день слышимъ—

Вступленіе французовъ въ Москву.
Съ современной гравюры.

Русскіе въ разграбленной Москвѣ.
Съ наброска французскаго офицера.

крикъ и въ ворота стучатся. Побѣжали мы отпирать, и повалили къ намъ на дворъ человѣкъ двѣсти. Ничего они намъ не сказали, а прямо вошли и поселились у насъ,—которые въ домѣ, которые въ сараяхъ. А насъ они не стѣсняли: мы въ своей комнаткѣ и остались.

Живутъ у насъ денька два, либо три,—какъ сталъ пожаръ къ намъ приближаться. За нашимъ домомъ все горѣло. Отецъ говоритъ:—„Уйдемъ, Пструша, здѣсь нельзя оставаться".

Жилъ на Самотекѣ его землякъ, Иванъ Васильевичъ Баулинъ, и думалъ отецъ къ нему пробраться. Ушли мы съ пустыми руками, только я сунулъ свой талеръ въ карманъ. Лишь мы за ворота, —нагряпули на насъ два непріятельскихъ солдата. Одинъ меня мигомъ обыскалъ и отнялъ у меня талеръ. Другой хотѣлъ сапоги съ отца стащить. Отецъ, было, за нихъ заступился,—злодѣй и замахнулся на него саблей. Бросился отецъ на колѣни и поднялъ руки кверху, сталъ и я за него молить. Тогда солдатъ, что меня обшарилъ, схватилъ за руку товарища, сказалъ ему что-то и махнулъ намъ рукой, чтобы мы шли. Какъ добрались мы до переулка, что за Каретнымъ рядомъ, насъ словно варомъ обдало: кипитъ адъ кромѣшный. Слѣва горитъ Каретный рядъ, а справа фабрика Карташева. Надвинули мы шапки на головы да прикрыли лицо руками, чтобы глазъ не спалило, и идемъ. Отъ дыма да отъ жары духъ у насъ захватывало. Предъ нами, шагахъ въ двадцати, шла женщина; вдругъ она зашаталась и упала, что снопъ, на землю: видно, у нея отъ дыма въ глазахъ помутилось. Не успѣли мы къ ней подойти,—ужъ ее головни засыпали, а мы побрели дальше и молитвы про себя творимъ.

Пришли на Самотеку, прямо къ Ивану Васильевичу. Обрадовался онъ намъ:—„Милости просимъ, говоритъ, да тѣсненько вамъ у меня будетъ; мой домишко пока уцѣлѣлъ, да вѣдь у меня семейство; живемъ не широко, а какъ есть въ свиномъ хлѣву,—ну, и васъ какъ-нибудь пріютимъ". Отецъ говоритъ:—„Спасибо, землякъ, а утруждать мы васъ не хотимъ: будемъ ночевать у тебя въ саду,—благо, погода стоитъ красная. Такое времячко пришло, что не до жиру, а быть бы живу".—„Ладно, говоритъ Баулинъ, у меня въ саду ужъ и такъ гостей не мало,—человѣкъ двадцать будетъ, тоже скитальцы безпріютные".

Въ саду мы спали всѣ въ повалку на сырой землѣ. Съ утра разойдемся, бывало, за съѣстными запасами. Въ то время

Свѣтлѣйшій князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ.

Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ.

Николай Михайловичъ Бороздинъ.

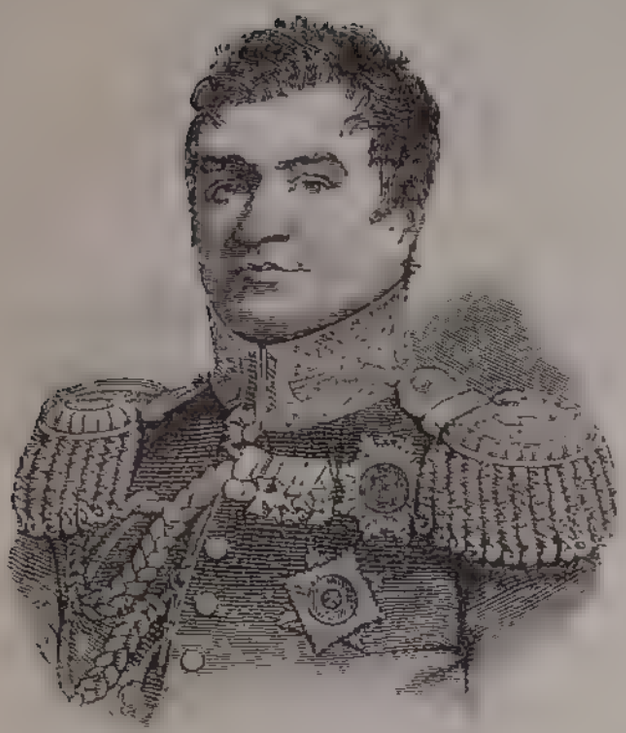
Герои 1812-го года.

не разбирали, что твое, что мое, а кому что Богъ пошлетъ, значитъ, на всю братію. Въ огородахъ ли капустки, либо картофеля достанемъ, въ сосѣднихъ ли погребахъ чего,—жена Баулина приготовитъ, вотъ мы и сыты.

Прожили мы у него денька три. Тѣмъ временемъ въ этой сторонѣ пожаръ затихъ, и пошли мы съ отцомъ поглядѣть, что у насъ дѣлается. Приходимъ,—все кругомъ обгорѣло, а домъ нашъ цѣлъ. Перекрестились мы: слава Тебѣ, Господи! Входимъ во дворъ, пустъ, и покои обошли,—вездѣ пусто. Знать, наши гости тоже пожара испугались, да убрались, по добру по здорову. На другой день глядимъ,—опять пожаловали. Смѣются и съ нами раскланялись, точно мы вѣкъ вмѣстѣ свѣковали. И мы имъ обрадовались: обижать они насъ не обижали, и мы за ними покойно жили, потому—гдѣ были начальники,—солдаты шалить не смѣли.

Какъ вернулись они къ намъ, отецъ и говоритъ: „Приглашу я, говоритъ, Баулина, чтобъ онъ къ намъ со своими перешелъ. Онъ насъ пріютилъ, а теперь мы его: долгъ платежомъ красенъ. Живетъ онъ одинъ, и всякій его обидѣть можетъ, а насъ никто не тронетъ". Пошелъ онъ къ Баулину и привелъ его къ намъ со всѣмъ семействомъ. Да еще привелъ онъ старушку, свою землячку. Скиталась ли она безъ пристанища, да онъ ее встрѣтилъ, или изъ дома ее взялъ,—ужъ того я не припомню.

Наши французы, что ни день, ходили на добычу и приносили разныхъ вещей и съѣстного принесли. А нашихъ запасовъ они не видали, потому—много было у насъ погребовъ, и мы свое добро припрятали. Около нашей комнатки была кухня, и мы, бывало, затопимъ печь рапехонько по утру и приготовимъ себѣ поѣсть дня на два, либо на три. А гдѣ французы готовили себѣ обѣдъ, я не помню, или, можетъ, они готовые запасы приносили. Сначала-то имъ всего было вволю, и даже насъ, бывало, угощали,—а тамъ ужъ и сами нуждаться стали. Увидятъ, что ѣдимъ,—отымутъ: вѣдь голодъ-то не тетка. Помню я, разъ отецъ ѣлъ яйцо крутое, такъ, чтобъ они не видали. Вдругъ приходитъ французъ и приступаетъ:—„Дай яйцо". Кое-что они выучились по-русски-то лепетать, все съѣстное называть умѣли: хлѣбъ, масло, вино, яйца, вода—все знали, а ужъ мы привыкли и понимали. Отецъ говоритъ:—„Нѣтъ у меня яицъ, мусье. Откуда я про тебя возьму?"—Французъ подвелъ его въ



Александръ Дмитріевичъ
Балашовъ.

Графъ Леонтій Леонтьевичъ
Беннингсенъ.

Карлъ Ѳедоровичъ Багговутъ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Герои 1812-го года.

уголъ и показываетъ ему скорлупы: это, молъ, что? Какъ отецъ ѣлъ, такъ ихъ побросалъ. Уличилъ его мусье, дѣлать нечего,—принесли мы ему пятокъ яицъ.

Шутники такіе были! Принесли они разъ боченокъ спирта, налили въ стаканъ и отца угощаютъ, а сами переглядываются. Отецъ поднесъ къ губамъ и не сталъ пить:—„Это, говоритъ, не добре!“ Расхохотались они, что русскій-то догадался.

А ужъ подъ конецъ очень они пріуныли: и запасовъ-то самая малость осталась въ городѣ, да и холода настали. Угрюмые такіе ходятъ,—и станутъ, бывало, бранить Бонапарта. Изъ ихъ разговора-то мы это понимаемъ, что они ругаются и все его поминаютъ.

До самой послѣдней минуты, какъ имъ изъ Москвы выходить, они у насъ оставались. А ушли они,—собрались вдругъ—и намъ ничего не сказали. Видимъ мы только, что они все увязываютъ и укладываютъ,—и были таковы. Тутъ глядимъ,—черезъ полчаспка, не больше, одинъ вернулся за кулемъ муки, что они же принесли. А я схватилъ куль, ему не отдаю. Онъ, было, на меня, да я его пихнулъ, и онъ упалъ. Всталъ и ушелъ,—хорошо, что за умъ взялся, я бъ ему этого куля ни за что не выдалъ. Будетъ и того, что они насъ пять недѣль слишкомъ грабили: сколько тогда нашихъ по міру скитались, да голодъ терпѣли.

А вѣдь и имъ не пошло въ прокъ наше добро. Мы не видали, какъ они отъ насъ уходили, а которые видѣли, такъ сказывали, что другой нищій не въ такой крайности. А богатство, что они изъ церквей вывезли да изъ домовъ, все на дорогѣ побросали. И самъ-то Бонапартъ, я чай, не радъ былъ своей прыти: сидѣлъ бы дома, такъ вѣрнѣй бы было.“

X. Наполеонъ въ Москвѣ.

Наполеонъ переночевалъ въ Ямской слободѣ и все утро 3 сентября тщетно прождалъ депутаціи отъ города. Крайне раздраженный тѣмъ, что ничего подобнаго не было, Наполеонъ въ 11-мъ часу дня въѣхалъ въ городъ. Онъ былъ въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной черной шляпѣ, безъ всякихъ знаковъ отличія, и ѣхалъ на небольшой, но чудной арабской лошади, въ сопровожденіи своей свиты...

Плющиха была пуста, словно вымершая. При приближеніи къ Арбату, въ воздухѣ стала чувствоваться гарь. Издали были видны клубы дыма и снопы искръ по обѣимъ сторонамъ Арбата.

Очевидцы разсказываютъ, что Наполеонъ ѣхалъ въ глубокой задумчивости, съ блѣднымъ, мрачно нахмуреннымъ видомъ, не разговаривая ни съ кѣмъ изъ своихъ приближенныхъ...

Когда онъ въѣхалъ въ Кремль, то сошелъ съ лошади, оглянулся вокругъ себя и сказалъ:

— Наконецъ-то!.. Вотъ онѣ, эти гордыя стѣны Московскаго Кремля!..

Встрѣченный своей вѣрной гвардіей и начальникомъ ихъ, Мортье,—Наполеонъ, вмѣстѣ со своей свитой, вступилъ во дворецъ, гдѣ уже все было готово къ его пріему...

XI. Пожаръ разгорается.

А пожаръ все разгорался и разгорался. Вспыхнулъ огонь въ Гостиномъ дворѣ, потомъ въ Каретномъ ряду... Тушить огня было некому, да никто и не думалъ о томъ, чтобы прекращать огонь. А деревянныя постройки одна за другой вспыхивали, какъ бумага, и сразу обхватывались чудовищнымъ костромъ и удушливымъ дымомъ.

Пожаръ Московскій!.. Почему начался онъ? Кто повиненъ въ немъ?.. Въ то время и уже гораздо послѣ русскіе были твердо убѣждены, что французы, въ досадѣ на свои неудачи, подобно дикимъ завоевателямъ, въ отместку своимъ противникамъ, вымещали свою злобу и досаду на оставленномъ городѣ. Французы, со своей стороны, всю вину въ пожарѣ Москвы сваливали на самихъ же русскихъ, тѣмъ самымъ упрекая ихъ въ дикости, т.-е. въ томъ, что они держались того мнѣнія: „лучше не доставайся никому,—ни себѣ, ни людямъ!..“ И что будто бы русскіе хотѣли унизить Наполеона передъ лицомъ всего міра, выставляя его, какъ варвара, уничтожающаго до основанія городъ, который имъ завоеванъ!..

Для Наполеона обвиненіе его въ поджогѣ Москвы было позорно и унизительно передъ всѣмъ свѣтомъ. Онъ, мечтавшій

обладать всѣмъ міромъ и говорившій о своемъ желаніи быть отцомъ и покровителемъ всѣхъ покоренныхъ народовъ,—онъ вдругъ унижаетъ себя такой мелочностью, какъ разрушеніе покинутаго гарнизономъ и жителями города!.. На это способны дикари, варвары!..

Тогда же, во время самаго пожара, французами были схвачены нѣсколько десятковъ московскихъ жителей; надъ ними совершили судъ, который обвинилъ ихъ въ поджигательствѣ Москвы; и всѣ эти несчастные были разстрѣляны, какъ преступники. Всѣ французскіе историки настойчиво обвиняютъ въ поджигательствѣ русскихъ...

Но всякое историческое описаніе событій только тогда и хорошо, когда оно совершенно правдиво описываетъ тѣ или иныя событія. И поэтому надо оставить въ сторонѣ личную досаду и злобу французовъ на русскихъ—и русскихъ на французовъ, а разобрать, какъ произошло все это на самомъ дѣлѣ...

А произошло это очень просто, большею частью, само собой...

Надо помнить, что въ то время большинство московскихъ построекъ были деревянныя, легко воспламеняющіяся, и постройки примыкали тѣсно одна къ другой.

Малѣйшая искра, оброненная кѣмъ-нибудь; одинъ разведенный, не потушенный во-время костеръ—могли создать пожаръ какого-нибудь деревяннаго строенія. Благодаря скученности построекъ того времени, пламя свободно могло перекидываться съ одной постройки на другую, предоставленное самому себѣ и не прекращаемое никакими мѣрами извнѣ... Кому была надобность тушить пожаръ?.. Кому была охота?.. Хозяева этихъ строеній выѣхали изъ Москвы, и поселились въ нихъ совершенно чуждые люди, которые смотрѣли на свое поселеніе, какъ на временное, бивуачное.

Хозяину дорого свое добро, свой домъ; онъ бережетъ его, смотритъ за домомъ, чтобы осторожно обращались съ огнемъ; такъ же относится къ своему имуществу и его сосѣдъ, и сосѣдъ этого сосѣда и т. д.

Теперь являются французы, которые занимаютъ себѣ первые попавшіеся дома, и если слѣдующій домъ нравится имъ больше, они свободно переходятъ и туда... Какое имъ дѣло можетъ быть до чужого дома? Цѣлъ онъ, существуетъ ли онъ, или нѣтъ?..

Простая случайность, въ родѣ небрежнаго обращенія съ огнемъ, могла начать пожаръ, который тушить никому не было охоты, даже тому, кто только что поселился въ немъ. А со стороны—смѣшно было бы ожидать посторонней помощи!.. И пламя съ минуты на минуту становилось все болѣе властнымъ и страшнымъ; костеръ разгорался все больше и больше... А прекратить его—никому и въ голову не приходило, потому что это было нѣчто „чуждое", никому не дорогое и не милое!.. Пожаръ разгорался и захватывалъ своимъ пламенемъ сосѣднія постройки, которыя тоже стояли опротѣлыя, непмѣющія своего хозяина...

Въ старое время, въ „деревянной Москвѣ" грандіозные пожары, уничтожавшіе сотни и тысячи домовъ, бывали нерѣдкостью, потому что невѣроятно трудно остановить пожаръ тамъ, гдѣ деревянныя постройки скучены вмѣстѣ, тѣсно примыкая одна къ другой. И такіе пожары бывали, когда хозяева горѣвшихъ домовъ всѣ силы употребляли на то, чтобы затушить пожаръ въ самомъ началѣ. А ужъ когда на начавшійся пожаръ махнули рукой,—то странно и мудрено ожидать, чтобы онъ не разросся въ цѣлое море всепожирающаго пламени, какъ оно и было въ 1812 году!..

Былъ сильный вѣтеръ, и къ ночи 3-го сентября онъ раздулъ отдѣльные грандіозные костры до того, что они соединились въ одно цѣлое море пламени, съ которымъ совладать могъ только одинъ Богъ, какъ со всякой взбунтовавшейся стихіей!..

Около полуночи вокругъ Кремля колыхались уже цѣлыя стѣны пламени, и весь Кремль охватывали клубы удушливаго дыма, горящія головни и миріады искръ...

Творилось нѣчто страшное, способное смутить своимъ видомъ самое мужественное сердце.

Здѣсь творила свою волю сама стихія!..

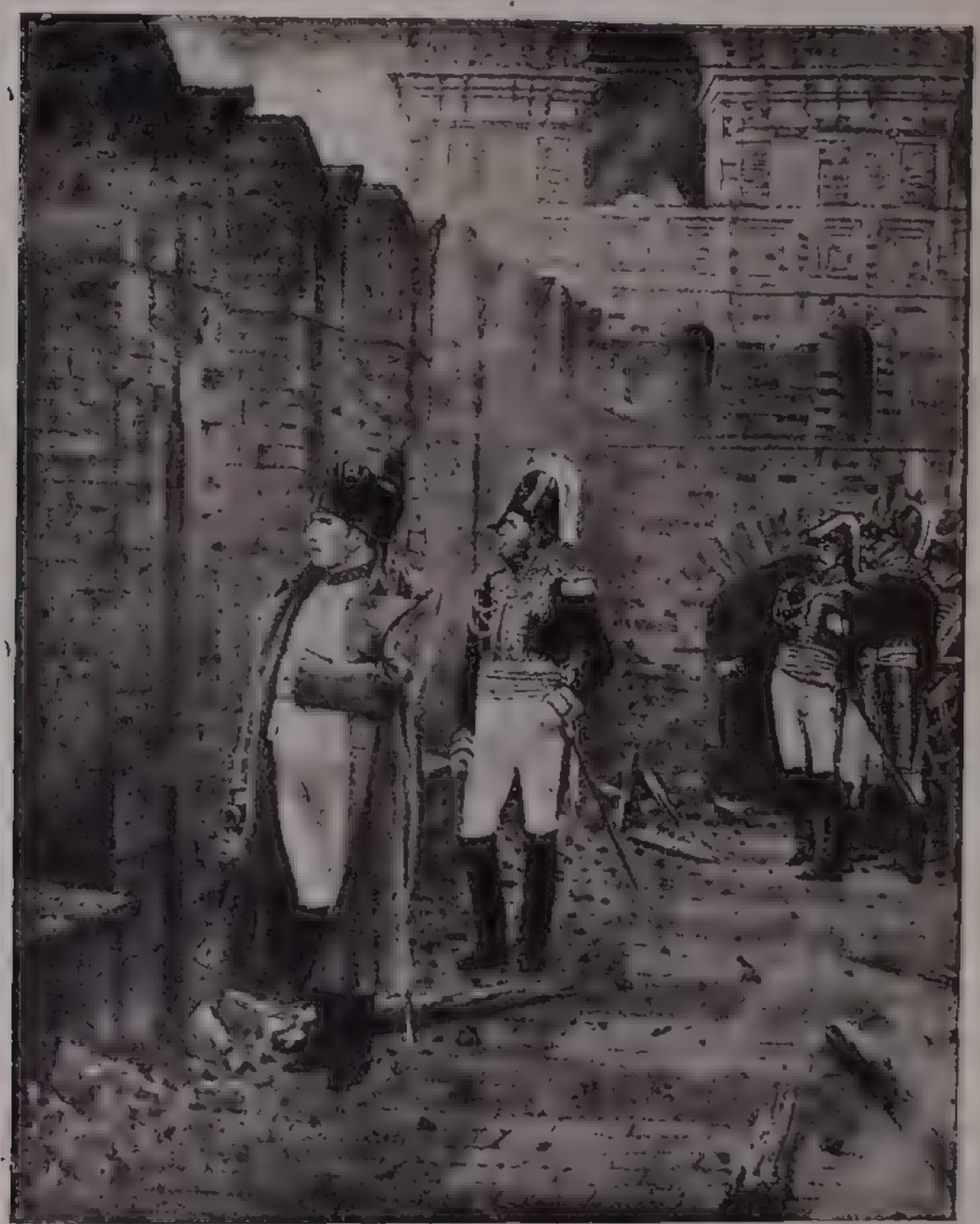
Сильный, рѣзкій вѣтеръ раздувалъ гигантское море огня, и въ ночь съ 3-го сентября на 4-е пожаръ дошелъ до высшей степени...

Наполеонъ, находясь въ центрѣ грандіознаго пожара, не могъ забыться сномъ въ эту ночь. Онъ нѣсколько разъ выходилъ на балконъ...

— Москвы больше нѣтъ!..—сказалъ онъ при этомъ.—Рус-

скіе сами сожгли ее. Какая рѣшительность!.. Что это за люди!.. Это—дикари, скиѳы!..

Онъ не могъ выстоять на балконѣ отъ страшнаго жара и удушливаго дыма. Въ окнахъ отъ жары лопались стекла; головни и искры стали перелетать въ Кремль, такъ что зданіе арсенала загоралось нѣсколько разъ. Такъ какъ въ Кремлѣ



были патронные ящики артиллеріи, то стали опасаться взрыва. Приближенные Наполеона долгое время тщетно упрашивали его выѣхать изъ Кремля, но Наполеонъ рѣшительно отказывался отъ этого. Наконецъ, любимецъ Наполеона, Бертье, поднявшійся на кремлевскія стѣны осмотрѣть пожаръ, вернулся съ

извѣстіемъ, что если теперь же не выѣхать изъ Кремля,—то всѣмъ имъ угрожаетъ опасность сгорѣть заживо.

— Ваше величество,—добавилъ онъ при этомъ,—если Кутузовъ отважится атаковать наши войска подъ Москвой, — ваше величество будете отрѣзаны отъ арміи огнемъ...

Это подѣйствовало на Наполеона, и онъ согласился выѣхать изъ Кремля.

Въ два часа дня онъ выѣхалъ изъ Кремля, оставивъ часть гвардіи для охраны его.

По Тверской ѣхать было невозможно, такъ какъ вдоль по обѣимъ сторонамъ улицы расплывалось море пламени. Съ трескомъ обрушивались стѣны, обваливались крыши домовъ, и головни, раскаленные листы желѣза носились въ воздухѣ, падая и загромождая улицу... Съ большимъ трудомъ лавируя между языками пламени и грудой наваленными на улицахъ дымящимися балками,—Наполеонъ, со своей свитой, добрался до Арбатской площади, а оттуда въ Дорогомилово; изъ Дорогомилова направился вверхъ по Москвѣ-рѣкѣ, мимо Ваганькова кладбища къ Петровскому дворцу...

XII. Грабежи въ Москвѣ.

Наполеонъ, перебравшись въ Петровскій дворецъ, жилъ въ немъ четыря дня.

Вѣсть о томъ, что императора въ Москвѣ нѣтъ,—пагубно подѣйствовала на французскихъ солдатъ, наводнившихъ Москву...

Какъ мы уже говорили выше, дисциплина во французской арміи нарушилась съ того момента, какъ войска вступили въ Москву, и какъ только сами начальники арміи своими дѣйствіями показали примѣръ солдатамъ.

Присутствіе императора Наполеона въ Кремлѣ на первыхъ порахъ все-таки нѣсколько стѣсняло и сдерживало всѣхъ... Но когда императоръ выѣхалъ, со всей свитой, изъ Кремля,—всѣмъ сразу стало какъ-то свободно и легко: каждый отбросилъ въ сторону сознаніе своей отвѣтственности за все, что бы онъ ни сдѣлалъ, и всецѣло отдался разнузданнымъ страстямъ...

Наполеонъ прожилъ въ Петровскомъ дворцѣ четыре дня,

и за это время Москва была отдана на полное разграбленіе и униженіе, какъ это бывало въ глубокую старину, когда побѣдителямъ предводитель ихъ отдавалъ завоеванный городъ въ полную власть...

7 сентября Наполеонъ вернулся въ Кремль. Пожаръ уже утихалъ, потому что и четверти Москвы уже не оставалось.

Былъ ненастный, холодный день; Наполеонъ проѣзжалъ пожарищемъ, въ грязи котораго были расположены бивачные костры, разложенные изъ мебели, иконъ, окопныхъ рамъ и досокъ. Вокругъ костровъ на разставленныхъ диванахъ, въ креслахъ, а то и прямо на соломѣ лежали и сидѣли солдаты и офицеры. Тутъ же, рядомъ, ворохами было навалено награбленное добро всякаго рода.

Наполеону по пути попадались его солдаты, нагруженные разной добычей, сами истерзанные, босые. Кое-гдѣ, среди груды всевозможныхъ вещей—толпились солдаты, тутъ же, на мѣстѣ производя торгъ. Тамъ и сямъ, прямо въ грязи, валялись опьянѣвшіе до потери сознанія... Воздухъ былъ смрадный, удушливый, такъ что тяжело было дышать въ этомъ зловоніи.

Наполеонъ поселился снова въ Кремлѣ. Ворота были наглухо заперты изъ опасенія всякаго рода случайностей.

Въ Кремлѣ французы расположились, какъ попало, въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ. Церкви Николы Гостунскаго и Спаса на Бору отвели подъ сѣновалы; въ Сенатѣ и Оружейной Палатѣ назначено было складывать провизію, которую привозили изъ окрестностей особые фуражировочныя команды.

XIII. Толки въ народѣ.

Теперь, когда мы вспоминаемъ о нашествіи на Россію Наполеона и о томъ, какъ встрѣтилъ его и что вообще предпринималъ для этой встрѣчи непріятеля фельдмаршалъ Кутузовъ,—мы видимъ, что послѣдній былъ правъ, что онъ поступалъ такъ, какъ и слѣдовало бы ему поступать.

Но въ то время на все это дѣло смотрѣли иначе. Большинство современниковъ этой тяжелой поры Россіи видѣли

только то, что совершается на ихъ глазахъ, и никакъ не могли вообразить себѣ, что будетъ дальше, впослѣдствіи...

Всѣ видѣли, что французы проникли въ центръ Россіи, что русскіе отступаютъ передъ ними и отдаютъ во власть французовъ русскіе города; что, наконецъ, французы дошли до Москвы и заняли ее, а русскіе опять отступили за Москву.

И большинству казалось, что все дальнѣйшее и будетъ совершаться въ такомъ же духѣ: французы будутъ наступать, а русскіе отдавать имъ шагъ за шагомъ родную землю...

Только очень и очень немногіе, въ томъ числѣ, прежде всѣхъ, самъ фельдмаршалъ Кутузовъ, смотрѣли на это дѣло болѣе ясно и трезво, и по тому, что творилось вокругъ нихъ,—предугадывали то, что будетъ дальше...

Эта разница во взглядахъ происходила оттого, что одни исключительно разбирали положеніе русскихъ, потерянные города, разбитую армію, захваченную Москву и призраки дальнѣйшихъ невзгодъ все въ томъ же духѣ; а другіе, сознавая прекрасно все это, въ то же время глубоко обдумали положеніе непріятеля, его настоящее состояніе и способности къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ...

Въ этой способности Кутузова и очень немногихъ изъ его послѣдователей заключалась главная сила, которая явилась противодѣйствіемъ французской силѣ. Эти взгляды на состояніе русскихъ и французовъ дали возможность взвѣсить преимущество первыхъ и вторыхъ, послѣ чего стало очевиднымъ, что тяжели положеніе русскихъ и было тягостно и мучительно,—то положеніе французовъ было безнадежно плохо...

Большинство, повторяю, не видѣло и не понимало этого, и не хотѣло видѣть и понимать... И въ этомъ повинны только узость и ограниченность взглядовъ современниковъ Кутузова, прозорливость котораго, въ концѣ концовъ, доказала, что онъ былъ правъ...

XIV. Настроеніе въ Петербургѣ.

3-го сентября, послѣ выхода изъ Москвы, русская армія весь день простояла около Панкова и только 4 сентября от-

ступила къ Боровскому перевозу, а главная квартира Кутузова была переведена въ Кулаково.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ пока еще оффиціально ничего не было извѣстно объ оставленіи Москвы; однако, сбивчивые толки объ этомъ распространялись въ обществѣ и волновали всѣхъ...

Наконецъ, 9 сентября прибылъ въ Петербургъ и былъ немедленно представленъ государю посланный съ донесеніемъ Кутузова полковникъ Мишо, который сообщилъ Государю извѣстіе о сдачѣ Москвы и состояніи русской арміи...

Въ своемъ донесеніи Государю, Кутузовъ, между прочимъ, писалъ: „Осмѣливаюсь донести Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того..." и дальше: „надѣюсь принудить непріятеля оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію"...

Когда полковникъ Мишо подробно объяснилъ всѣ дѣйствія Кутузова и необходимость ихъ и сказалъ, что въ арміи всѣ боятся одного,—какъ бы государь, по извѣстному своему мягкосердію, не подписалъ мира съ Наполеономъ. — Александръ твердо сказалъ ему:

— Если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвину всѣ средства моей имперіи!.. Россія даетъ мнѣ болѣе средствъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если судьбою и промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе,—то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить... Провидѣніе испытываетъ насъ,—будемъ надѣяться, что оно насъ не оставитъ!.. Наполеонъ или я... Я или онъ—но вмѣстѣ мы не сможемъ царствовать. Я узналъ его. Онъ болѣе не обманетъ меня!.."

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

XV. Опасенія за Петербургъ.

Какъ это ни странно, но часто бываетъ такъ, что человѣкъ, находящійся въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, вдругъ неожиданно, невѣдомо откуда, — получаетъ необыкновенную рѣшительность, твердость и увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ.

Такъ было и съ императоромъ Александромъ I. Въ самый тяжелый періодъ времени Россіи и торжества Наполеона, Александръ I рѣшительно заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи вести борьбу съ нимъ до конца. Онъ немедленно же увѣдомляетъ объ этомъ Шведскаго принца: „Я и народъ мой рѣшились упорствовать и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели мириться съ Аттилой новѣйшихъ временъ!..“ Александръ посылаетъ посла и въ Лондонъ, чтобы передать тамъ свою крѣпкую рѣшимость: „до тѣхъ поръ не заключать мира, пока не изгоню непріятеля за наши предѣлы!..“

Мюратъ.

Въ то же время немедленно было приступлено къ защитѣ Петербурга отъ нашествія Наполеона...

Путь къ Петербургу защищалъ только небольшой отрядъ Винценгероде, находившійся между Клиномъ и Подсолнечной. И потому государь немедленно распорядился, въ подкрѣпленіе Винценгероде, выслать изъ Тверп рекрутскіе батальоны и созвать новое ополченіе.

Въ самомъ Петербургѣ спѣшно готовились къ тому, чтобы вывезти изъ столицы всѣ казенныя учрежденія, всѣ важ-

Плѣнный казакъ передъ Наполеономъ.

нѣйшія дѣла, казну, учебныя заведенія—въ Ярославль, въ Свеаборгъ и въ Бѣлозерскъ.

Частныя лица тоже стали приготовляться къ выѣзду изъ столицы. Началась всеобщая паника, а у страха—глаза велики! Никто и не подозрѣвалъ, въ какомъ отчаянномъ положеніи находился въ это время самъ Наполеонъ,—а передавали другъ другу всякія небылицы, что-де Наполеонъ въ Твери, либо въ Великихъ Лукахъ; что онъ-де со всею арміей спѣшно подвигается къ Петербургу.

Столько страха, такая тревога и паника въ то время, когда Наполеонъ, сидя въ московскомъ Кремлѣ въ положеніи затравленнаго волка, всѣми силами старался найти хоть малѣйшую возможность заключить, какой угодно, миръ съ Россіей,—лишь бы съ честью возвратиться вспять!..

XVI. Положеніе русской арміи.

По выступленіи изъ Москвы, Кутузовъ отступилъ по Рязанской дорогѣ, будто бы къ Коломнѣ, за рѣку Ока. Это была просто военная хитрость, которая могла бы ввести Наполеона въ обманъ. И хитрость эта удалась совершенно. Кутузову прежде всего надо было скрыть русскую армію отъ вниманія Наполеона, чтобы собраться съ возможно бо́льшими силами и въ то же время выслѣдить, какой планъ дѣйствій будетъ предпринятъ Наполеономъ. Кутузовъ отступилъ по Рязанской дорогѣ, къ Коломнѣ, и послѣ двухъ переходовъ повернулъ на Калужскую дорогу. Въ это время Милорадовичъ, съ арріергардомъ, прикрывалъ это измѣненіе пути, продолжая вводить въ заблужденіе французовъ.

5-го числа русскіе прибыли на Тульскую дорогу и стали подъ Подольскомъ. Отсюда часть арміи двинулась на Можайскую дорогу, обходя непріятеля съ тыла, другая часть—на старую Калужскую дорогу, къ Красной Пахрѣ.

Все это боковое движеніе вокругъ Москвы должно было имѣть важное значеніе. Прежде всего, русская армія прикрывала южныя губерніи, гдѣ было изобиліе продовольствія; затѣмъ русскіе могли угрожать непріятелямъ, при ихъ высту-

Эмблема Бородинскаго боя.

Эмблема Освобожденія Москвы.

ленiи изъ Москвы,—черезъ Можайскъ, Вязьму и Смоленскъ въ третьихъ, удобно было пресѣкать отрядами сообщеніе между французами, и, наконецъ,—въ случаѣ, если бы Наполеонъ началъ отступленіе на Смоленскъ,—Кутузовъ могъ предупредить его по кратчайшей дорогѣ и отрѣзать ему дорогу къ отступленію.

Выиграть время, усилить армію и въ то же время ослабить и изнурить возможно больше французскую армію — это было главное, на что разсчитывалъ Кутузовъ во все время своего бокового обхода Москвы.

XVII. Русскіе открыты.

Мюратъ шелъ за отступавшимъ Милорадовичемъ по Рязанской дорогѣ, вполнѣ увѣренный, что онъ идетъ за всей русской арміей.

Однако, вскорѣ хитрость Кутузова была раскрыта,—и это извѣстіе крайне отревожило Наполеона. Онъ все выжидалъ, оставляя свои войска въ бездѣйствіи.

Съ Рязанской дороги Мюратъ свернулъ къ Подольску и соединился съ Понятовскимъ 13 сентября, и тутъ они узнали, гдѣ стоитъ русская армія.

Увѣдомленный о томъ, Наполеонъ немедленно приказалъ начать тѣснить русскую армію, разсчитывая, что Кутузовъ отступитъ передъ ними. Если же бы Кутузовъ утвердился на позиціи при Красной Пахрѣ, Наполеонъ предполагалъ двинуться на него со всѣми силами изъ Москвы.

Кутузовъ перевелъ армію за рѣку Пахру, которая должна была прикрывать его, укрѣпился здѣсь и въ то же время отправилъ немедленно генералъ-маіора Дорохова съ двухтысячной конницей на Можайскую дорогу,—истреблять транспорты французовъ, шедшіе къ Москвѣ, и отдѣльные отряды.

Дороховъ дѣйствовалъ искусно и осторожно: въ одну недѣлю онъ разбилъ транспортъ, захвативъ въ плѣнъ свыше полуторы тысячи человѣкъ, а когда Наполеонъ двинулъ на него большой отрядъ,—Дороховъ во-время отступилъ, разбивъ на голову два эскадрона гусаръ.

Наши разъѣзды дѣйствовали также и по другимъ дорогамъ—Владимірской, Рязанской, Тульской, Рузской, Тверской и Ярославской, защищая въ то же время край отъ набѣговъ непріятеля. Къ разъѣздамъ примыкали вооруженные, чѣмъ попало, мужики, которыхъ воодушевляло чувство самозащиты и расплаты за все горе, переносимое ими.

Это послѣднее обстоятельство крайне радовало Кутузова: ему было важно, чтобы ко времени начала военныхъ дѣйствій разгорѣлась народная и партизанская война.

XVIII. Тарутинскій лагерь.

Ежедневно наши отряды захватывали въ плѣнъ французовъ по нѣскольку сотъ,—и показанія ихъ подтверждали недавнія предположенія Кутузова, что, вступивъ въ Москву, „непріятель разойдется въ ней, какъ губка въ водѣ". Всѣ плѣнные передавали, какія бѣдствія претерпѣвали въ Москвѣ и въ окрестностяхъ французскія войска; говорили единогласно о несбывшихся надеждахъ и ожиданіяхъ...

Слыша о приближеніи непріятеля, Кутузовъ не рѣшился ожидать его при Красной Пахрѣ, и 15 сентября армія выступила къ Тарутину, а главная квартира заняла деревню Мочу. Насколько новое положеніе арміи было удачно, подтверждается мнѣніемъ прибывшаго изъ Петербурга отъ Государя князя Волконскаго. Въ донесеніи своемъ къ Государю онъ писалъ: „смѣло можно увѣрить, что Наполеону трудно будетъ вырваться изъ Россіи".

Между тѣмъ, Мюратъ нѣсколько разъ приближался къ авангарду настолько, что завязывалось дѣло. И нападавшіе, и оборонявшіеся сражались съ одинаковымъ мужествомъ.

20 сентября армія перешла рѣку Нару и вступила въ Тарутинскій лагерь.

Осмотрѣвъ позицію, Кутузовъ одобрилъ ее и сказалъ съ рѣшимостью:

— Теперь—ни шагу назадъ!..

Мюратъ наступалъ на авангардъ Милорадовича, и между ними происходили жаркія схватки по пути къ Тарутину—въ

Вороновѣ, Спасѣ-Куплѣ, Вильковѣ. Здѣсь Милорадовичъ укрѣпился,—потому что дальше нельзя было подпускать французовъ. Послѣ жаркаго боя при Вильковѣ, Мюратъ остановился въ виду у русскихъ, невдалекѣ отъ Вилькова, но наступательныхъ движеній не предпринималъ. Корпусъ Бессьера занялъ Красную Пахру,—и въ такомъ положеніи стояли русскіе и французы около двухъ недѣль, до 6 октября.

А Наполеонъ и не думалъ двигать главной арміи на Кутузова. Изъ отступленій послѣдняго Наполеонъ предполагалъ, что русскіе не желаютъ продолжать войны, а такъ какъ самъ онъ болѣе всего мечталъ о мирѣ,—то онъ только распредѣлилъ части главной арміи на возможно бо́льшемъ разстояніи, чтобы обезпечить продовольствіе. Вице-король сталъ около Подсолнечной, Ней—въ Богородскѣ, Жюно—въ Можайскѣ, а Даву, вмѣстѣ съ гвардіей, оставался въ Москвѣ.

Тарутинскій лагерь былъ расположенъ на правомъ берегу Нары, впадающей въ Оку подъ Серпуховымъ; ширина ея—20 саженъ, берега крутые. Изъ лагеря были отправлены разъѣзды въ Боровскъ и Верею по Тульской, Каширской и Рязанской дорогамъ.

Тарутинскій лагерь заслонялъ собою южныя губерніи и могъ задержать движеніе непріятелей на Тулу и Калугу.

Если бы Наполеонъ пошелъ на Тулу,—сообщеніе съ Москвой открывалось Кутузову свободное; а въ случаѣ нужды, Кутузовъ могъ ударить во флангъ и въ тылъ французской арміи.

Главная квартира Кутузова была перенесена въ деревню Леташевку, верстъ за пять позади лагеря.

Здѣсь, между прочимъ, слѣдуетъ упомянуть о томъ, какая великая отвѣтственность лежала въ то время на Кутузовѣ. По прибытіи арміи въ Тарутино, Барклай-де-Толли уволился въ отпускъ, и всѣ обязанности по арміи его Кутузовъ принялъ на себя. Кутузовъ долженъ былъ вообще распоряжаться не только войсками, бывшими подъ его начальствомъ, но и отдѣльными арміями, корпусами, ополченіями и губерніями, объявленными на военномъ положеніи. Для помощи себѣ Кутузовъ избралъ дежурнаго генерала Коновницына, на которомъ должны были лежать всѣ военныя дѣла и сношеніе съ войсками, дѣйствовавшими повсемѣстно...

XIX. Новые порядки въ Москвѣ.

Покамѣстъ совершался русской арміей круговой обходъ Москвы и расположеніе ея въ Тарутинѣ; покамѣстъ Мюратъ и Бессьеръ гонялись за русскимъ авангардомъ, разыскивая армію Кутузова.—Наполеонъ, сидя въ Москвѣ въ выжидательномъ настроеніи, приступилъ къ введенію въ Москвѣ новыхъ порядковъ.

Его присутствіе теперь нисколько не стѣсняло солдатъ и мародеровъ предаваться пепстовствамъ и грабежамъ. Впрочемъ, къ этому отчасти побуждалъ ихъ недостатокъ въ продовольствіи, въ обуви и одеждѣ. Разоренная, расхищенная Москва—представляла изъ себя груды пепла и жалкія развалины. Наполеономъ даже былъ установленъ порядокъ, по которому являлись въ Москву по очереди новые отряды мародеровъ изъ тѣхъ солдатъ, которые стояли въ окрестностяхъ Москвы. Это называлось „aller a la maraude“. Продовольствіе выдавали только гвардіи; остальные перебивались, чѣмъ попало. Конина уже тогда вошла во всеобщее употребленіе. Остававшихся въ Москвѣ русскихъ грабили до послѣдняго куска хлѣба, до послѣдней нитки. Даже кладбищъ не оставляли въ покоѣ: французы разрывали могилы, снимали платье съ труповъ, обрубали пальцы, если на нихъ замѣчали золотыя кольца...

Всѣ подобные поступки французовъ возбуждали къ нимъ глубокую ненависть среди москвичей. Послѣдніе нападали нерѣдко французовъ дольяна и пьяныхъ бросали въ колодцы, или живыми зарывали въ землю.

Не разъ Наполеонъ выѣзжалъ изъ Кремля для прогулки по Москвѣ, сопровождаемый генералами и тремя русскими плѣнными.

Только 17 сентября разобрались, наконецъ, во всей этой неурядицѣ и учредили особое управленіе—муниципалитетъ. Назначили комиссаровъ, полицейскихъ приставовъ, у которыхъ были особыя бѣлыя и красныя перевязи. Эти господа должны были водворять и поддерживать порядокъ въ Москвѣ. Начальникомъ надъ ними назначили Лессепса. Но всѣ распоряженія этого новаго начальства французы и въ грошъ не ставили, а охранные листы, выдаваемые французскимъ муниципалитетомъ

монастырямъ и разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, французы разрывали и со смѣхомъ топтали ногами...

Церкви и монастыри были разграблены и частью сожжены; а оставшіяся въ цѣлости—французы отводили подъ конюшни и складочныя мѣста или бойни. Съ иконъ сдирали серебряные оклады, самыя иконы кололи на дрова; наряжались въ церковныя облаченія и разъѣзжали въ нихъ, съ зажженными свѣчами, по городу, издѣваясь надъ религіознымъ чувствомъ москвичей. Священники, въ большинствѣ случаевъ, выѣхали изъ Москвы еще до вступленія въ нее французовъ, и захватили съ собой церковную утварь, а частью зарыли ее въ землю подъ церквами. Только немногіе священники оставались въ Москвѣ и всѣми силами отстаивали церкви отъ поруганія. Одни изъ нихъ были обезчещены, другіе убиты.

Полковой священникъ Граціанскій попалъ въ плѣнъ. Двѣ недѣли спустя по занятіи французами Москвы, онъ испросилъ разрѣшеніе совершать богослуженія. Но французы врывались въ церкви и прерывали службу, глумясь надъ молящимися и священниками. Въ Троицкой церкви одинъ священникъ началъ, было, усовѣщевать двухъ солдатъ, тогда одинъ изъ нихъ сильнымъ ударомъ по лицу свалилъ его съ ногъ...

XX. Жажда мира.

Еще въ самомъ началѣ, по вступленіи въ Москву, Наполеонъ дѣлалъ попытки завязать дипломатическіе переговоры съ Александромъ.

Такъ, онъ переслалъ государю письмо, въ которомъ укорялъ его, что якобы русскіе не соблюдаютъ правилъ войны и сдачи городовъ и поступаютъ, какъ варвары. Всю вину въ пожарѣ и разграбленіи Москвы Наполеонъ сваливалъ на русскихъ. Въ заключеніе Наполеонъ писалъ: „И еслибы до послѣдняго сраженія или вскорѣ послѣ него вы написали бы мнѣ записку, я остановилъ бы армію и охотно пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву. Если Ваше Величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнее расположеніе, то благосклонно прочтите мое письмо...“

Презрительное молчаніе императора Александра I было отвѣтомъ Наполеону. На другой же день по занятіи Тарутина, Кутузовъ получилъ извѣстіе, что Наполеонъ посылаетъ къ нему графа Лористона съ важными порученіями. Кутузовъ пригласилъ его къ себѣ въ главную квартиру. По приказу Кутузова, въ лагерѣ развели костры, стали варить кашу съ мясомъ, пѣли пѣсни,—вообще какъ-будто торжествовали побѣду.

Всѣ чуяли, съ чѣмъ явился посолъ отъ Наполеона, и это ободряло и радовало всѣхъ... Кутузовъ встрѣтилъ посла въ полной парадной формѣ. Лористонъ началъ съ упрековъ въ томъ, что война ведется неправильно: что идетъ какая-то травля французовъ всѣмъ народомъ. Въ заключеніе, онъ началъ говорить о прежней дружбѣ Наполеона и Александра и о томъ, что для заключенія мира между ними—возможность еще не потеряна...

Кутузовъ отвѣтилъ, что народомъ онъ не командуетъ, и вооружаться ему на свою защиту запретить не можетъ. А за дѣйствія арміи онъ ручается. Затѣмъ онъ добавилъ, что перешлетъ государю предложеніе о мирѣ Наполеона, хотя и сомнѣвается въ благопріятномъ исходѣ этого дѣла.

И дѣйствительно, отвѣтъ получился отъ государя отрицательный. Мало того, Государь упрекалъ фельдмаршала за то, что тотъ вступалъ въ какіе бы то ни было переговоры съ Лористономъ.

...„Все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность—отмстить за оскорбленное отечество“...—такъ оканчивался рескриптъ государя на имя главнокомандующаго...

XXI. Партизаны и народъ.

При занятіи Тарутина у Кутузова было въ распоряженіи до 75.000 человѣкъ, и Наполеонъ значительно превосходилъ его силами, такъ какъ армія его превышала 100.000 человѣкъ. Отсюда понятны стремленія Кутузова усилить свою армію и укрѣпить ее возможно большимъ отдыхомъ. А усилить онъ

разсчитывалъ партизанскими отрядами и добровольными ополченіями крестьянъ.

Кутузовъ, прежде всего, отрядилъ партизановъ во всѣ стороны съ тѣмъ, чтобы они перепосылись безпрерывно съ одного мѣста на другое, безпрестанно тревожа и утомляя непріятеля. Отряды были составлены человѣкъ въ 500, и командиръ ихъ дѣйствовалъ сообразно своимъ личнымъ взглядамъ, не связанный никакимъ особымъ порученіемъ, потому что главная цѣль была -нанесеніе возможно большаго вреда непріятелю. Партизаны захватывали фуражировъ и бродягъ-французовъ. команды. цѣлые транспорты, иногда отбивали плѣнныхъ русскихъ, которые усиливали собой ихъ отряды; отнимая оружіе у французовъ, они раздавали его крестьянамъ, гдѣ только ни встрѣчали ихъ.

Русскій народъ поднялся на защиту родной земли съ того момента, какъ только Наполеонъ вступилъ въ наши предѣлы. Постепенно вооружались, чѣмъ попало, и поднимались крестьяне тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя проходилъ Наполеонъ.

Когда русскіе отступили къ Смоленску,—крестьяне, запрятавъ по лѣсамъ и оврагамъ самое цѣнное изъ своего добра,—садились на лошадей, вооружались топорами, вилами, косами и начинали на каждомъ шагу нападать на непріятельскіе отряды и истреблять ихъ.

За ними поднялась вся Смоленская губернія; и такъ это народное возстаніе передавалось отъ одного уѣзда другому, смежному, и затѣмъ охватывало, какъ пожаромъ, цѣлый районъ. Когда Наполеонъ уходилъ изъ захваченной имъ мѣстности дальше, давъ распоряженіе устроить провіантскіе склады, постоянныя квартиры для войскъ и внести порядокъ и спокойствіе, народныя толпы озлобленно истребляли все и мѣшали приводить въ исполненіе распоряженія Наполеона...

Московская губернія поступала точно такъ же. Сначала разогнанные проходившей арміей,—крестьяне соединялись толпами, вооружались рогатинами, вилами, топорами и начинали выслѣживать непріятельскіе отряды, или же присоединялись къ партизанскимъ командамъ.

Въ селахъ и деревняхъ ворота бывали заперты, и около нихъ дежурили караулы. Никого не пропускали, не удостовѣрившись вполнѣ, что это не басурманъ, а свой, русскій.

Небольшія деревни присоединялись къ большимъ селамъ; общее командованіе этимъ ополченіемъ лежало на какомъ-ни-

Выѣздъ Наполеона изъ Москвы черезъ Калужскую заставу.

будь отставномъ солдатѣ или мѣстномъ помѣщикѣ. Если отрядъ французовъ бывалъ невеликъ,—его одолѣвали силой. При приближеніи большого отряда,—французамъ оказывали знаки покорности, предоставляли свои избы для отдыха, а во время сна избивали всѣхъ до единаго.

Перевозъ рекрутовъ, казны, снарядовъ, проводы раненыхъ, обязанности проводниковъ брали на себя деревенскія бабы и дѣти.

Словомъ, наблюдалось всюду удивительное единодушіе, взаимопомощь и полное подчиненіе властямъ. Всюду царилъ какой-то самобытный, естественный порядокъ. Всѣхъ захватило общее дѣло, какъ свое собственное. Кузнецы и слесаря исправляли и дѣлали новое оружіе; портные и сапожники работали одежду и обувь солдатамъ; плотники сооружали телѣги,—и все не цѣнилось ни во-что, а отдавалось даромъ, кому что нужно... Безъ всякаго принужденія, безъ какихъ бы то ни было принудительныхъ мѣръ—всѣ и каждый безропотно исполняли самыя тяжелыя повинности, ополчались за родную землю, безропотно перенося гнѣвъ Божій... Это дало Россіи незамѣнимую силу и мощь во дни самаго тяжелаго для нея испытанія...

XXII. Въ Тарутинѣ.

Почти три недѣли отдыха въ Тарутинскомъ лагерѣ сдѣлали просто чудеса съ русской арміей.

Разрозненныя полковыя части были приведены въ порядокъ и пополнены. Солдатамъ за Бородинское сраженіе роздано по 5 рублей на человѣка; офицерамъ выдано жалованье за треть года. Въ Тарутино приходили резервы; подвозились орудія. Всѣ солдаты были снабжены новыми сапогами, валенками и полушубками.

Три раза въ недѣлю давали солдатамъ вино, а въ холодное время—ежедневно. Со всѣхъ сторонъ привозили плоды, овощи, вино цѣлыми обозами. Многіе купцы, мелкіе торговцы, помѣщики спрашивали у Кутузова,—не надо ли чего для арміи, и немедленно исполняли всякія просьбы. Шалаши и землянки были устроены прочно, снабжены очагами и даже

кампанми. Была устроена баня. По вечерамъ въ лагерѣ раздавались пѣсни, музыка. Все прошлое казалось какимъ-то страшнымъ призракомъ или тяжелымъ сномъ.

Кутузовъ находился въ ореолѣ своего величія. Всѣ смотрѣли на него, какъ на единственнаго человѣка, который уже началъ дѣло спасенія отечества, и отъ котораго всецѣло зависитъ благопріятный исходъ кампаніи. У всѣхъ была какая-то вѣра въ Кутузова, который, какъ говорили тогда, держитъ Наполеона въ Москвѣ, какъ лютаго звѣря.

Но все-таки Кутузовъ не почивалъ на лаврахъ и все время внимательно слѣдилъ за дѣйствіями непріятеля. Для этого много разъѣздовъ круглыя сутки обслѣдовали окрестности Тарутина, обо всемъ донося фельдмаршалу.

— Бонапартъ не придетъ сюда, чтобы разбить себѣ носъ.— говорилъ Кутузовъ.—Ему болѣе важно маневрировать, чѣмъ дать сраженіе... Разбить можетъ меня Наполеонъ, но обмануть никогда!..

Кутузовъ щадилъ армію, потому что ясно видѣлъ исходъ войны: Наполеонъ былъ запертъ, какъ въ клѣткѣ, и участь его арміи была печальная. Мысль Кутузова была—не прибѣгать безъ крайней необходимости къ кровопролитію, такъ какъ это было безполезно.

Но въ первыхъ числахъ октября онъ получилъ повелѣніе отъ Государя не довольствоваться мелкими нападеніями и разбиваніемъ транспортовъ непріятеля, а во что бы то ни стало начать наступательныя дѣйствія.

Въ своемъ рескриптѣ государь сдержанно, но съ явной досадой упрекалъ Кутузова за его медлительную тактику.

XXIII. Послѣднія усилія Наполеона.

Продовольствія у французовъ не было, обуви и одежды—тоже; въ войскахъ дисциплины не существовало, такъ что многіе приказы Наполеона и въ грошъ не ставились: самъ Наполеонъ былъ скорѣе въ осадномъ положеніи, чѣмъ въ качествѣ побѣдителя,—и тѣмъ не менѣе лично Наполеонъ не падалъ духомъ, твердо вѣря въ свою счастливую судьбу, и выказывалъ рѣдкую дѣятельность и энергію. Онъ находилъ время слѣдить за дѣлами

во Франціи, и много декретовъ подписано имъ въ Москвѣ и переслано въ Парижъ. Свѣдѣнія о своемъ положеніи въ Россіи для французовъ Наполеонъ диктовалъ самъ и въ нихъ ложно представлялъ ихъ въ самомъ яркомъ и красивомъ свѣтѣ.

Заботясь объ успленіи арміи, Наполеонъ писалъ и своимъ союзнымъ государствамъ просьбы о присылкѣ новыхъ силъ. Въ то же время онъ употреблялъ всю энергію, чтобы распространять по окрестнымъ селамъ, деревнямъ и мѣстечкамъ свои воззванія къ русскому народу, въ которыхъ онъ призывалъ ихъ въ Москву, объединиться подъ его властью и везти продукты и всякаго рода предметы для торговли, обѣщая покровительство и свою защиту всѣмъ и каждому. Маршалы его подкупали русскихъ, остававшихся въ Москвѣ, чтобы тѣ шли къ своимъ призывать ихъ къ покорности Наполеону, за что всѣмъ были заранѣе обѣщаны всевозможныя милости... Подкупленные уходили съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться назадъ. Русскій народъ оставался глухъ и нѣмъ на всѣ эти предложенія и воззванія...

Наполеонъ ежедневно производилъ разводы гвардіи и смотры въ Кремлѣ, самъ назначалъ караулы; Кремль укрѣпили возможно прочнѣе и на стѣнахъ разставили пушки подъ наблюденіемъ Наполеона. Затѣмъ были устроены два театра въ домѣ Позднякова и въ Кремлѣ, гдѣ давали представленія и концерты...

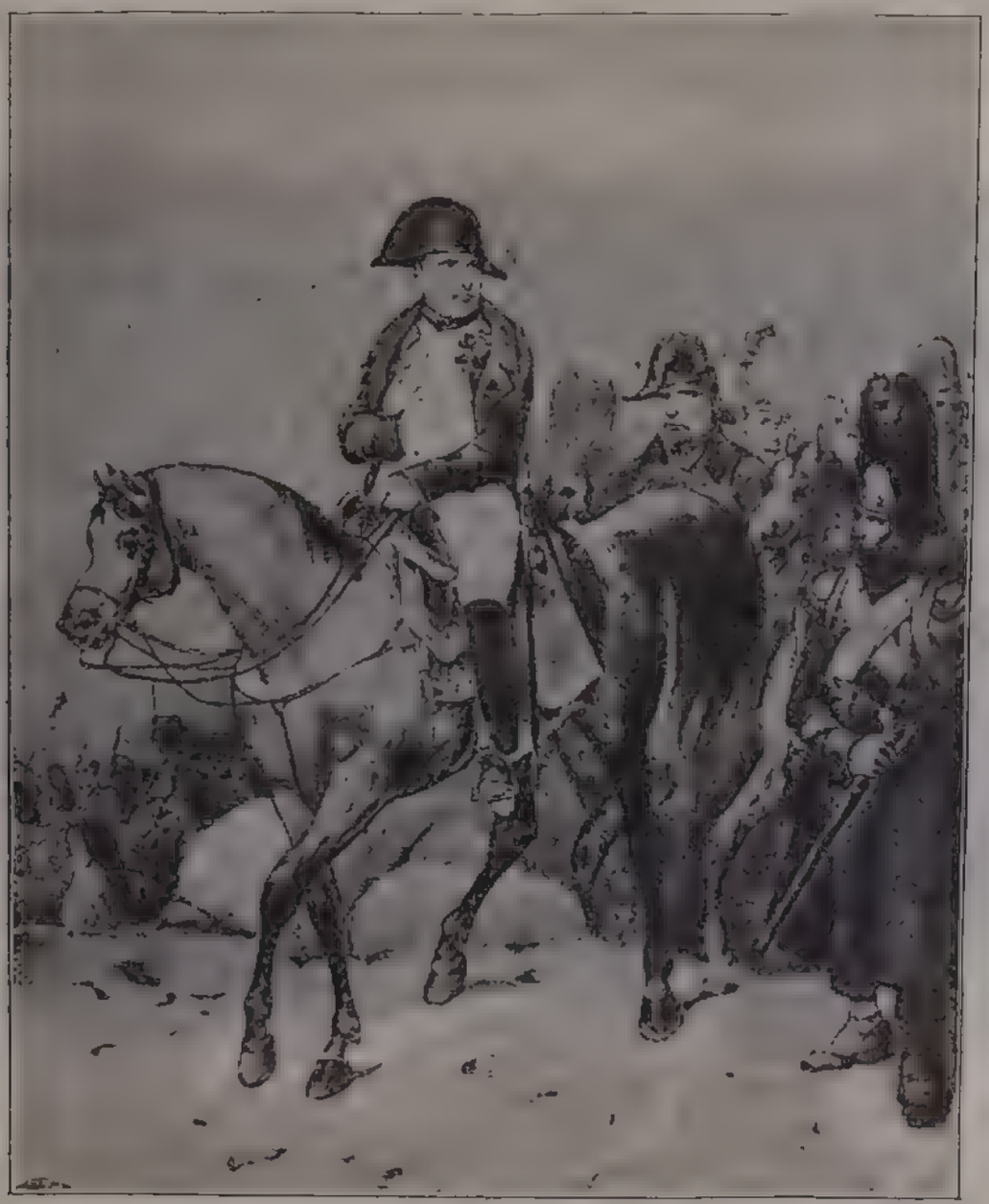
Но все это было не то... Молчаніе Александра I бѣсило Наполеона; тоска бездѣйствія одолѣвала его и въ то же время создавала одинъ планъ ужаснѣе другого для мщенія Россіи, народу и самому императору Александру I.

XXIV. Жалобы Мюрата.

Авангардъ Мюрата переносилъ тяжелыя испытанія. Съ 20 сентября по 6 октября онъ стоялъ на дорогѣ отъ Тарутина къ Москвѣ вдоль Чернишни, имѣя въ виду авангардъ Милорадовича. Безпрестанно съ тылу его тревожили партизанскіе и вооруженные отряды. Отправлявшіеся на фуражировку под-

не обращая вниманія на то, что Вязьма уже была объята пламенемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Разгоряченный битвой, Милорадовичъ отдалъ приказаніе—во что бы то ни стало, выбить непріятеля изъ города,—и наши полки, съ музыкой, барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами, ворвались въ городъ съ нѣсколькихъ сторонъ.



Наполеонъ во время отступленія, впереди арміи.

Французы были выбиты штыками, а засѣвшіе по домамъ и стрѣлявшіе оттуда—частью убиты, частью взяты въ плѣнъ.

Въ 7 часовъ вечера битва подъ Вязьмой была кончена... Французы отступили за рѣку Вязьму, уничтоживъ мостъ, и послѣ небольшой остановки двинулись дальше, на Смоленскъ.

Вяземское сраженіе, честь котораго надо приписать энер-

гіи Милорадовича, оказало большую услугу, вызвавъ сильное разстройство въ Наполеоновской арміи.

Милорадовичъ занялъ Вязьму, гдѣ не уцѣлѣло почти ни одного дома,—и спѣшно сталъ приводить въ порядокъ городъ, разослалъ къ бѣжавшимъ жителямъ приглашеніе вернуться въ городъ; учредилъ временную полицію, назначилъ коменданта и устроилъ плѣнныхъ французовъ на временныхъ квартирахъ...

Во время Вяземскаго сраженія Наполеонъ находился на переходѣ отъ Семлева къ Славкову, гдѣ онъ предположилъ

Добровольная сдача въ плѣнъ.

устроить засаду Кутузову и ожидать его армію, которую разсчитывалъ разбить на голову.

Но, получивъ извѣстіе о пораженіи подъ Вязьмой, онъ отмѣнилъ эти распоряженія и спѣшно продолжалъ отступать къ Смоленску, гдѣ разсчитывалъ остановиться, во что бы то ни стало, на зимнія квартиры...

Послѣ Вязьмы, Кутузовъ распорядился продолжать преслѣдованіе французовъ по пятамъ: по самой Смоленской дорогѣ—Милорадовичу; справа—Платову, а слѣва—Орлову-Денисову. Самъ Кутузовъ, съ главной арміей, шелъ слѣва, чтобы,

на всякій случай, защищать южныя губерніи отъ вторженія туда непріятеля.

А Наполеонъ этимъ временемъ усиленнымъ маршемъ направлялся къ Смоленску, впереди всей арміи. Арріергардомъ распоряжался маршалъ Ней.

Подходя къ Дорогобужу, 26 октября, передовыя части войскъ Милорадовича атаковали непріятеля, который сначала упорно защищался, а потомъ бросился въ городъ. Но русскія войска вытѣснили оттуда французовъ, которые, выходя изъ Дорогобужа, подожгли его.

Отсюда Кутузовъ отозвалъ Милорадовича къ главной арміи, влѣво, но часть войскъ все-таки продолжала преслѣдовать арріергардъ французовъ.

Начались стужи; часто выпадалъ снѣгъ, послѣ котораго ударяли сильные морозы... Русскія войска по дорогѣ встрѣчали

Плѣнные французы, сопровождаемые мужиками.

замерзшихъ и замерзающихъ французовъ на каждомъ шагу; несчастные сидѣли толпами гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ дороги, крѣпко прижимаясь другъ къ другу, чтобы хоть немного отогрѣться. Они сдавались на милость побѣдителей не только безъ всякаго сопротивленія, но съ особенной радостью.

Французы отступали быстро, но часто, изнеможенные тяжелымъ переходомъ, становились на отдыхъ или располагались на ночлегъ. Не успѣвали они отдохнуть,—какъ часовые поднимали тревогу, завидя приближеніе русскихъ войскъ или летучихъ казацкихъ отрядовъ. И тогда тотчасъ же французы строились, какъ могли, въ боевой порядокъ, выдвигали впередъ

артиллерію и открывали огонь. Но послѣ нѣсколькихъ залповъ начиналось быстрое отступленіе, послѣ котораго русскіе находили въ ихъ лагерѣ брошенныя орудія, повозки, раненыхъ и больныхъ.

И такъ шло это безпрерывнымъ рядомъ стычекъ отъ одного селенія до другого, отъ города—до другого... Главная же армія въ это время продолжала подвигаться боковымъ движеніемъ къ Смоленску, и къ 1 ноября Кутузовъ сталъ въ Щелковѣ на одномъ уровнѣ со Смоленскомъ, гдѣ уже въ это время находился Наполеонъ.

VII. Ужасъ въ Смоленскѣ.

Наполеонъ нашелъ въ Смоленскѣ полный разгромъ, очень небольшое количество провіанта и корму для лошадей,—а для приближавшихся частей арміи нечего было и думать предоставить хотя какіе-нибудь припасы. Въ то же время, въ Смоленскѣ, Наполеонъ одновременно получилъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ: Въ Ляховѣ французы, подъ командой Ожеро, сдались; на Вопи вице-король былъ разбитъ на голову; Витебскъ былъ уже захваченъ русскими; корпуса графа Витгенштейна и Чичагова идутъ съ неудержимой силой на французскую армію; и въ то же время—въ Парижѣ произведенъ бунтъ противъ Наполеона, съ цѣлью свергнуть его съ престола и возстановить республику...

Оставаться въ Смоленскѣ было и безполезно, и опасно. Наполеонъ наскоро сформировалъ полки и на третій день послѣ занятія Смоленска выступилъ дальше...

Къ 1 ноября Смоленскъ и окрестности его представляли нѣчто ужасное. Вся дорога была усѣяна трупами людей и лошадей, брошенными орудіями, телѣгами и разнымъ хламомъ. Предмѣстья Смоленска были выжжены; на набережной стояли вереницы фуръ съ запряженными, но издохшими въ упряжи лошадьми и съ замерзшими на козлахъ возницами...

VIII. Бой подъ Краснымъ.

Все дальнѣйшее преслѣдованіе русскими отступающей французской арміи сопровождалось постоянными побѣдами русскихъ.

Первымъ вышелъ изъ Смоленска Наполеонъ; за нимъ долженъ былъ выступить Даву, дождавшись отставшихъ людей, а послѣ него—Ней, которому было поручено сжечь весь Смоленскъ... Русскіе шли боковымъ движеніемъ, обходя Смоленскъ.

Кавалерійскій разъѣздъ.

3 ноября Милорадовичъ замѣтилъ на столбовой дорогѣ армію, которую велъ самъ Наполеонъ,—сталъ обстрѣливать ее изъ орудій, привелъ въ разстройство; но Наполеонъ ушелъ въ Красный,—только задніе колонны были отрѣзаны. Въ Красномъ Наполеонъ остался дожидаться Даву и Нея.

На другой день русскіе замѣтили вице-короля, двигавшагося изъ Смоленска, и искуснымъ переходомъ отрѣзали его отъ Краснаго. Французы приготовились къ бою, который разсѣялъ ихъ, такъ что они уже небольшими партіями стали пробираться проселочными дорогами къ Красному.

Видя, что дорога отъ Смоленска находится подъ прицѣломъ у русскихъ, а самъ Кутузовъ стоитъ наготовѣ верстахъ

Корпусъ маршала Даву, осаждаемый казаками.

въ пяти отъ Краснаго,—Наполеонъ рѣшилъ 5 ноября напасть на нашу главную армію, чтобы этимъ отвлечь вниманіе Милорадовича отъ Смоленской дороги, по которой тогда могли бы свободно пройти Даву и Ней.

Рано утромъ 5 ноября Наполеонъ двинулъ войска на русскихъ. Милорадовичъ въ это время продолжалъ выжидать появленія на дорогѣ корпуса Даву. Пропустивъ его мимо себя, онъ обрушился на его тылъ; Даву двинулся усиленнымъ маршемъ къ Красному, на подкрѣпленіе Наполеону. Наполеонъ рѣшилъ больше не дожидаться Нея и приказалъ отступать...

Свыше 7.000 человѣкъ было взято русскими во время этого дѣла и около 28 орудій.

IX. Корпусъ маршала Нея.

Отступая съ такой поспѣшностью, Наполеонъ отдавалъ въ жертву корпусъ Нея, который, въ качествѣ арріергарда, оставался въ Смоленскѣ до 4 ноября. За нимъ слѣдилъ Платовъ.

Маршалъ Ней.

4-го ноября корпусъ Нея выступилъ изъ Смоленска, а Платовъ двинулся правымъ берегомъ Днѣпра, обходя Смоленскъ. Послѣ выступленія французовъ—Смоленскъ запылалъ костромъ, подожженный ими. Былъ такой сильный туманъ, что на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ ничего нельзя было видѣть. Корпусъ Нея шелъ, ничего не подозрѣвая, когда внезапно совсѣмъ вблизи раздался залпъ орудій... Ней двинулся влѣво—и наткнулся на отрядъ Паскевича, который штыками опрокинулъ французовъ; направо — Ней

встрѣтилъ отрядъ князя Долгорукова. Тогда Ней, собравши весь корпусъ, двинулся напроломъ,—но русскіе не поддавались; наконецъ, прискакалъ офицеръ отъ Милорадовича къ Нею, требуя сдачи. Ней задержалъ офицера, не давъ ему отвѣта. Но онъ видѣлъ безвыходность своего положенія, и почью, пользуясь темнотой, выбралъ 5.000 самыхъ преданныхъ ему людей, пошелъ къ Сырокоренью, на Днѣпрѣ, оставивъ на произволъ судьбы весь остальной корпусъ... У Сырокоренья переправу черезъ Днѣпръ должны были охранять посланныя туда Кутузовымъ войска. Но послѣднія опоздали и это дало возможность Нею перебраться черезъ Днѣпръ. Но тамъ его ждалъ Платовъ, который и гналъ его до Орши, въ концѣ концовъ истребивъ весь его отрядъ...

Брошенный Неемъ корпусъ, въ числѣ 12.000 человѣкъ и 100 офицеровъ, при 27 орудіяхъ, сдался на милость побѣдителя тотчасъ же, какъ только стало извѣстно исчезновеніе маршала Нея...

Разбитіемъ Нея кончились четырехдневныя блестящія побѣды князя Кутузова подъ Краснымъ. Въ награду за это государь указалъ князю Кутузову именоваться Смоленскимъ, Милорадовичу пожаловалъ орденъ св. Георгія 2-го класса, Платову—дано графское достоинство...

Всѣ дальнѣйшія событія, въ общемъ, носили все тотъ же характеръ. Съ одной стороны, постепенное, но неуклонное наступленіе русскихъ войскъ въ полномъ порядкѣ; съ другой стороны—поспѣшное бѣгство остатковъ великой арміи Наполеона, добровольная сдача безъ боя обезсиленныхъ, отчаявшихся въ надеждѣ на спасеніе—цѣлыхъ отрядовъ французовъ. Плѣнныхъ французовъ забирали цѣлыми толпами и скоро перестали вести имъ подробный счетъ, а сдавали прямо на попеченіе крестьянъ, а то даже просто отправляли назадъ безъ всякаго конвоя и прикрытія.

8-го ноября Наполеонъ добрался до Орши и переправился черезъ Днѣпръ по уцѣлѣвшему мосту. Это одна изъ главныхъ причинъ его спасенія, такъ какъ онъ опередилъ на нѣсколько дней прибытіе сюда русской арміи. Отсюда Наполеонъ разослалъ приказанія всѣмъ войскамъ слѣдовать въ Березину, а самъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія марша-

Подъ Краснымъ.

ла Нея. Онъ, началъ, было, приводить въ порядокъ войска,— но это ни привело ни къ чему. Собралъ онъ вокругъ себя только небольшой отрядъ для охраненія своей особы; этотъ отрядъ получилъ наименованіе „Священнаго“. Соединившись

Аттака казаковъ.

съ Неемъ, который привелъ съ собой только нѣсколько сотъ людей изо всей 15-ти тысячной арміи, Наполеонъ спѣшно выступилъ изъ Орши, которая вскорѣ была занята Платовымъ.

X. На Березинѣ.

Со всѣхъ сторонъ сдвигались русскія войска, словно готовясь нанести послѣдній ударъ Наполеону между Днѣпромъ и Березиной.

Наполеонъ шелъ изъ Орши безостановочно въ Березинъ, намѣреваясь переправиться черезъ нее въ Борисовѣ, который охраняли французы подъ начальствомъ маршала Удино и Домбровскаго. Но русскіе успѣли занять Борисовъ раньше прибытія туда Наполеона. Приходилось искать переправы въ другомъ мѣстѣ, выше или ниже Борисова. Медлить было невоз-

Остатки наполеоновской арміи послѣ Смоленска.

можно, потому что по пятамъ французовъ шли русскіе, намѣреніе которыхъ было—помѣшать переправѣ черезъ Березину.

Маршалу Удино удалось выбить русскихъ изъ Борисова; но русскіе, отступая, сожгли мостъ черезъ Березину. Надо было немедленно искать мѣсто для наведенія новаго моста.

12 ноября Наполеонъ выступилъ къ Борисову, откуда онъ получилъ извѣстіе отъ Удино, что имъ найдена удобная переправа черезъ Березину, около Студянки, гдѣ есть бродъ.

Кавалерійская аттака.

На слѣдующій же день французы спѣшно принялись за работу,—рубили лѣсъ, свозили бревна и хворостъ къ берегу. На разсвѣтѣ 14 ноября прибылъ въ Студянку самъ Наполеонъ. Его присутствіе оживило всѣхъ. Наполенъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что русскія войска еще не надвигались на нихъ, и на противоположномъ берегу не было замѣтно русскихъ, намѣревающихся воспрепятствовать переправѣ черезъ Березину. На всякій случай, передъ Студянкой была установлена сорокопушечная батарея для прикрытія постройки мостовъ. Небольшой русскій отрядъ началъ, было, издали мѣшать работѣ саперовъ; но батарея Наполеона своими залпами произвела сильное опустошеніе въ нашихъ рядахъ.

Между тѣмъ, французы работали нервно и суетливо, и послѣ полудня одинъ мостъ уже былъ готовъ, и переправа началась. Въ то же время спустили плоты на воду и на нихъ стали перевозить пѣхоту.

Эта переправа не обошлась безъ ужасныхъ жертвъ. Толпившіеся въ безпорядкѣ на мосту и на плотахъ, люди сталкивали другъ друга, и падавшимъ никто не подавалъ помощи.

Однако, Наполеонъ чувствовалъ сильный подъемъ духа, видя, что переправа черезъ Березину обезпечена.

— Моя звѣзда опять взошла!—гордо сказалъ онъ окружающимъ, указывая на небо.

XI. По ту сторону Днѣпра.

16-го ноября русскія войска надвинулись на Студянку. Арріергардъ французовъ составляло войско Виктора, которое прикрывало собой переправу. Атаки русскихъ были имъ отбиты; желая оттянуть время до ночи, чтобы всѣ успѣли переправиться и чтобы перейти и самому,—Викторъ сдѣлалъ нѣсколько отчаянныхъ наступленій, которыя сильно разстроили русскихъ, потому что еще далеко не всѣ назначенныя части арміи подошли къ Студянкѣ вò-время. Виктору помогала артиллерія, расположенная уже на противоположномъ берегу, подъ командой самого Наполеона.

Этотъ бой подъ Студянкой былъ ужасенъ по отчаянному сопротивленію французовъ, которымъ не оставалось ничего, какъ смѣло идти навстрѣчу смерти.

Вечерняя темнота остановила сраженіе; въ 10-мъ часу вечера Викторъ съ своими людьми сталъ спускаться къ переправѣ, оставивъ у Студянки небольшой арріергардъ.

Въ часъ ночи Викторъ перешелъ черезъ Березину, и на мостахъ стало пусто.

Тѣ, кто отсталъ и не успѣлъ еще переправиться на тотъ берегъ,—въ отчаяніи, видя себя брошенными и забытыми,—бросались прямо на землю или забирались подъ опрокинутыя повозки, въ брошенные экипажи, гдѣ разводили огонь и грѣлись, рѣшившись отдаться на волю русскихъ.

Ночью французскіе генералы пожелали оповѣстить ихъ, что вскорѣ мосты будутъ сожжены, и потому надо торопиться съ переправой.

Съ великимъ трудомъ поднимались несчастные, еле волоча ноги, и толпами устремились на мосты, поддаваясь скорѣе одному инстинкту, чѣмъ питая хоть какую-нибудь надежду...

Далеко не всѣ успѣли перейти...

Утромъ, около 9 часовъ, французскій генералъ, которому было поручено поджечь мосты, замѣтилъ приближеніе къ Сту-

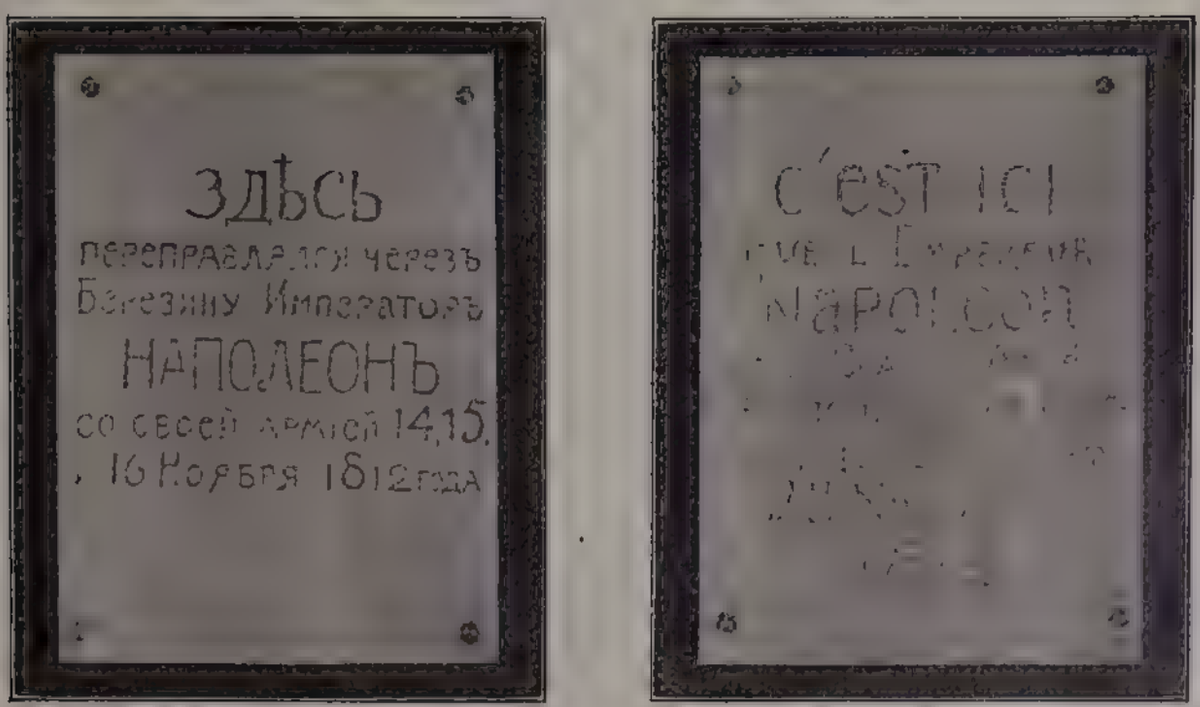
Переходъ черезъ Березину.

дянкѣ казаковъ,—и спѣшно отдалъ приказъ поджигать мосты...

Что произошло вслѣдъ за этимъ — не поддается никакому описанію. Отъ однихъ краткихъ перечисленій всѣхъ ужасовъ волосы становятся дыбомъ...

Когда загорѣлись мосты, въ нѣсколькихъ мѣстахъ взорванные на воздухъ,—цѣлые ряды обозовъ, толпы людей, лошади, бывшіе въ то время на мостахъ, рухнули въ ледяную воду, проламывая своей тяжестью довольно толстый ледъ. Кое-кто карабкался на сгрудившіяся льдины, но обрывался и тонулъ, тщетно взывая о помощи. Другіе бросались впередъ, навстрѣчу

На бивуакѣ.



Надписи на томъ мѣстѣ, гдѣ Наполеонъ переправлялся черезъ Березину.

столбамъ пламени и гибли, охваченные имъ. Женщины, дѣти, больные—держались на водѣ, изуродованные до неузнаваемости. Неистовые, отчаянные крики надрывали душу, заглушая собою вой поднявшейся метели... Къ полудню — Березина была такъ загромождена трупами, задержанными между льдинами, что по этимъ трупамъ можно было переходить, какъ по мосту, съ одного берега на другой!..

Такъ окончилась страшная переправа черезъ Березину, которая стоила Наполеону 20.000 плѣнныхъ, нѣсколькихъ тысячъ пропавшихъ безъ вѣсти, 25 пушекъ и цѣлыхъ обозовъ со всевозможнымъ награбленнымъ добромъ...

Несмотря на весь ужасъ, понесенный непріятелемъ, благодаря преслѣдованію его по пятамъ,—желаніе императора Александра—истребить всю армію и взять въ плѣнъ самого Наполеона — не осуществилось. Если многіе въ то время упрекали князя Кутузова въ медлительности и неумѣніи распорядиться во-время, то надо принять въ соображеніе дальновидность Кутузова, которая понуждала его хранить свои силы.

Война еще далеко не была закончена. За Березиной, между Одеромъ и Нѣманомъ, стояли союзники Наполеона со свѣжими силами. Соединивъ ихъ въ одно ополченіе, Наполеонъ получалъ въ свои руки новое страшное орудіе, съ которымъ надо было считаться.

Князь Кутузовъ неоднократно говорилъ, что и послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи война не кончится, и Россіи, вѣрнѣе всего, предстоитъ въ будущемъ еще болѣе ужасная война—со всей Европой...

XII. За Березиной.

Наполеонъ уѣхалъ раньше сожженія мостовъ, утромъ, въ 6 часовъ 17 ноября, закутанный въ соболью шубу, въ саняхъ, по виленской дорогѣ. Морозъ былъ жестокій, доходившій до 25—27 градусовъ.

Ему надо было возможно скорѣе добраться до Вильны, гдѣ были готовые запасы продовольствія. Передъ Вильной, въ Сморгонахъ, Наполеонъ распорядился собрать всѣ войска, какія только были въ Вильнѣ и окрестностяхъ...

По слѣдамъ Наполеона, съ отчаяніемъ, стиснувъ зубы, шли войсковыя части, не зная отдыха, потому что позади себя французы постоянно видѣли черныя массы надвигавшейся русской арміи. Нечего и говорить, что послѣ Березины случаи добровольной сдачи въ плѣнъ французовъ участились, какъ участились и трупы замерзшихъ и погибшихъ отъ голода и изнеможенія несчастныхъ.

Сдававшіеся въ плѣнъ производили страшное впечатлѣніе своимъ видомъ. Закутанные во всякое тряпье, исхудавшіе, съ отмороженными щеками, обросшіе бородами, со страшно сверкавшими безумными глазами—они производили впечатлѣніе помѣшавшихся и умирающихъ людей...

Не доходя до Сморгонь, Наполеонъ, при одномъ бѣгломъ взглядѣ на эти жалкіе остатки своей непобѣдимой арміи, сразу измѣнилъ свой планъ—дать отпоръ подъ Вильной... Не то надо было дѣлать... Надо было бѣжать, бѣжать самому отъ этого сплошного ужаса,—отъ этого живого призрака самой смерти.

И Наполеонъ рѣшилъ не откладывать своего твердаго намѣренія—скрыться изъ предѣловъ Россіи, чтобы пробраться въ Парижъ и немедленно приступить къ новой мобилизаціи войскъ.

XIII. Отъѣздъ.

24 ноября были созваны всѣ самыя близкія Наполеону лица: Мюратъ, Бертье, вице-король, Даву, Ней, Лефебръ и Бессьеръ. Имъ Наполеонъ объявилъ о своемъ рѣшеніи уѣхать немедленно, объясняя это якобы полученными имъ тревожными извѣстіями изъ Франціи, гдѣ его присутствіе въ настоящее время было крайне необходимо. Главное предводительство надъ всѣми войсками, остававшимися въ Россіи, Наполеонъ передавалъ Мюрату. Армія должна была стать въ Вильнѣ и Ковно и защищать Варшаву.

Съ тяжелымъ чувствомъ, убитые и разстроенные, прощались приближенные Наполеона съ нимъ. Они видѣли явно свою гибель, не имѣя никакого довѣрія къ способностямъ Мюрата.

Остатки арміи.

Изъ сосѣднихъ разоренныхъ усадебъ привезли карету и сани. Въ каретѣ помѣстился самъ Наполеонъ и Коленкуръ, а въ саняхъ — оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ Мутонъ. На козлы кареты сѣли любимый мамелюкъ Наполеона и какой-то польскій офицеръ,—вотъ и весь поѣздъ Наполеона I.

Они выѣхали изъ Сморгонъ вечеромъ, при трескучемъ морозѣ въ 28 градусовъ, и ночью благополучно добрались до Ошмянъ. По дорогѣ Наполеонъ чуть, было, не попался въ плѣнъ партизанскому отряду Сеславина, который днемъ атаковалъ дивизію Луазена, занявшую Ошмяны, но былъ отбитъ французами и отступилъ верстъ за десять. Благодаря усталости солдатъ и непомѣрно жестокому морозу, Сеславинъ

Наполеонъ на пути.

отмѣнилъ въ эту ночь сторожевые разъѣзды, и это-то именно и спасло Наполеона отъ вѣрнаго плѣна...

Подъѣзжая къ Вильнѣ, Наполеонъ встрѣтилъ генерала Маре, своего намѣстника въ Вильнѣ. Онъ узналъ отъ Маре, что Вильна богата запасами, и просилъ Маре всячески уговаривать Мюрата возможно дольше держаться въ Вильнѣ...

Но время не терпѣло...: Надо было думать о дальнѣйшемъ бѣгствѣ. Усталыхъ лошадей замѣнили свѣжими, — и поѣздъ Наполеона во всю прыть помчался дальше, по направленію къ Ковно...

26 ноября Наполеонъ переѣхалъ русскія границы, и въ первый разъ послѣ долгихъ тревогъ и сомнѣній вздохнулъ свободно полной грудью...

XIV. Бѣгство Мюрата.

Цѣлую бурю негодованія и озлобленія вызвало въ войскахъ извѣстіе о внезапномъ и быстромъ отъѣздѣ Наполеона. Никого не стѣсняясь, солдаты вслухъ проклинали того, кого еще недавно они боготворили.

Два гренадера.

— Бѣжитъ, какъ изъ Египта!.. А насъ въ жертву оставляетъ!.. Горе намъ!..— говорили всюду и генералы, и офицеры, и солдаты.

Поступокъ Наполеона краснорѣчиво показалъ, что все потеряно, что дорожить уже не чѣмъ и не для чего, — и у каждаго являлась только одна вполнѣ опредѣленная цѣль будущаго—личное самосохраненіе прежде всего.

Назначеніе Мюрата главнымъ начальникомъ не имѣло никакого значенія, въ сущности. Онъ только назначалъ ночлеги для главной квартиры и указывалъ путь, по которому должны были слѣдовать бѣглецы. 24 ноября наши казаки подступили подъ Сморгоны, откуда французы хотѣли, было, оказать сопротивленіе, да махнули рукой и бросились бѣжать дальше, къ Ошмянамъ, потерявъ 25 орудій и 3000 плѣнныхъ.

Въ Ошмянахъ была дивизія Луазена, съ которой Мюратъ хотѣлъ соединиться. Да оказалось, что изъ 10.000 человѣкъ Луазена—погибло уже 7.000, а остальные были еле живы.

Отсутствіе Наполеона, близость казаковъ, безвыходное положеніе произвели панику среди французовъ,—въ полномъ смятеніи огромная толпа повалила изъ Ошмянъ по направленію къ Вильнѣ, оставляя по дорогѣ, какъ и прежде, толпы полузамерзшихъ, изнемогшихъ и ополоумѣвшихъ отъ ужаса товарищей. По слѣдамъ французовъ шли наши войска, подъ командой Кайсарова, Сеславина, Чаплица и Чичагова.

Привалъ французовъ въ деревнѣ.

Тѣснимыя съ тыла и съ фланговъ,—безпорядочныя толпы французовъ 27 ноября ворвались въ Вильну. Мюратъ опередилъ войско и въѣхалъ однимъ изъ первыхъ. Генералъ Маре передалъ ему волю Наполеона, но Мюратъ озлобленно и раздраженно отвѣтилъ на то:

— Нѣтъ, я не останусь въ этомъ котлѣ въ жертву русскимъ!..

И на всѣ требованія распоряженій — отмахивался руками и говорилъ, что ему ни до чего нѣтъ дѣла, и пусть его оставятъ только въ покоѣ.

Между тѣмъ, все-таки французы первое время попытались, было, удержаться въ Вильнѣ, гдѣ нашлось много продовольственныхъ запасовъ, гдѣ можно было найти квартиры и въ первый разъ послѣ долгаго пути отдохнуть и придти въ себя.

Но, при первыхъ же выстрѣлахъ осадившаго Вильну Сеславина, Мюратъ встревожился и сталъ спѣшно собираться въ дальнѣйшее бѣгство. Нею былъ порученъ арріергардъ, который долженъ былъ оставаться въ городѣ, пока всѣ не выйдутъ изъ него и пока не вывезутъ полковую казну и важные документы.

Бѣжать было надо, немедля ни минуты, — но этого нельзя было сдѣлать, въ виду полнаго изнеможенія французской арміи. Волей-неволей Мюрату пришлось переждать цѣлую ночь и только 28 ноября выступить въ походъ. А слѣдомъ за нимъ

Поѣздъ Наполеона.

вышелъ маршалъ Ней съ арріергардомъ, заваливъ ворота Вильны и не дожидаясь, вопреки приказу Мюрата, вывоза казеннаго имущества.

За Вильной дѣло пошло еще хуже. Путь французовъ шелъ черезъ крутую Панарскую гору, и передвиженіе ихъ совершалось крайне медленно. Между тѣмъ, подоспѣли русскія войска—отрядъ Орлова-Денисова, а за нимъ слѣдомъ Платовъ. Французы отбивались тщетно, не переставая отступать. Маршалъ Ней только не надолго задержалъ атаки русскихъ, построивъ въ боевой порядокъ свой арріергардъ.

Этимъ перерывомъ атакъ воспользовался, насколько было возможно, Мюратъ.

Восхожденіе на Панарскую гору было ужасное. Лошади, взбираясь на скользкую возвышенность, падали отъ изнеможенія, загромождая дорогу остальнымъ. Обозы сбились до того, что Мюратъ и маршалы вышли изъ каретъ и саней и пѣшкомъ двинулись сбоку дороги, по снѣгу, цѣликомъ. Обозы велѣно было жечь и разбивать,—захватили съ собой только драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія самому Наполеону.

Выбравшись изъ этого ада,—Мюратъ, маршалы и часть гвардіи ускакали прочь, оставивъ за собой маршала Нея съ арріергардомъ и жалкіе остатки полуживыхъ солдатъ.

Когда арріергардъ Нея достигъ брошеннаго обоза и ящиковъ съ казеннымъ имуществомъ и деньгами,—то одинъ видъ послѣднихъ пробудилъ въ этихъ несчастныхъ такую алчность къ золоту, что они мгновенно забыли призракъ смерти, несшійся по ихъ слѣдамъ, и бросились грабить деньги. Тутъ на нихъ налетѣли казаки и тоже бросились подбирать деньги и попутно добивать полуживыхъ людей.

XV. Занятіе Вильны.

Между тѣмъ, пока на Панарской горѣ происходила отчаянная свалка,—генералъ Чаплицъ атаковалъ Вильну. Главныя ворота были завалены бревнами; но отрядъ егерей, посланный въ обходъ,—ворвался въ городъ и затѣялъ перестрѣлку съ французами. Послѣдніе сопротивлялись не долго и бросились бѣжать, куда попало. Но тѣ непріятели, которые занимали въ разныхъ домахъ квартиры, безстрастно смотрѣли на общее смятеніе и отказывались двинуться съ мѣста, несмотря на приказы командировъ и на барабанный бой, бившій сборъ солдатамъ. Взбунтовались даже придворные служители и люди, состоявшіе при экипажахъ Наполеона, отказываясь снова выступать въ походъ.

Утромъ въ городъ ворвались казаки, и началось поголовное избіеніе французовъ, чему помогали многіе обыватели, силою вытаскивавшіе на улицу своихъ непрошенныхъ гостей.

Быстрота захвата Вильны спасла ее отъ пожара и разгрома. Въ магазинахъ были найдены большіе запасы провіанта,—и это значительно подняло духъ арміи.

Князь Кутузовъ прибылъ въ Вильну въ тотъ же день и остановился въ богатомъ замкѣ, гдѣ расположилась и его главная квартира. Жители ожили, плакали отъ радости и восторженно привѣтствовали входившія въ городъ войска. Всѣ искали видѣть Кутузова; у его замка толпились люди всякаго званія. Вечеромъ давали въ театрѣ представленіе, главнымъ героемъ котораго былъ Кутузовъ—„Избавитель Отечества“.

Сначала Кутузовъ хотѣлъ немедленно же двинуть войско для дальнѣйшаго преслѣдованія французовъ; но въ это время онъ получилъ донесеніе о дѣйствіяхъ отрядовъ Орлова-Денисова и Платова, которые говорили о пораженіи французской арміи въ значительной степени,—и отмѣнилъ приказъ о выступленіи.

Русскіе сами были истощены и изнурены до крайности такой долгой погоней отъ Москвы до Вильны по стопамъ убѣгающаго непріятеля.

Три дня армія отдыхала въ Вильнѣ и въ ея окрестностяхъ и только 3 декабря выступила въ походъ и дошла до праваго берега Нѣмана.

XVI. Послѣднія дѣйствія.

Уже въ Вильну прибыли только жалкіе остатки разрозненныхъ корпусовъ Наполеоновской арміи. Но то, что ожидало Мюрата, какъ замѣстителя Наполеона, впереди,—превышало всякія, даже самыя дурныя, предположенія.

30 ноября Мюратъ съ нетерпѣніемъ дожидался маршала Нея, съ его арріергардомъ, желая выяснить,—сколько человѣкъ осталось подъ ружьемъ, и нельзя ли будетъ подкрѣпить ими гарнизонъ Ковно, чтобы удержать городъ въ своихъ рукахъ хотя ненадолго.

Маршалъ Ней изъ 3.000 человѣкъ арріергарда, вышедшихъ изъ Вильны, привелъ въ Ковно только 60 человѣкъ,—остальные

погибли во время тяжелаго перехода, а частью были захвачены въ плѣнъ.

Прибывъ въ Ковно, маршалъ Ней составилъ наскоро изъ гарнизона новый арріергардъ. Теперь всего на все оставалось въ командѣ—до 600 человѣкъ, а въ пѣшей гвардіи—до 1.000 человѣкъ, и въ арріергардѣ—не свыше 1.500 человѣкъ. Это было все, что оставалось отъ великой побѣдоносной арміи.

Но ни Мюрату, ни оставшимся въ живыхъ маршаламъ и генераламъ теперь было не до печальныхъ размышленій. Неизбѣжная гибель грозила и имъ самимъ, и надо было теперь думать только о личномъ спасеніи.

Маршалъ Ней былъ оставленъ въ Ковно, съ арріергардомъ, а Мюратъ и остальные генералы 1-го декабря вышли изъ Ковно и добрались до высотъ на лѣвомъ берегу Нѣмана, за предѣлами Россіи.

Только тутъ, впервые, послѣ выступленія изъ Москвы, вздохнули они отъ всего сердца, не боясь вѣчнаго преслѣдованія, вырвавшись изъ какого-то страшнаго ада.

Графъ Платовъ приблизился къ Ковно 2-го декабря, утромъ. Его встрѣтилъ залпъ изъ нѣсколькихъ орудій, что давало понять о нежеланіи непріятеля сдать Ковно добровольно.

Тогда казаки стали обходить Ковно по льду Нѣмана; французы замѣтили это,—побросали пушки и побѣжали изъ города.

Казаки нагнали маршала Нея и, несмотря на его отчаянное сопротивленіе,—разсѣяли его отрядъ. Солдаты бросились врассыпную, пользуясь наступившей темнотой. Самъ Ней, раненый въ этой схваткѣ, едва ускакалъ подъ кровомъ ночи въ Вильковискъ...

За время погони отъ Вильны до Ковно и битвы на лѣвомъ берегу Нѣмана—взято до 5.000 плѣнныхъ и 20 орудій. Въ самомъ Ковно найдены большіе запасы оружія, орудій и зарядовъ.

Донесеніе князя Кутузова Государю объ изгнаніи изъ Россіи послѣднихъ остатковъ французской арміи заканчивалось такими словами:

„Исполнились слова Вашего Императорскаго Величества: усѣяна дорога костями непріятельскими! Да вознесетъ всякій Россіянинъ благодарственныя молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастливѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ избранъ

благодѣтельной судьбой исполнителемъ Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества".

Мы подходимъ къ концу описанія достопамятной Отечественной войны, и теперь обратимся назадъ и бросимъ общій взглядъ на всѣ событія, прошедшія передъ нашими глазами.

Война 1812 года явилась роковой для генія Наполеона и гибельнымъ финаломъ его грандіозныхъ плановъ.

Самая грандіозная армія имѣетъ границы своимъ силамъ, и всегда такой арміи есть возможность противопоставить армію, значительно превосходящую ее. Но весь народъ, соединившійся въ одно цѣлое во имя одной идеи, отъ достиженія которой зависитъ вся его жизнь, все его благосостояніе и вся будущая загробная жизнь,—является силой непобѣдимой, и границъ ея мощи не можетъ быть никакихъ.

Въ самые тяжелые періоды войны 1812 года, когда Наполеоновская армія снѣжной лавиной надвигалась на Россію, и когда русская армія отступала передъ ней шагъ за шагомъ,—мысль Кутузова поднять весь народъ, вовлечь его въ дѣло войны—надо считать великой и геніальной. И, благодаря геніальности этой мысли,—общій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій былъ выработанъ имъ болѣе, чѣмъ простой. Заманить, завлечь непріятеля въ центръ страны и здѣсь, вдали отъ его союзниковъ, безъ точки вѣрной опоры,—поднять весь народъ и отдать ему на расправу всю великую армію и Наполеона, передъ которыми трепеталъ и преклонялся весь міръ.

Отъ доброй воли народа долженъ былъ зависѣть весь исходъ этой страшной трагедіи. Онъ одинъ могъ подъ прикрытіемъ арміи дать отпоръ непріятелю; онъ одинъ могъ не дать ему пристанища и средствъ къ пропитанію... И Кутузовъ, какъ истый сынъ своей родины и народа, понималъ свой народъ хорошо и не ошибся въ немъ, принявъ такое рѣшеніе...

Непріятель идетъ побѣдоноснымъ шествіемъ. Армія отступаетъ передъ нимъ. А оставленный безъ защиты арміей народъ—не отдается на милость побѣдителя, не старается умилостивлять его, не покоряется ему, а своими руками разоряетъ и жжетъ все свое добро, послѣдній свой кровъ и бѣжитъ въ глухія лѣсныя трущобы, озлобленно озираясь на торжествующихъ побѣдителей...

Вступая въ предѣлы богатой, плодородной страны, побѣдоносное войско на каждомъ шагу встрѣчаетъ разоренныя деревни и села, сожженные запасы хлѣба, истопченныя нивы, выжженные города. А сверхъ того, изъ-за каждаго угла ихъ зорко сторожатъ тѣ самые бѣдняки, которые разорили сами себя, озлобленные, непримиримые, и пользуются каждымъ случаемъ, чтобы напасть на развѣдочный отрядъ, отбившійся отъ главной арміи, чтобы истребить его... И съ каждымъ днемъ эта ненависть, это самобытное, никѣмъ извнѣ ненавѣянное воодушевленіе, растутъ все больше и больше, и непріятель все чувствительнѣе ощущаетъ тяжесть этой неуловимой, карающей руки, которой управляетъ Самъ Господь-Богъ.

Цѣль, намѣченная Наполеономъ, достигнута. Города, цѣлыя губерніи захвачены французами. Наполеонъ—въ сердцѣ Россіи, но ни страна, ни самый народъ не покорены... Самъ Наполеонъ, вся армія—недоумѣваютъ, и только послѣ долгихъ размышленій Наполеонъ начинаетъ постигать весь ужасъ своего положенія въ какой-то западнѣ,—положеніе человѣка, занявшаго чуждыя территоріи, съ непокореннымъ, съ неуничтоженнымъ народомъ, а только отодвинувшимся въ сторону и втайнѣ собирающимся съ силами для послѣдней отчаянной и немилосердной борьбы...

Передъ Наполеономъ остается одинъ исходъ—вырваться изъ этой западни, бѣжать отсюда, изъ захваченныхъ территорій, не дожидаясь, когда ощетинившійся въ своей берлогѣ, отревоженный звѣрь расправитъ свои когти и выйдетъ къ нему лицомъ къ лицу...

Но возвращаться назадъ, по разоренной, опустошенной дорогѣ и ея окрестностямъ,—это все равно, что обречь себя заранѣе на вѣрную голодную смерть. И Наполеонъ, какъ раненый звѣрь, бросается изъ стороны въ сторону, отыскивая свободную лазейку въ другія территоріи, которыя не подвержены были полному разоренію. И тутъ убѣждается онъ, что со всѣхъ сторонъ его окружаетъ кольцомъ ощетинившійся народъ, который издали спокойно наблюдаетъ его предсмертную агонію. Но онъ еще сдержанъ, этотъ народъ. Онъ не хочетъ броситься на него и уничтожить его. Онъ открываетъ ему свободный путь,—для бѣгства, но путь смерти, тотъ путь, по которому непріятель ворвался въ его предѣлы, путь разоренный и усѣянный мертвыми тѣлами...

Другого выхода нѣтъ,—и Наполеонъ направляется по этому пути и шагъ за шагомъ ускоряетъ свой маршъ, чтобы возможно больше сократить время шествія по страшному пути смерти. А за нимъ по пятамъ начинаетъ надвигаться неудержимой снѣжной лавиной униженный и оскорбленный народъ, съ каждымъ шагомъ отрѣзая непріятелю возможность скрыться изъ виду, броситься въ сторону или вернуться назадъ...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

А. Франція и французы 3

Часть I.—Походъ Наполеона I. 9

I. Походъ Наполеона I . . . . . —

II. Въ Москвѣ 11

III. Русская армія 12

IV. Защита и гибель Смоленска 13

V. Во французскомъ лагерѣ 14

VI. Смоленскъ въ опасности 16

VII. Гибель Смоленска 17

VIII. Ужасъ отступленія. Ропотъ 18

IX. Паника среди жителей 20

X. Общее недовольство главнокомандующимъ 21

XI. Назначеніе Кутузова 23

XII. Прибытіе Кутузова въ армію 25

XIII. Бородинское поле 28

XIV. Въ арміяхъ. Шевардинскій редутъ 30

XV. Бородино 35

XVI. Бородинскій бой 37

XVII. Хитрость Наполеона 38

XVIII. Геній Кутузова 41

XIX. Барклай де-Толли 42

XX. Послѣднія попытки Наполеона 43

XXI. Итоги Бородинскаго боя 45

XXII. Послѣ битвы 46

XXIII. Подъ Москвой 48

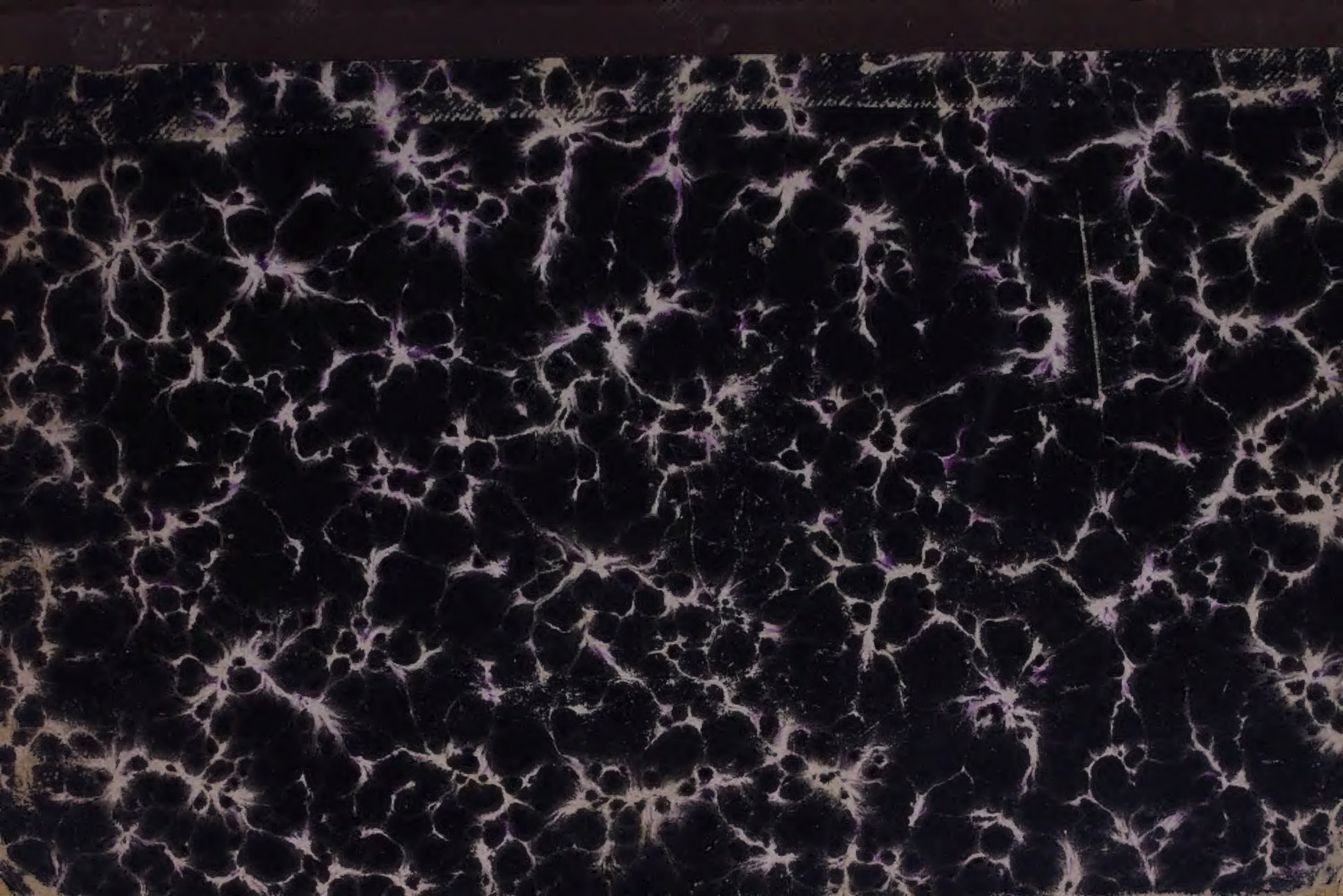
XXIV. Совѣтъ въ Филяхъ 49

Стр.

Часть II.—Москва 54

I. Настроеніе въ Москвѣ . . . . . —
II. Надежды. 56
III. Упадокъ духа въ Москвѣ 58
IV. Оставленіе Москвы. 60
V. Москва опустѣла! 62
VI. Въ арріергардѣ 65
VII. Во французской арміи 67
VIII. Настроеніе побѣдителей 68
IX. Разсказы очевидцевъ 71
X. Наполеонъ въ Москвѣ 88
XI. Пожаръ разгорается 89
XII. Грабежи въ Москвѣ 93
XIII. Толки въ народѣ. 94
XIV. Настроеніе въ Петербургѣ 95
XV. Опасеніе за Петербургъ 98
XVI. Положеніе русской арміи 100
XVII. Русскіе открыты 102
XVIII. Тарутинскій лагерь 103
XIX. Новые порядки въ Москвѣ 105
XX. Жажда мира. 106
XXI. Партизаны и народъ 107
XXII. Въ Тарутинѣ 110
XXIII. Послѣднія усилія Наполеона 111
XXIV. Жалобы Мюрата 112
XXV. Выступленіе изъ Москвы 113
XXVI. Бой при Тарутинѣ 116
XXVII. Неожиданное извѣстіе 118

Стр.

Часть III. — Отступленіе и бѣгство Наполеона. Изгнаніе непріятелей. 120

I. Передвиженіе арміи 120
II. Бой при Малоярославцѣ 122
III. Досада Наполеона 123
IV. Казачья атака 124
V. Рѣшеніе Наполеона 125
VI. На пути къ Вязьмѣ 126
VII. Ужасъ въ Смоленскѣ 132
VIII. Бой подъ Краснымъ 133
IX. Корпусъ маршала Нея 135
X. На Березинѣ 138
XI. По ту сторону Днѣпра 141
XII. За Березиной 144
XIII. Отъѣздъ 145
XIV. Бѣгство Мюрата 148
XV. Занятіе Вильны 151
XVI. Послѣднія дѣйствія 152